

**ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ**

Г. ЗИНОВЬЕВ

К. ЛИБКНЕХТ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Annotation

Книга посвящена жизни и деятельности лидера социалистической партии Германии.

В тексте сохранена орфография оригинала.

Примечание оцифровщика

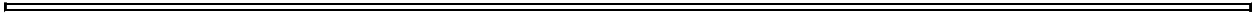
[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Г. Е. Зиновьев](#)
    -
    - [INFO](#)
    -
    -
    - [ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ](#)
    - [I. ЛИБКНЕХТ-ОТЕЦ](#)
    - [II. МОЛОДЫЕ ГОДЫ КАРЛА ЛИБКНЕХТА](#)
    - [III. КАРЛ ЛИБКНЕХТ](#)
    - [IV. «ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ» ГОД](#)
    - [V. КАРЛ ЛИБКНЕХТ НА ФРОНТЕ](#)
    - [VI. КАРЛ ЛИБКНЕХТ](#)
    - [VII. 1917 ГОД. В КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ](#)
    - [VIII. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КАРЛ ЛИБКНЕХТ В КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ](#)
    - [IX. ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОСЛЕДНИЕ ТРИ](#)
    - [X. СМЕРТЬ КАРЛА ЛИБКНЕХТА](#)
    - [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
  - [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

Г. Е. Зиновьев

КАРЛ ЛИБКНЕХТ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
МОСКВА 1933

*

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

М. Горького, Мих. Кольцова, А. Н. Тихонова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Горький, акад. С. И. Вавилов, проф. Б. М. Гессен, проф.
И. Э. Грабарь, М. Е. Кольцов, Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский,
проф. А. П. Пинкевич, Н. А. Семашко, В. М. Свердлов, А. Н.
Тихонов, проф. А. Н. Фрумкин, проф. О. Ю. Шмидт.

М.: Журн. газетное объединение, 1933.

INFO

Обложка П. Алякринского
Технический редактор Г. Белинский

Уполн. Главлита В 65861
Изд. № 268
Зак. тип. 866
Тираж 50 000
Колич. зн. в бум. листе 88 000
Стат А₅—148 X 210 м.
Колич. бум. листов 13¹/₈
Книга сдана в производство 22/VII
Подписана к печати 11/IX 1933 г.

Отпечатано в 7-й тип. «Искра Революции»
Москва, Арбат, Филипповский пер., 13.

..Кровь лучших людей всемирного пролетарского Интернационала, незабвенных вождей международной социалистической революции закалит новые и новые массы рабочих к борьбе не на жизнь, а на смерть. И эта борьба приведет к победе.

*В. И. ЛЕНИН — На смерть Карла Либкнехта
и Розы Люксембург.*

Карл Либкнехт

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

...Есть же одно лицо, один образ, поднявшийся над войной, который будет вечно сверкать красотой и мужеством — Либкнехт!

БАРБЮС. В огне».

СРЕДИ книг, посвященных первой всемирной империалистической войне, одно из первых мест бесспорно принадлежит книге Анри Барбюса «В огне», столь понравившейся В. И. Ленину. Эту книгу А. М. Горький назвал замечательной книгой, «удивительно простой и беспощадно правдивой». В этой «страшной и радостной книге» (Горький), описывающей будни войны, передана беседа среди измученных, исстрадавшихся и изверившихся рядовых солдат французской армии темной беспросветной ночью в окопах на одном из самых тяжелых участков фронта. В уста капрала Бертрана, который больше других думает над общим положением, созданным мировой бойней, и лучше других умеет выразить самую сокровенную мысль своих товарищей, автор вкладывает следующее размышление вслух:

«— Будущее! — воскликнул он вдруг тоном пророка. — Какими глазами станут смотреть на нас те, которые будут жить после нас и душа которых будет наконец приведена в равновесие прогрессом, неотвратимым, как рок? Какими глазами они посмотрят на эти убийства и на наши подвиги, о которых даже мы сами, совершающие их, не знаем, следует ли сравнивать их с делами героев Плутарха и Корнелия или же с подвигами апашей... И, однако, смотри! — *Есть же одно лицо, один образ, поднявшийся над войной, который будет вечно сверкать красотой и мужеством!*^[1]

«Опершись на палку, склонившись к нему, я слушал, впивая в себя эти слова, раздавшиеся в безмолвии ночи из этих почти всегда безмолвных уст. Ясным голосом он выкрикнул:

«— *Либкнехт!*

«И поднялся, не разжимая окрещенных рук. Его прекрасное лицо, хранившее серьезность выражения статуи, склонилось на грудь. Но вскоре он снова поднял голову и повторил:

«— Будущее! Будущее! Дело будущего — загладить это настоящее,

стереть его из памяти людей, как нечто отвратительное и позорное».

В этих размышлениях французского солдата нет ничего искусственного, надуманного. Да, приблизительно такие слова могли быть и наверняка были сказаны тогда во французских окопах. Они могли в ту пору быть сказанными и в окопах любой другой империалистской армии. Такие слова были на устах и во всяком случае в сердцах многих десятков тысяч, а как показали вскоре ближайšie годы — и миллионов.

Но то обстоятельство, что слова эти могли быть тогда сказаны именно во французских окопах и отразить сокровеннейшие чувства рядовых французской армии, имеет особенно гигантское значение. Моральная победа великой идеи интернационализма заключалась в том, что Карл Либкнехт своею деятельностью мог вызвать такое признание именно в этой стране, где шовинистические страсти были раскалены буквально до-бела. Капрал французской армии — песчинка в огромной безбрежной массе солдат, малый винтик в чудовищном империалистическом механизме смерти, человек, заброшенный в один из окопов, избороздивших тогда все поля Европы, ночью, в обстановке, когда в любую секунду ядро или шальная пуля могут навеки закрыть уста и разорвать человека на части, — говорит своим пострадавшим товарищам: «Есть же одно лицо, один образ, поднявшийся над войной — *Либкнехт!* Это имя будет вечно сверкать красотой и мужеством!» И люди, стоящие на пороге смерти, смотревшие ей в глаза вероятно уже десятки раз, принимают эти слова как должное, как само собою разумеющееся... Они сами думают так же. И у них самих это имя не раз было на устах. Этот образ живет и в их сердцах. Он запал им в душу глубоко-глубоко, невзирая на то, что начальство—всяческое начальство: и военные и духовные, и офицер и поп, и буржуазный депутат парламента и редактор когда-то своей «социалистической» газеты — клеветает на Либкнехта, гнусно извращает смысл его поступков, нагло «намекает» на то, что у Либкнехта в голове «не все в порядке» и т. п.

Да, это был именно образ, сиявший красотой и мужеством через все окопы, через все фронты! Это была *надежда*, блеснувшая людям труда, людям массы во тьме кромешной ночи, в которую ввергла землю война неслыханных и (невиданных дотоле размеров и ужасов. Это был образ, оказавший уже явное воздействие на воображение массы трудящихся Европы и Америки, массы рядовых бойцов, с тоской ожидавших своей очереди умереть в окопах за чужое, чуждое отвратительное дело империалистского грабежа. Уже задолго до того, когда солдаты, описываемые Барбюсом, под покровом темной ночи в окопах вели

душевную беседу о Карле Либкнехте, Владимир Ильич Ленин, учитель ряда поколений пролетарских революционеров, закладывал самые глубокие, самые прочные основы того, за что более широко, более легально мог агитировать Карл Либкнехт. В изгнании, физически оторванный от своей родной стихии масс, в маленькой мещанской Швейцарии, вдали от рабочих батальонов, Ленин в эту пору создавал самое великое, самое ценное, самое глубокое и славное, что создано было после Маркса и Энгельса. Либкнехт же в эту пору имел возможность в своей стране с трибун, все же слышных массе, и даже с площади германской столицы непосредственно бросить массам клич к борьбе против империалистической бойни, непосредственно идти во главе масс на демонстрацию против войны и т. п.

Да, в ту пору это было пока только *одно* столь широко известное в Европе имя борца против войны, *одна* звезда, воссиявшая так ярко угнетенным и эксплуатируемым, убиваемым и распинаемым всего мира. В 1917 г. над окровавленной Землей взошла и для европейских, а затем и всемирных масс звезда еще гораздо более ослепительной силы: *Ленин!* С этих пор для трудящихся уже не только всей Европы и Америки, но буквально всей земли, имя *это* светит безраздельно, разгорается все ярче, и ярче будит и зовет, сплачивает и ведет, подымает и увлекает на беззаветную борьбу.

Либкнехт! — это имя в 1915–1916 гг. первым дошло до европейских масс, до немецких и французских скопов, а затем перешагнуло через скопы и других стран. *Либкнехт!* — это имя уже тогда стало символом революционной борьбы против империалистской войны, символом пролетарского интернационализма. *Либкнехт!* — это имя было первой надеждой и стало первой любовью пострадавших в муках войны европейских рабочих и солдат. Приведенный отрывок из книги Барбюса запечатлел именно эту первую стадию процесса назревания в европейских массах борьбы против империалистской войны.

Пройдут года и десятилетия, и для будущих поколений понадобится напряжение памяти, чтобы вспомнить хотя бы только главные перипетии первой всемирной империалистской бойни, понадобятся усилия фантазии, чтобы сколько-нибудь конкретно представить себе, что означали четыре с половиной года этой войны для трудящихся всего мира. Но всякий раз, когда люди будут вспоминать об этих годах, они не смогут не вспомнить о Карле Либкнехте. Всякий раз, когда грядущие поколения будут обращаться к истории освобождения нашей земли от позора капитализма и сопутствующих ему войн, всякий раз, когда они будут вспоминать имена

наиболее великих бойцов против империалистских войн, — среди первых имен назовется Карл Либкнехт.

Кто будет перелистывать великую книгу истории пролетарской революции, кто захочет вспомнить имена ее лучших и прекраснейших героев, тот всегда с чувством глубокой признательности повторит имя: *Карл Либкнехт!*

Пройдут десятилетия и века, а имя Карла Либкнехта будет светить миллионам и сотням миллионов людей на всей земле. Пройдут десятилетия и века, а великая жизнь и смерть этого пролетарского героя останется образцом для будущих поколений.

I. ЛИБКНЕХТ-ОТЕЦ

Как относились я и все мы к нашим родителям — этого словами не выразишь. Объяснить это можно многими причинами, в том числе перенесенными сообща страданиями и преследованиями. И, в самом деле, существует такая любовь, которая сильнее смерти и с которой смерть ничего не может поделать: мертвый продолжает жить в мыслях и чувствах тех, кто его пережил. Так было с моими родителями: они только внешне отсутствуют теперь для меня, но даже и это выражение не совсем точно...

Письмо К. Либкнехта из каторжной тюрьмы от 21/I 1917 г.

ИМЯ ЛИБКНЕХТ было прославлено на весь мир уже отцом Карла — Вильгельмом Либкнехт, который бесспорно принадлежал к замечательнейшим людям своей эпохи. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что отец дал сыну «на дорогу» очень, очень многое.

Что же именно?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо хотя бы в самых общих чертах напомнить читателю биографию Либкнехта-отца.

Вильгельм Либкнехт вышел из семьи ученых. Его предки состояли в близком родстве с Лютером. В официальном некрологе прадеда Вильгельма Либкнехта, профессора Иоганна-Георга Либкнехта, умершего в 1749 г., содержится прямое указание на то, что «его прародитель был связан узами родства с блаженной памяти Лютером». Сам этот прадед был одним из выдающихся ученых своего времени (математик и одновременно теолог), состоял в тесной дружбе и в постоянной переписке с Лейбницем. Он родился в 1679 г. в местечке Вазунген. Уже 28 лет от роду он в 1707 году по рекомендации Лейбница получил кафедру математики в Гисенском университете. В 1721 г. он вдобавок к этому получает еще кафедру теологии. В 1724 г. вышло в свет его сочинение «Основные принципы всех математических наук и учений». Вокруг астрономических открытий, сделанных Иоганном-Георгом Либкнехтом, в течение многих лет кипела

ученая полемика. В 1733 г. он выпустил несколько сочинений теологического характера, вокруг которых тоже создалось не мало шума.

От первого и второго браков Иоганна-Георга Либкнехта родилось 13 детей. Общественные связи всей этой семьи, ее браки, ее знакомства — частью ученые, частью военные, частью чиновничество более или менее высоких рангов. Отец Вильгельма Либкнехта родился в 1787 г. и умер в 1832 г. Он был государственным чиновником. Мать умерла в 1831 г., когда Вильгельму было 5 лет от роду.

Вильгельм Либкнехт (его полное имя было: Вильгельм-Филипп-Мартин-Христиан-Людвиг) родился 29 марта 1826 года в городке Гиссене (Верхний Гиссен). Он был третьим ребенком в семье, рано лишился матери, а через год и отца, и попал на воспитание к родственникам, у которых провел довольно тяжелое детство. Университетский город Гиссен был тогда в действительности только небольшим местечком, насчитывавшим всего 8 000 жителей. В те времена этот ныне индустриальный пункт представлял собой полугород-полудеревню, обладал большим количеством садов и был расположен необычайно живописно.

Родственники готовили Вильгельма Либкнехта к карьере государственного чиновника. 16 лет от роду он кончает местную гимназию и поступает в местный же университет. Наибольший след в молодой душе подростка оставило к этому времени знакомство с важнейшими из сочинений Сен-Симона. Из семейных переживаний на воображение мальчика сильно подействовала судьба одного из братьев его бабушки — Вейдига. Этот Вейдиг — по оценке Вильгельма Либкнехта, один из благороднейших людей своей эпохи-был арестован в 1835 г. за распространение революционной литературы и посажен в Дармштадтскую подследственную тюрьму. Дело его попало в руки какого-то исступленного следователя, полуфанатика-полусумасшедшего. Арестованного держали в тюрьме два года. При помощи целого ряда утонченных издевательств заключенного довели до полного отчаяния. Он покушался на самоубийство, но неудачно. Спустя некоторое время посланный следователем наемный убийца темным зимним утром задушил узника в его камере. В мирной интеллигентской семье Либкнехтов Вейдиг первый открыл собою — серию революционеров и «бунтовщиков». Вторым скоро оказался сам Вильгельм Либкнехт.

Поступив в 1848 г. в университет, Вильгельм Либкнехт изучает теологию, филологию и философию. В эту пору он мечтает об академической карьере, чувствуя себя уже атеистом, а в политической

области революционером. Скоро ему удастся переселиться в Берлин. Он поступает в тамошний университет и слушает философию у Шеллига и Тренделенбурга. В то же время он ревностно изучает историю древности и германскую историю. С 1846 г. Вильгельм Либкнехт считает себя коммунистом. В Берлине он организует кружки революционного студенчества, в то время, на заре буржуазной революции 1848 года, в массе своей настроенного оппозиционно и революционно. В этих студенческих кружках В. Либкнехт пропагандирует не только республиканские, но и социалистические идеи. Польский вопрос в те времена был до известной степени оселком всякого последовательно-демократического убеждения. В. Либкнехт с горячностью и энтузиазмом защищает освобождение Польши. В кружках молодежи кипят дискуссии и споры. Имя Либкнехта становится известным властям, и в 1846 г. на него обрушивается первая репрессия. Его высылают из Берлина — «по месту рождения». По дороге на родину он делает крюк и пытается попасть в Богемию. Его задерживают австрийские жандармы, заподозрившие в нем польского заговорщика. Паспорт его в порядке, но тем не менее его «препровожают» через границу и заставляют-таки уехать в Гиссен. Вернувшись домой, он сначала думает стать адвокатом. Но обстановка гнетет его все больше. Атмосфера непрестанно сгущается. Дышать становится все труднее. Молодые силы не находят себе никакого приложения.

И вот у В. Либкнехта, тогда уже двадцатилетнего молодого человека, возникает мысль об эмиграции в Америку. Эта мысль находит себе отклик среди гиссенского студенчества. У Либкнехта появляются единомышленники. В Гиссене образуется целый студенческий фереин, ставящий себе задачей оказание содействия желающим эмигрировать. Это не была мысль о бегстве, — вспоминал впоследствии об этом плане В. Либкнехт. Выжидать в бездействии было ему не по нутру. Он говорил себе: как только Европа зашевелится, я немедленно вернусь назад. Что в Европе, в частности в Германии, скоро начнется революция, молодой Либкнехт не сомневался. Но ждать нехватало выдержки. «Свободная» Америка манила к себе. Там рассчитывал он глотнуть свежего воздуха, а после вернуться на место действия, сохранив свои силы лучше, чем если будет «киснуть» в Гиссене.

Поездка в Америку, однако, не осуществилась. Отъезд назначен был на осень 1847 г. Вместе с несколькими друзьями Либкнехт строил план создания земледельческого товарищества в лесной (полосе штата Висконсина — как только они очутятся за океаном. Чтобы оказаться на высоте задачи и в смысле физическом, Либкнехт стал закалять свой

организм. Усиленно обучается он стрельбе, плаванию, гимнастике. Но особенное внимание уделяет он искусству плотничанья. Он поступает в обучение, берет в руки топор, работает целыми днями и через 6 недель торжественно получает звание подмастерья.

В это время в Гиссенском университете начинаются студенческие беспорядки на почве полуакадемической, полуполитической. Либкнехт с толковой бросается в это дело и становится признанным вожакom движения. Студенты выигрывают борьбу, конфликт разрешается в их пользу, но Либкнехта вежливо просят выехать из Гисбена. Он отправляется в Марбург, где остается недолго.

Теперь-то и надо осуществить поездку в Америку, — говорит себе Либкнехт. В конце лета 1847 г. он снимается с якоря. План выработан. Первый этап поездки вниз по Рейну в Роттердам. Но, отъехав всего каких-нибудь 100 километров от Марбурга, он задерживается в Майнце. По дороге он разговорился в повстречавшимся ему швейцарцем, по профессии учителем. Тот в соблазнительных красках описал ему свободные условия существования в Швейцарии и убедил его переждать лучше поближе от Германии, где вскоре неизбежно разразится революционная гроза. И вот, вместо Роттердама, вместо Висконсины, В. Либкнехт осенью 1847 г. очутился в Цюрихе. Здесь он продолжает готовиться к адвокатуре и в то же время для заработка поступает учителем в фребелевскую образцовую школу. Впоследствии В. Либкнехт не раз утверждал, что к учительской деятельности у него было настоящее призвание, и шутил, что политика «зря» отвлекла его от той профессии, которая была подлинным его назначением. В этой шутке было то зерно истины, что Либкнехт действительно был по натуре просветителем, воспитателем. Но именно это не только, конечно, не помешало, а помогло ему стать великим пролетарским агитатором и бойцом.

*

В Цюрихе Либкнехт прожил до февраля 1848 г. При первых же известиях о начавшихся революционных событиях Либкнехт ни дня уже не может усидеть в мирном Цюрихе. Наступил долгожданный день. Затрещало самовластие монархов. Народы проснулись. Закипает борьба. Либкнехт мчится в Париж. В кармане у него рекомендательное письмо от известного педагога Юлиуса Фребеля к революционному поэту Гервегу. Этот последний занят формированием в Париже немецкого легиона,

который должен-де на обоих штыках «принести республику» в Германию. За эту идею ухватился и 22-летний Либкнехт. В своих воспоминаниях о Марксе Либкнехт рассказывает, что Маркс был решительно против этого искусственного плана создания «иностранных легионов» и видел в нем даже отчасти интригу французских буржуазных республиканцев, желавших таким образом прежде всего избавиться от революционных иностранных, рабочих и беспокойных эмигрантов. От практического участия в этом предприятии Либкнехта избавила болезнь. «Легион» Гервега был рассеян еще раньше, чем мог приступить к каким-либо серьезным действиям, а Либкнехт, поднявшись после продолжительной болезни, отправился из Парижа назад в Цюрих. Но ненадолго. Движение нарастало. Через несколько недель Либкнехт очертя голову бросился в борьбу.

Вильгельм Либкнехт в 1848 г. добровольцем в революционном отряде.

Ближайшие события в жизни молодого Вильгельма Либкнехта разыгрывались, по его собственным слезам, приблизительно в следующем

порядке. В сентябре 1848 г., — рассказывает Либкнехт, — «дружище Струве, храбрый романтик революции, провозгласил республику и войну за нее». Либкнехт с кучкой друзей спешит под знамена этого «главнокомандующего свободы». 17 сентября 1848 г. он переходит Рейн. Республика была «провозглашена». Первые дни от головных добровольческих отрядов Струве приходили одни только благоприятные вести: официальные власти полностью-де обескуражены «народ за — нас», «отряды растут, как лавины». Либкнехтовский добровольческий отряд на первых порах тоже имел чем похвастаться. В ряде мест он разору жил противника, «провозгласил» республику, пополнился новыми добровольцами и достиг уже крупной цифры в 4 000 бойцов. Теперь отряд, в котором сражался Либкнехт, ускоренным маршем двинулся в том же направлении, в каком пошла «армия» Струве — в полной надежде войти с ней в соприкосновение в Шварцвальде.

Увы, эта надежда не оправдалась. Армии Струве и след простыл. Нет вестей и от легендарного третьего «корпуса». Либкнехтовский отряд высылает разведчиков. Одни разыскивают армию Струве. Другие во главе с Либкнехтом рыщут в поисках «третьего корпуса». Население встречает разведчиков уже отнюдь не дружелюбно, хотя проходят они как раз по таким местам, где республика уже «провозглашена». В местечке Зекинген разведчиков уж прямо обстреляли. Но Либкнехт не унывает. Он ведет своих людей вперед в Лауфенбург. О «третьем корпусе» ни слуху, ни духу. У самого въезда в Лауфенбург Либкнехта поспешно останавливает молодая красивая девушка и сообщает ему печальную весть: Струве разбит и третий корпус рассеян, все погибло; Либкнехт не должен делать ни одного шага вперед, иначе и он погиб. Молодая и прекрасная республиканка предлагает Либкнехту руку помощи: она переведет его через Рейн и спасет ему жизнь. Эта перспектива, вспоминает в старости Либкнехт, была крайне соблазнительна: очень уж хороша была кандидатка в спасительницы. Но чувство долга победило. Он прощается с прекрасной незнакомкой, отпускает разведчиков, а сам возвращается к своему отряду.

Одетый в зеленую блузу доброволец снимает с головного убора красные перья и бодро отправляется в дальнейший путь. По дороге Либкнехта настигают и арестовывают раньше, чем он дошел до своего отряда. Он не был расстрелян тут же на месте лишь вследствие случайного стечения обстоятельств. Контрреволюция не шутила. Его посадили в крепость в Фрейбурге. Под следствием он остается в течение 8 месяцев. В мае 1849 г. его — должны судить. Прокуратура «старается» из последних сил. Либкнехту предъявлены обвинения не только в попытке низвержения

существующего строя, но и в ограблении кассы, насилиях над личностью, вымогательстве, подготовке покушений, грабежах, поджогах и десятке других, не менее тяжких преступлений. Смертный приговор был обеспечен.

Судьба судила иначе. Случилось так, что за два дня до суда над Либкнехтом и его сопроцессниками гарнизоны Фрейбурга и Раштадта восстали и перешли на сторону народа. Революционная зараза коснулась и Карлсруэ. Баденский великий герцог бежал. На фойе этих событий и происходил суд над Либкнехтом. Конечно, происшествия эти не могли не сказать влияния и на присяжных. Народ ворвался в зал суда и восторженно приветствовал подсудимых: «Вы скоро будете на свободе, дела опять пошли вперед!»

Обвиняемые в превосходном настроении. Зато господа судьи находятся в затруднительнейшем положении и явно нервничают. В темпе галопа зачитывается обвинительный акт. Все судебные формальности сокращены до минимума. Подымается прокурор и дрожащим голосом сразу предлагает считать подсудимых оправданными. Пробравшаяся в зал заседания публика торжествует. Сзади напирает новая толпа в чрезвычайном возбуждении. Жандармов оттесняют. Бросаются с объятиями к обвиняемым. Но обвиняемым этого мало. «Мы хотим, чтобы суд еще выслушал наши речи. Их трусливого оправдания нам мало». Присяжные заседатели удаляются в совещательную комнату при общем шуме. Через одну минуту они возвращаются с готовым приговором: *оправданы!* Председательствующий, стараясь перекричать толпу, возглашает: подсудимые оправданы и подлежат немедленному освобождению. Либкнехт «протестует» и готовится начать «защитительную» речь, но толпа подхватывает его и выносит на улицу.

Выйдя на свободу, Либкнехт делает попытку поднять на восстание несколько вюртембергских батальонов. Это не удается. Тогда он отправляется в Карлсруэ. Здесь господствует необычайный подъем, но и необычайный хаос. Перемешались добровольцы и солдаты, войска без офицеров и офицеры без войск, вожди без массы и массы без вождей. Кругом много людей, готовых к самопожертвованию, но — никакого плана действий. Шум, восторг и клятвы, но — полный беспорядок. Либкнехт замешивается в гущу; он выказывает необычайную энергию; он берется за любую работу. Он и гражданский комиссар, и газетный сотрудник, и адъютант у Струве, и наводчик в батарее Боркгейма, подчиненной храброму Иоганну-Филиппу Беккеру.

Под руководством Струве организуется «Союз решительного

прогресса». Либкнехт играет в нем крупную роль. Считая себя «якобинцами», члены этого союза нажимали на водянистых «жирондистов». Они требовали наступательной тактики — перехода войск к прямому наступлению и борьбы вооруженной рукой за распространение революции на всю Германию. Временное правительство колебалось. Тогда «Союз» послал к Brentano делегацию. В нее входил и Либкнехт. От имени делегации требования «якобинцев» изложил Струве. «Диктатор» Brentano продолжает колебаться. На него насаждают в самых решительных выражениях. Тогда Brentano (между прочим, выступавший на фрейбургском процессе защитником Либкнехта) огрызается на Либкнехта и бросает ему: «Я напоминаю вам, что у вас объявлено осадное положение». Либкнехт с возмущением возвращает ему: «Осадное положение существует и для вас». Тогда Brentano решает, что «сумасбродная молодежь» готовит на него покушение.

Делегация уходит. Либкнехт возмущен до последней степени. Он совершенно убежден теперь, что Brentano конспирирует с реакцией и настаивает на его аресте. Струве и Баккер медлят. Тогда в наступление перешел Brentano, 5 июня 1849 г. он отдал приказ об аресте самого Либкнехта. На следующее утро в камере арестованного появился судебный следователь и заявил: «Господин Либкнехт, я должен вам сообщить, что вы обвиняетесь в подготовке покушения на жизнь господина Brentano. Нам известно, что это покушение вы намеревались совершить при помощи кинжала, который найден у вас при обыске. Это оружие находится теперь в наших руках. Что вы имеете сказать в свое оправдание?» В ответ на это Либкнехт расхохотался так, что раскаты его смеха разнеслись по всей тюрьме. Во время обыска у него нашли всего-на-всего обыкновенный перочинный нож со штопором и свистком.

Либкнехт изъявил полную готовность давать «показания» и продиктовал для протокола ужаснувшее господина следователя заявление в самых резких тонах, с обвинением Brentano в прямом и грубом предательстве. Около камеры собралось некоторое количество народа, привлеченного смехом и резкой речью Либкнехта. Солидному судебному следователю осталось только ретироваться с жеманными словами об «экзальтированном юноше» и т. д. После трех дней ареста «покушавшийся на убийство» Либкнехт был освобожден.

Теперь Либкнехт с головой бросается в так называемую кампанию за имперскую конституцию. В одном из отрядов, участвовавших в этой кампании, сражался, как известно, также Фридрих Энгельс — тогда уже один из творцов «Коммунистического манифеста». Революционные

«армии» в эту пору, как и в 1848 г., не отличались большой организованностью и мощью. В одном из писем к Бебелю (от 21 июня 1882 г.) Энгельс впоследствии с юмором рассказал о «коллоне-Роберта Блюма», которая примкнула к баденским повстанцам и выразила желание сражаться «под предводительством храброго Виллиха». Когда мы ее спросили, вспоминает Энгельс, из скольких же бойцов состоит героическая колонна, ответ получился следующий: один полковник, одиннадцать офицеров, один горнист и двое рядовых. При этом полковник «из кожи лез, чтобы походить на непоколебимого Шиндергакнеса, и у него был конь, на котором он и сидеть-то не умел». «Можешь себе представить, как мы хохотали», — добавляет Энгельс (*Архив Маркса и Энгельса*, кн. VI, стр. 198). Баденское восстание было подавлено принцем прусским Вильгельмом. Руководимые им войска прибегли к самым зверским формам «усмирения». Многие из лучших борцов за свободу и единство Германии легли о этих боях. Повстанцы были разбиты и окружены. Одним из последних выпустил из рук винтовку Вильгельм Либкнехт.

Когда уже было вполне ясно, что дальнейшее сопротивление бесцельно, Либкнехт вместе с супругами Струве стал пробираться во Францию. На эльзасской границе их задержали и предложили им на выбор: либо быть выданными назад в Баден, либо — вступить в ряды иностранного легиона. Задержанные заявили, что предпочитают последнее. Их отправили под эскортом французских жандармов, которые по дороге стали выражать симпатии к республиканцам. Когда вся процессия находилась поблизости к швейцарской границе, французские жандармы дали возможность бежать задержанным. Либкнехт вновь очутился в Швейцарии. На этот раз — в Базеле.

Закончилась целая полоса в жизни Вильгельма Либкнехта. Говоря о своей роли в революционных боях 1848–1849 гг., в частности в добровольческих революционных отрядах, сам Либкнехт впоследствии (в речи на судебном процессе в Лейпциге) характеризовал ее как роль *солдата революции*.

Да, Либкнехт-отец был в первую голову именно *солдатом революции*. Эту черту — скажем тут же — Либкнехт-сын прежде всего и унаследовал от своего отца. Карл Либкнехт так же, как и его отец, в свое время стал солдатом пролетарской революции — в самом лучшем, в самом высоком значении этого слова. Карл Либкнехт стал солдатом *международной пролетарской революции* и взял на себя выполнение крупнейших и ответственных заданий этой последней в грозной обстановке первой мировой империалистской войны — в самом обстреливаемом, самом

опасном участке фронта, под перекрестным ураганным, губительным огнем неприятеля...

Из Базеля Вильгельм Либкнехт отправляется в Женеву — в Цюрих его не впустили. В Женеве Либкнехт встречается с Маццини, сближается с ним, помогает ему в литературной работе. В то же время Либкнехт вступает в члены Женевского рабочего союза и выступает в нем с докладами о «Коммунистическом манифесте», о значении демократии, о системе пропорциональных выборов, об уроках 1848 г. и т. п. Впервые Либкнехт входит в соприкосновение с чисто пролетарской организацией и впервые в этой среде выступает он с чисто социалистической пропагандой. Скоро его выбирают председателем ферейна, а когда все немецкие рабочие ферейны Швейцарии решают объединиться, его выбирают председателем всей организации. Внутри организации начинается борьба направлений. «Чистые» демократы. открывают борьбу против коммунистов. Победа остается за последними. Во главе их — В. Либкнехт.

На февраль 1850 г. организация назначает свой общешвейцарский съезд. Местом съезда избирается кантон Муртен. Под всевозможными контрреволюционными давлениями главным образом из Германии муртенские кантональные власти запрещают съезд и арестовывают Либкнехта. Его держат в тюрьме два месяца, после чего приговаривают к высылке из пределов Швейцарии. Либкнехт решает уехать в Лондон, куда его привлекает то, что там живут Маркс и Энгельс. По дороге он останавливается на несколько дней в Париже, несмотря на официальное предупреждение со стороны французских властей, что если он остановится в Париже, его за это вышлют в Алжир. В Лондоне Вильгельм Либкнехт впервые знакомится лично с Карлом Марксом и его семьей. И это событие становится самым важным для всей дальнейшей жизни Либкнехта.

Теперь для В. Либкнехта начиналась новая глава — самая великая в его жизни...

Роль Либкнехта в революции 1848 г. была ролью храброго бойца, солдата революции. Его тогдашний социализм был еще очень не зрелым. Это был во многих отношениях только *социализм чувства*. Общие симпатии к «Коммунистическому манифесту» не делали еще тогда из Либкнехта марксиста. Тем не менее непосредственное личное практическое участие в революции 1848 г. наложило неизгладимый отпечаток на всю дальнейшую жизнь Либкнехта и осталось одним из лучших его воспоминаний. Его соратник, его до известной стадии развратил ученик, а затем в течение трех десятилетий его двойник — Август Бебель в «Мемуарах» своих с завистью говорит о том, что

Либкнехту выпало счастье непосредственно участвовать в революции 1848 г., тогда как ему, Бебелю, родившемуся позже (Бебель родился в 1840 г., т. е. был моложе Либкнехта на 14 лет), не довелось в ней участвовать лично. Говоря о «Мемуарах» Бебеля, В. И. Ленин специально остановился на этом месте и особо подчеркнул, что в этом было одно из больших преимуществ В. Либкнехта, давшее ему очень много в его будущей деятельности. В жизни, однако, нередко бывает так, что сильная сторона человека незаметно переходит в его слабость. Это в известной мере приходится сказать об этом преимуществе В. Либкнехта. Черты «революционера 1848 года» и взгляды сторонника «крайней левой» в этой буржуазной революции в нем никогда не изгладились до конца. В течение всей своей дальнейшей жизни В. Либкнехт платил обильную дань «идеалам 1848 года», и это не могло иногда не мешать ему дорабатываться до последовательно-законченной системы пролетарских взглядов.

В. Либкнехт был от природы человеком чрезвычайно мужественным. Уже в революционных событиях 1848–1849 гг. Вильгельм Либкнехт не раз показал образцы беззаветного мужества. Его биограф (Курт Эйснер) отмечает, что в одной из бесед старый Либкнехт однажды мимоходом сказал, что в течение всей своей сознательной жизни он не знал, что такое чувство страха. Невидимому, это так и было. И опять-таки: едва ли можно сомневаться в том, что это чувство бесстрашия от Либкнехта-отца тоже по наследству перешло к Либкнехту-сыну.

От отца же Карл Либкнехт должен был позаимствовать и позаимствовал чувство интернационализма. Вся обстановка, в которой жил Либкнехт-отец и в которой воспитывалась вся его семья, была такова, что интернационализм не мог не перейти в плоть и кровь такой природы, какой был его сын Карл. Интернациональные связи Либкнехта-отца были значительны и до встречи с Марксом и Энгельсом. Жизнь же в Лондоне и личная дружба с Марксом расширила интернациональные связи и интернациональное мышление Либкнехта в необычайной степени.

*

Обрисовать во всех деталях подлинные взаимоотношения между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Вильгельмом Либкнехтом, с другой, — дело насущно необходимое, но и очень сложное и ответственное. Только теперь ИМЭЛ при новом его руководстве дает все необходимые для этого материалы. В круг нашей темы эта задача отнюдь

не входит. Мы ограничимся здесь лишь самым необходимым.

С Энгельсом Вильгельм Либкнехт имел мимолетную встречу в 1849 г. в Женеве. С Марксом же он впервые встретился лично только летом 1850 г. в Лондоне. В своих воспоминаниях о Марксе Либкнехт с большой теплотой описал эту первую встречу и «экзамен», который учинили ему Маркс с Энгельсом по приезде его в Лондон. Они просидели с молодым изгнанником «до позднего утра», и «солнце стояло уже высоко на небе, когда я улегся в постель» — вспоминает Либкнехт. Это было в начале июля 1850 года.

Вскоре по приезде своем в Лондон Вильгельм Либкнехт стал учеником Маркса, его другом, почти членом семьи. Что привлекало Либкнехта в Марксе — это ясно и об этом подробно рассказано в воспоминаниях Либкнехта о Марксе. А что привлекало Маркса и Энгельса в Либкнехте? Прежде всего непосредственное революционное чувство, мужество и благородство натуры и горячая преданность делу пролетариата.

Либкнехт прожил в эмиграции 12 лет (до 1862 г. и почти все время находился в повседневном общении с Марксом и его семьей. Либкнехт много и усердно учился в это время у Маркса. Как ни тяжела была материальная обстановка, — В. Либкнехту в лондонский период приходилось голодать особенно много, его мечтой, и то недостижимой, в это время было получить место почтальона, — Либкнехт в течение многих лет изо дня в день вместе с Марксом с утра отправлялись в Британский музей, где просиживали за книгами в течение многих часов. Здесь были книги и здесь зимою было тепло — что не всегда бывало дома, если только вообще был свой «дом» или свой угол, — вспоминает об этом времени Либкнехт. А главное, здесь был Маркс. По окончании работы можно было вместе с ним пешком или изредка на omnibusе возвращаться домой и обмениваться мыслями по поводу прочитанного. Жена Маркса тоже оказывала благотворнейшее личное влияние на Либкнехта — об этой чудесной благородной натуре Либкнехт впоследствии писал в самых проникновенных словах. Одно из писем Женни Маркс к В. Либкнехту более позднего периода (от 22 мая 1872 г.) лучше всего характеризует отношение семьи Маркса к Либкнехту. «С радостью пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Вас за то, что Вы так стойко сохранили доверие ко мне, Вашему старому, многократно испытанному другу, и сказать Вам, с каким искренним участием и заботою я вспоминала о Вас и Вашей дорогой жене в течение всего этого тяжелого страшного времени. Не раз уже хотелось, мне высказать Вам и свое искреннее восхищение тем мужеством, тактом и искусством, которые Вы проявили в этих обстоятельствах» (дело

идет о войне 1870–1871 г Г. З.). Поделившись с Либкнехтом некоторыми сведениями, касающимися жизни семьи Маркса, Женни Маркс кончает: «Для моего сердца было таким безграничным утешением поделиться скрытой печалью со своим старым верным другом» (Архив, т. VI, 54).

С первых же дней своего приезда в Лондон В. Либкнехт объявил себя сторонником учения Маркса и Энгельса и всюду и везде выступал как их ученик, как марксист. По возвращении из эмиграции Либкнехт сделал необычайно много для распространения идей марксизма в германском рабочем движении и стал одним из крупнейших популяризаторов идей марксизма во всем мире. И тем не менее, у него бывали крупнейшие ошибки. Всеми силами *хотел* он быть научным социалистом, т. е. марксистом, коммунистом. И вместе с тем ему никогда не удавалось до конца вытравить из себя «социалиста чувства». Не овладевши полностью и до конца теорией Маркса-Энгельса, он неизбежно должен был делать и делал большие ошибки, особенно когда он впоследствии сказался в Германии вне повседневного общения со своими учителями. В обстановке демократического парламентаризма эти ошибки иногда носили оппортунистический характер. Фигура Либкнехта-отца — слишком крупная фигура, чтобы нуждаться в прикрашивании. Об его ошибках и недостатках можно и нужно сказать всю правду. И тем не менее образ останется в истории международного революционного рабочего движения как образ великого бойца и бессмертного солдата революции.

Вильгельм Либкнехт с дочерью Карла Маркса, Элеонорой Маркс-Эвелит

Приведем тут же один из наиболее резких отзывов Маркса о Вильгельме Либкнехте. В письме от 10 августа 1869 г. Маркс писал Энгельсу о В. Либкнехте в крайней досаде по поводу мелкобуржуазных иллюзий последнего в вопросе о «народном государстве», «демократии» и т. п. «Это животное, — пишет «ласково» Маркс о Либкнехте, — верит в будущее «государство демократии». Ему оно мерещится то в виде конституционной Англии, то — буржуазных Соединенных штатов, то жалкой Швейцарии». «Оно (т. е. опять-таки животное), верящее в демократию) и не подозревает о какой-либо революционной политике», т. е. о политике революционного насилия, политике пролетарской диктатуры. Вот с какой резкостью бичевал Маркс даже своих ближайших сотрудников,

когда они допускали такие ошибки.

И тем не менее совершенно прав т. В. Адоратский, когда по поводу приведенных слов он пишет («Пролетарская революция», 1933, I, 48), что В. Либкнехт при всех его ошибках, при всей его путанице в вопросе о «государстве демократии», о «свободном народном государстве» и т. п. «все же под руководством Маркса и Энгельса являлся представителем революционного марксизма, проповедывал классовую борьбу». Так оно и было в действительности.

Интересна в этом отношении позиция биографа Вильгельма Либкнехта, уже упомянутого нами Курта Эйснера. Этот литератор был человек, лично бескорыстный и субъективно преданный рабочему классу. В германской революции 1918 г. он «сыграл роль, в общем близкую к русским «меньшевикам-интернационалистам». Вел пацифистскую агитацию против войны, стоял (как «независимый» с.-д.) во главе «революционного» Баварского правительства и был убит фашистом графом Арко в Мюнхене. В германской с.-д. партии в свое время занял одно из первых мест среди ревизионистов — с самого возникновения ревизионизма. Был не столько практическим вождем ревизионизма, сколько его «пером». Когда Вильгельм Либкнехт в 1900 г. умер, именно Эйснеру официальная германская с.-д. партия поручила написать биографию Вильгельма Либкнехта.

Эйснеру ужасно хочется использовать в интересах ревизионизма слабые места в жизни и деятельности Либкнехта-отца. И прежде всего ему хочется доказать, что Либкнехт вовсе и не чувствовал себя до конца сторонником учения Маркса-Энгельса. Вильгельм Либкнехт — пишет Эйснер — «никогда не был рабом (!) господствующего над умами мыслителя (*der Slave des herrschenden Denkers*)», читай — Маркса. Совершенно напротив. «Когда сын его Карл, беседуя с отцом по поводу предстоявшего молодому человеку выбор профессии, сказал отцу, что он хочет выбрать своей специальностью политическую экономию с тем, чтобы иметь возможность защищать марксизм, — Либкнехт-отец выказал прямое негодование по поводу такого отказа от идейной самостоятельности» (*Kurt Eisner, «Wilhelm Liebknecht, sein Leben und Wirken» 1906, S. 38*). «Вильгельм Либкнехт, — умозаключает по этому поводу Эйснер, — никогда не являлся каким бы то ни было «анцем» или «истом» — т. е., хочет сказать Эйснер, никогда не был марксистом.

Откуда Эйснер знает об этой «беседе» между Либкнехтом-отцом и Либкнехтом-сыном — неизвестно. Из каких источников идет передача этой беседы? У самого Карла Либкнехта нигде нельзя найти и намек на что-

либо подобное. В подкрепление такой своей «интерпретации» отношения Вильгельма Либкнехта к учению марксизма Эйснер приводит лишь следующее: «Свою роль популяризатора марксизма Либкнехт понимал столь ограничительно, что иногда он попадал в в прямой конфликт с Марксом. В один прекрасный день последний предъявил Либкнехту прямое обвинение в том, что в его выступлениях в лондонском Союзе коммунистов он нарушил принципы марксизма и сделал совершенно недопустимые теоретические и тактические уступки противникам. Маркс решительно отказался от таких посреднических услуг и заявил, что когда захочет что-либо сказать рабочим, он будет это отныне делать непосредственно. Либкнехт не стал оспаривать факта, но заявил, что было бы безумием, если бы рабочая партия заперлась в воздушном замке теории и витала где-то над рабочими. Без рабочих нет рабочей партии. Ну, а рабочих мы должны-де брать таким, какие они есть. Спор принял острый характер, и Либкнехт на несколько месяцев перестал бывать у Маркса». (Ibid. 38.)

Нет никакого сомнения в том, что Эйснер здесь «немножко» преувеличивает и даже прямо рисует карикатуру. Но верно то, что полного проникновения в теорию Маркса-Энгельса у Либкнехта-отца не было, что орудием теории он вообще до конца не овладел, — что и было его наиболее слабой стороной как вождя пролетарского движения. Именно эта коренная слабость Вильгельма Либкнехта влекла его иногда к оппортунистическим ошибкам и мешала ему дать мировому пролетарскому движению еще бесконечно больше того, чем он дал ему в действительности.

Недостаточная любовь к теории и недостаточное понимание всей важности ее для пролетарского дела, непонимание того, что теоретическая непримиримость должна быть неотъемлемой чертой пролетарского революционера, сыграли с Вильгельмом Либкнехтом особенно плохую шутку в полосу объединения эйзенахцев с лассальянцами и выработки пресловутой «объединительной» Готтской программы (1875). Из всех опубликованных теперь ИМЭЛ материалов (ср. так-же несокращенное изд. «Мемуаров» Бебеля) ясно, что именно В. Либкнехт несет наибольшую ответственность за принципиальные уступки, сделанные тогда в «объединительной» программе лассальянцам, а также за то, что один из самых гениальных документов, вышедших из-под пера Маркса, — мы говорим о «Критике Готтской программы», — не был сразу опубликован, а пролежал долгие годы под спудом. Никто другой в ту пору не мог и решиться поступить так с рукописью Маркса. Львиная доля вины во всяком случае лежит на нем. Именно опираясь на свои личные связи со

«стариками», на свою старую личную дружбу с Марксом, Вильгельм Либкнехт взял смелость поддержать это печальное мероприятие.

И — характерно для Вильгельма Либкнехта: пока дело шло о повседневной политической борьбе и агитации, пока дело шло о разоблачении заигрываний тогдашнего вождя лассальянцев Швейцера с Бисмарком, Либкнехт был одним из самых непримиримых и энергичных борцов против лассальянства. Как политический трибун, он громил лассальянцев с громадным успехом, не давая им ни отдыха ни срока. Но когда под влиянием объединительных тенденций снизу, от рабочих, лассальянские вожди вынуждены были пойти на объединение и встал вопрос о теоретической формулировке будущей общей программы, — тут Либкнехт шел на совершенно недопустимые уступки. Вспоминая даже значительно позже об «объединительной» эпопее в Готте, Либкнехт непостижимым образом продолжает считать себя в этом деле правым, а Маркса неправым. «Потребность в объединении лассальянцев и «честных» (эйзенахцев) чувствовалась сильно той и другой стороной, а политическая обстановка делала это объединение прямо необходимостью. Но надо было щадить предрассудки, и в выработанной нами объединительной программе мы должны были согласиться на некоторые (!!) уступки. Маркс же, который из своего заграничного «далека» не мог так хорошо ознакомиться с положением дел, как мы в Германии, и слышать не хотел об уступках; после продолжительного обмена мнений со мной им было написано то знаменитое письмо, о котором несколько лет назад было так много разговоров (речь идет о марксовой «Критике Готтской программы»). Довольно продолжительное время Маркс очень сердился на меня, но в интересах движения в Германии я не мог решиться на другой шаг... Что я не ошибся здесь в своих расчетах, самым блестящим образом доказало будущее и все последствия примирения» (В. Либкнехт, «Воспоминания о Марксе», русск. изд., 1925, стр. 29–30).

Увы, уввы! «Будущее» германской социал-демократии в последнем счете показало совсем обратное и самым блестящим образом подтвердило мнение Маркса. В будущей социал-патриотической, социал-шовинистской, а затем и социал-фашистской идеологии официального большинства германской социал-демократии пережитки лассальянства сыграли очень большую роль. Ренегатство германской с.-д. партии совершилось, конечно, не только благодаря недопустимым теоретическим уступкам, сделанным лассальянству в 1875 г. в Готте. Но беспринципное примиренчество в вопросах теории, допускавшееся вопреки Марксу и Энгельсу даже такими деятелями, как В. Либкнехт и Август Бебель, несомненно, оказало свое

самое губительное влияние. Вильгельм Либкнехт писал о «блестящих результатах» объединения в такое время, когда искренние иллюзии были еще возможны у честного солдата революции..

Будущее показало, что Маркс и Энгельс были целиком правы не только во всей их борьбе против Лассалья и Швейцера, но и во всей их критике колебаний В. Либкнехта и А. Бебеля.

У В. Либкнехта, когда он бывал предоставлен сам себе, были крупнейшие ошибки и правооппортунистического характера (уступки немарксистским взглядам на «чистую демократию») и левооппортунистического характера (заявления, граничащие с принципиальным отрицанием использования парламентаризма). Основной его бедой была нелюбовь к теории. Если взять переписку между Марксом и Энгельсом за 1868–1883 гг., то в ней найдутся десятки мест, содержащих не только критические, но иногда прямо уничтожающие характеристики «Вильгельмчика», как называют они его между собой. Новое руководство ИМЭЛ поступило, конечно, совершенно правильно, когда, давая русское издание переписки Маркса и Энгельса, оно отказалось от всяких «смягчений» и «сокращений». Теперь мы впервые имеем *подлинную* переписку двух исполинов мысли и дела. С этой точки зрения особенно много нового и ценного представляет том XXIV полного собрания сочинений Маркса и Энгельса. В частности, он дает крайне много нового, чтобы судить о том, как оценивали слабости и ошибки В. Либкнехта его великие учителя. А VI выпуск «Архива Маркса-Энгельса» (изд. ИМЭЛ, 1933) в свою очередь дает в этом отношении чрезвычайно богатый и ценный материал, без которого не обойдется ни один сторонник учения Маркса, если он захочет поглубже заглянуть в лабораторию марксистской мысли.

Маркс и Энгельс беспощадно критикуют Либкнехта за уступки южно-германскому федерализму, за стирание граней между рабочей организацией и «Народной» партией, за недостаточную, принципиальность в борьбе с лассальянцами, а затем за беспринципное примиренчество к ним же, за пристрастие к плохим социалистам из среды «образованных» людей, за плохое ведение редактируемых им газет, за «легкое» отношение к Гегелю и т. д. и т. п. Его невнимание к вопросам теории, с одной стороны, некоторое легкомыслие его чересчур сангвинической природы («Либкнехт от природы оптимист» — писал о нем Энгельс в письме к Бебелю), с другой, — вот что больше всего вызывало критику Маркса и Энгельса. Но критикуют они «Вильгельмчика» именно как *своего* — только этим и можно объяснить тот факт, что критика эта находила место лишь в интимной переписке и gm разу

не стала публичной. Не раз Маркс в письмах к Энгельсу говорит: еще один такой-то шаг или такая-то ошибка со стороны «Вильгельмчика» и — придется выступить с открытым его дезавуированием. Но до этого дело все же не доходит. Еще и еще раз и еще десятки раз те или другие шаги В. Либкнехта вызывают самое суровое, самое резкое осуждение со стороны Маркса и Энгельса. И все-таки, при всей суровости отзывов, в письмах всегда сквозит тон рассерженных отцов, недовольных ошибками и проказами сына, еще раз доказавшего, что он «безнадежный осел» и опять и опять нуждается в очередной «головомойке».

В одном из своих замечательнейших писем к Энгельсу (от 10 сентября 1870 г.) Маркс специально указал на то, что «брутальный язык» его писем далеко не всегда пригоден для печати. Оценки слабых мест в деятельности (и в натуре) «Вильгельмчика», эпитеты, щедрой рукой рассыпанные в переписке Маркса и Энгельса, «брутальны» в самой высокой степени. Во всем, буквально во всем, в чем Либкнехт расходился с Марксом и Энгельсом с того времени, как первый покинул эмиграцию, а вторые так и остались на «эмигрантском» положении, — во всем оказались — правы Маркс и Энгельс и неправ «Вильгельмчик». И все же самые резкие отзывы Маркса и Энгельса не отнимают — да и не хотят отнять — у В. Либкнехта его крупнейших заслуг и всего того, что делало из него великого пролетарского политика и революционера.

В. И. Ленин, прекрасно знавший, конечно, все ошибки В. Либкнехта, писал в одной из последних своих статей (май 1922 г.):

«... С точки зрения развития международной революции переход от чартизма к лакействующим перед буржуазией Гендерсонам, или от Варлена к Реноделю, или от Вильгельма Либкнехта и Бебеля к Зюдакуму, Шейдеману и Нооке есть лишь нечто вроде «перехода» автомобиля от гладкого и ровного шоссе в 'Сотни верст к грязной, вонючей лужице на том же шоссе, к лужице в несколько аршин.

«Люди сами творят свою историю. Но чартисты, Варлены, и Либкнехты творят ее своею головой и своим сердцем. А вожди II и двухсполовинного интернационалов «творят» ее совсем другими частями тела: удобряют почву для новых чартистов, для новых Варденов, для новых Либкнехтов» (т. XXVII, стр. 294)^[2].

Ленин сравнивает Вильгельма Либкнехта с самыми лучшими деятелями великих пролетарских движений XIX века — чартизма и Парижской коммуны, Ленин пишет далее, что «во всех цивилизованных и передовых странах уже родились новые чартисты, новые Варлены, новые Либкнехты» (ibid. 294), протягивая этими словами прямую нить от

Либкнехта-отца к Либкнехту-сыну. Ошибки и слабости В. Либкнехта критиковал Ленин и всегда будут критиковать и ленинцы. А то, что было великого в деятельности Либкнехта, они неизменно будут выставлять как образец для нового поколения пролетарских революционеров...

*

Великая роль выпала на долю В. Либкнехта во вторую половину 60-х гг. XIX века, когда в Германии дело шло о создании фундамента для самостоятельной пролетарской партии, стоящей на точке зрения учения Маркса, об отвоевании передового слоя рабочих не только у «прогрессивной» и «демократической» буржуазии, но и у оппортунистического лассальянства. Сколько раз ни ошибался тут, сколько раз ни оступался тут В. Либкнехт, а все же он делал великое дело. Один из первых понес он идеи Маркса и Энгельса в пролетарскую массу. Он работал самоотверженно для создания первых рабочих марксистских кружков, первых ячеек марксистской партии, первых марксистских газет, первых марксистских профессиональных союзов. Вместе с Августом Бебелем, которого он до известной степени «открыл», Либкнехт сделался крупнейшим политическим трибуном марксизма в Германии на целый исторический период.

Когда Либкнехт впервые встретил Бебеля, последний не был еще социалистом. Либкнехт стал его учителем в самом непосредственном смысле слова. Он учил его истории социализма, он учил его марксизму, хотя тут же привносил свойственные ему теоретические ошибки; он учил его (в тюрьме, где они впоследствии в течение долгого срока сидели вместе) всеобщей истории, английскому языку и т. д. Он сразу увидел, какие большие возможности заложены в молодом токаре Бебеле, и сумел оказать ему действительно громадную товарищескую помощь. В одном из писем к Энгельсу (от 29/III—1369) Маркс, еще и еще раз сетуя на Либкнехта и его недостаточную теоретическую выдержанность, пишет: «Я считаю Бебеля полезным и дельным человеком, но его несчастье в том, что он имеет своего «теоретика» в лице господина Вильгельма» (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXIV, 182 Теоретические слабости Либкнехта долгое время действительно сказывались и на Бебеле. Но тем не менее, идейная помощь, оказанная Либкнехтом в первые годы молодому Бебелю, неоценима. Впоследствии и скупой на похвалы Маркс писал Энгельсу в связи с оказавшимися неверными слухами о смерти Бебеля), что потеря

Бebelя была бы «величайшим несчастьем для нашей партии», ибо «он представлял собою исключительное явление в немецком (можно сказать, в «европейском») рабочем классе» (ibid. 579). А в истории рабочего движения второй половины XIX века Бебель и Либкнехт неразрывны...

Величайшие заслуги приобрел себе Вильгельм Либкнехт в 1870–1871 г. в ходе франко-прусской войны. Здесь его свойства храброго солдата революции, честного, стойкого интернационалиста развернулись с самой привлекательной стороны. В эту пору и суровые отзывы о нем в интимной переписке Маркса и Энгельса смягчаются и уступают место похвалам. В 1871 Г., заметим тут же, у Вильгельма Либкнехта и родился сын его Карл (названный так, в скобках сказать, в честь Карла Маркса). 1871 год увидел Либкнехта-отца в ореоле подлинного пролетарского интернационалиста, стойкого борца против ставшей захватнической войны, бесстрашного противника «своего» правительства, обличителя шовинизма, страстного защитника Парижской коммуны, героического солдата революции, которого не смогли ни на ноту поколебать ни тюрьмы, ни травля, ни гром «патриотических» барабанов, ни вой националистической печати. Ненависть к буржуазной войне, идеи революционного интернационализма Либкнехт-сын, — здесь это уместно сказать, — всосал с молоком матери. Либкнехт-отец не мог передать сыну то, чего у него самого не было: глубокого проникновения в теорию Маркса-Энгельса, любви к теории. Но пафос борьбы против «несправедливых», против рабовладельческих войн, пафос революционного интернационализма Либкнехт-сын получил от своего отца...

В борьбу за идеи интернационализма Вильгельм Либкнехт вложил всю душу с первого же момента франко-прусской войны. В своих «Мемуарах» Бебель рассказывает, что когда они, получивши первое известие об объявлении войны, увиделись с Либкнехтом и стали обсуждать, каково должно быть их поведение в рейхстаге, — Либкнехт имел уже не только готовый текст интернационалистского заявления, но и предложил сразу же голосовать *против* военных кредитов. Бебель переубедил Либкнехта, настоявши на том, что в самом начале войны лучше только воздержаться от голосования, дабы не получилось того оттенка, что они в какой бы то ни было мере «одобряют» политику Наполеона III. Но уже 26 ноября 1870 г. Бебель и Либкнехт оба голосовали против военных кредитов — при неслыханном вое всего рейхстага и диких криках озлобления всей буржуазии.

По поводу заявления против войны, оглашенного Либкнехтом и Бебелем в северо-германском рейхстаге 21 июля 1870 г., Маркс уже спустя

всего неделю писал Вильгельму Либкнехту (письмо от 29 июля 1870):

«Дорогой Library!^[3] Во вторник я перевел для Генерального совета (I Интернационала) протест, заявленный тобой и Бебелем в рейхстаге, на английский язык. Этот протест был встречен в совете большим одобрением» (*Архив Маркса и Энгельса*, т. VI, 3).

18 декабря 1870 г. Либкнехта и Бебеля арестуют.

Тотчас же Энгельс отправляет от имени Маркса и от своего имени письмо жене Либкнехта — Наталии Либкнехта (матери Карла Либкнехта), в котром читаем:

«Мы только что получили известие о том, что вчера арестованы Либкнехт, Бебель и Гейнер. Это — прусский реванш за моральное поражение, нанесенное Либкнехтом и Бебелем прусской империи еще до появления ее на свет. Мы все здесь были очень обрадованы смелым поведением обоих в рейхстаге при таких обстоятельствах, когда поистине было не шуточным делом открыто и твердо выступить с защитой наших взглядов... Германские рабочие проявили во время этой войны такую проницательность и энергию, которые сразу ставят их во главе европейского рабочего движения, и вы понимаете, какой гордостью это наполняет нас» (письмо от 19/XII—1870, *Архив Маркса и Энгельса*, т. VI, стр. 5).

Бисмарка и всю придворную клику особенно разозлила фраза Либкнехта в его речи в рейхстаге: «Право же, гораздо почетнее быть братом французского народа и французских рабочих, чем «любимым братом» проходимца Наполеона III».

Из предварительного заключения Либкнехт был освобожден 28 марта 1871 г. 5 апреля 1871 г. Энгельс пишет ему: «Поздравляю тебя с освобождением».

А Маркс в письме от 6 апреля 1871 г.:

«Дорогой Либкнехт! Известие, что ты и Бебель; а также брауншвейгцы освобождены, было здесь в Генеральном совете встречено великим ликованием» (*Архив Маркса и Энгельса*, т. VI, 10).

«Мы обрадовались, узнав, что ты скоро собираешься сюда. Само собой разумеется, что ты можешь жить либо у Маркса, либо у меня», — пишет Либкнехту Энгельс 4 мая 1871 г.

В. Либкнехту принадлежит та честь, что не зная еще (в ту пору и не мог знать), что знаменитая Эмская депеша сфальсифицирована Бисмарком, он, однако же, прозорливо предугадал, что в этом месте что-то особенно нечисто. Пристально следил он в оба глаза за манипуляциями дипломатии «своей» буржуазии и впоследствии посвятил превосходную брошюру

фальсификации Эмской депеши. Эта брошюра выдержала семь изданий и принесла громадную пользу. Великий агитатор и трибун по натуре, он сумел «мистерии» дипломатии сделать достоянием каждого рядового рабочего, каждого «простого» человека из массы.

С восторгом подхватывал тогда Либкнехт каждую строчку, каждую весточку из Франции, говорившую о том, что и французские братья остаются верны своему интернационалистскому долгу. Все, что было в его силах, он делал для того, чтобы первые резолюции французских рабочих, говорившие о том, что они остаются верными Интернационалу и во время войны, дошли до немецкого пролетариата. После Седана Вильгельм Либкнехт выступает уже в открыто «пораженческом» духе. Всюду и везде, где хотя бы под страхом огромного риска удавалось говорить против войны, можно было встретить Вильгельма Либкнехта. Привлечение к суду сначала за оскорбление величества, а затем и за «измену отечеству» не заставило его ослабить свою интернационалистскую работу ни на минуту. При первых же известиях из Парижа о том, что там вспыхнуло восстание Коммуны, Вильгельм Либкнехт солидаризируется с коммунарами и становится в Германии певцом и глашатаем этого великого движения. За эти выступления Либкнехт заплатил двумя годами тюрьмы (крепость Губертусбург). Эту «цену» Либкнехт всегда находил очень «сходной». На суде, как мы увидим ниже, он держался героически, продолжая и с судебной скамьи свое дело интернационалистского просвещения масс.

Либкнехт был арестован вместе с Бебелем и Гепнером уже 17 декабря 1870 г. и просидел под следствием до 28 марта 1871 г. Когда они (вследствие избрания в объединенный рейхстаг) были освобождены, Либкнехт еще энергичнее бросился в борьбу. В течение всех немногих недель существования Парижской коммуны он горел в выступлениях за нее. Суд над Либкнехтом, Бебелем и Гепнером по обвинению в «измене», выразившейся в борьбе против войны, затянулся и состоялся только 17–26 марта 1872 г. в Лейпциге. Именно в речи перед лейпцигским судом Вильгельм Либкнехт и употребил свой оборот о «солдате революции», ставший лапидарным и облетевший рабочую прессу всего мира. «Я рассказал вам, господа судьи, всю свою жизнь. Я остался тем же, кем был. Во многих пунктах я пошел в своем развитии дальше, в иных существенных вопросах я остаюсь на той же точке зрения, на какой стоял 22 года тому назад. В вопросе о выборе средств, в оценке отдельных людей я иногда ошибался. Что же касается моей конечной цели и моего общего мировоззрения, то в этом отношении я только укрепился... Уже в самой ранней молодости я сжег свои корабли и с тех пор я непрерывно веду

борьбу за свои принципы. Никогда я не искал никаких личных преимуществ. А если личные интересы когда-либо сталкивались с моими принципами, я немедленно жертвовал первыми в пользу вторых. Если после неслыханных обрушившихся на меня преследований я попрежнему беден, то этим я только горжусь, ибо это — (самое красноречивое свидетельство в пользу моей чести. Еще раз: я не являюсь заговорщиком по профессии или конспиратором из любви к искусству. Если хотите, *назовите меня солдатом революции*; против этого я возражений не имею. С ранней моей молодости мною владели два идеала: *свободная и единая Германия и эмансипация трудящегося народа*, т. е. устранение классового господства, что равносильно освобождению: человечества. За эту двойную цель я по мере сил боролся и буду бороться до последнего издыхания. Этого требует долг». Так говорил Либкнехт на суде.

Один из последних портретов Вильгельма Либкнехта

«Поздравляем вас всех по поводу вашего выступления перед судом, — писал Энгельс Либкнехту 23 апреля 1872 г. — После брауншвейгского процесса (следовало дать отпор этой сволочи, и вы это добросовестно выполнили. Фраза о 1 000 членов Интернационала — вот единственное, чего вы могли бы не говорить» (Архив, т. VI, стр. 44).

Скоро Либкнехт и Бебель «сели» в тюрьму отбывать наказание. 11 марта 1873 г. Энгельс пишет Наталии Либкнехт:

«Я хотел вас попросить... сообщить мне, как он (Либкнехт) чувствует себя физически, каково обращение, вынужден ли он в отношении еды и питья обходиться тем, что дают в крепости, или может получать передачи с воли, и вообще все, что касается положения его и Бебеля. Сам он пишет об этом очень мало, а в последнее время совсем ничего. Но вы ведь понимаете, что все это нас здесь очень интересует... Как там с книгами? Есть ли у него все нужное? Впрочем, я уже знаю о том, что там можно хорошо наладить голубиную почту или, как говорят в Америке, the underground railway (подземную железную дорогу)... Не забывайте, что как бы там ни сложились обстоятельства, у вас в Лондоне есть друзья, которые в судьбе Либкнехта и вашей принимают самое горячее участие» (там же, 68).

Спустя несколько лет Энгельс вновь возвращается к теме об «отсидках» Либкнехта. В письме от 4 сент. 1877 г. он пишет жене Либкнехта:

«Я тоже разделяю тот взгляд, что Либкнехт чересчур много сидит; очень хорошо не придавать этому большого значения, но это еще не значит, что следует приучать себя к сидячему образу жизни. Сомнительно, конечно, чтобы им удалось убрать его с передовых постов (вернее сказать — из авангарда): кто отдал этому делу столько лет, находит в нем слишком много удовлетворения, а долгий опыт, пожалуй, скоро научит его избегать сетей уголовного кодекса. Разрешите, во всяком случае, горячо пожелать Вам, чтобы Либкнехт перестал проводить все свое свободное от работы время в тюрьме, а все время, свободное от тюрьмы, в рейхстаге или в поездках» (там же, стр. 126).

После антивоенных выступлений 1870—71 гг., после пламенной солидаризации с Парижской коммуна, после речи на лейпцигском процессе и новой двухлетней отсидки Вильгельм Либкнехт вместе с Бебелем стал общепризнанным вождем лучшей части рабочего класса Германии и получил мировую известность.

В эпоху *исключительного закона против социалистов* для партии рабочего класса понадобились в первую очередь те качества, которые составляли сильную сторону Вильгельма Либкнехта. Теперь дело шло прежде всего о том, чтобы не отступать перед полицейскими гонениями, не склонять знамени перед обнаглевшим врагом, не терять веры, — словом, остаться храбрыми солдатами революции. Тут Либкнехт был незаменим. Его энергия, его мужество, его готовность к самопожертвованию, его способности политического агитатора в это время сослужили партии великую службу.

В 1879 г. В. Либкнехт был выбран депутатом Саксонского ландтага. Членом его он оставался с 1879 по 1885 г. и затем с 1889 по 1892 г., т. е. почти в течение всего периода исключительного закона. Своей резиденцией имел он тогда Лейпциг. Просто арестовать Либкнехта, как депутата, было неудобно. Но его агитация в Лейпциге все более нервировала саксонские власти. Тогда саксонское правительство нашло такой выход: в 1881 г. оно объявило в Лейпциге малое осадное положение, запретило Либкнехту на этом основании всякие выступления и как неблагонадежного выслало его из пределов Лейпцига. Либкнехт переселился в местечко Борсдорф, в окрестностях Лейпцига. Здесь прожил он до самого переселения в Берлин.

В материальном отношении Либкнехту в эту пору жилось чрезвычайно трудно. Он и его семья бедствовали. Сам глава семьи вел, по его собственной позднейшей характеристике, цыганский образ жизни. Борсдорф в те времена был просто деревушкой. Домишко, в котором жила семья Либкнехта (впоследствии домишко этот прозвали «виллой Либкнехта»), был запущенным полуразвалившимся строением. В распоряжении Либкнехта и его тогда уже достаточно многочисленной семьи были две небольших тесных комнатки. Зимой было холодно. Главной заботой семьи было в это время года — достать топлива. Дети собирали в соседнем лесу валежник. К этому занятию часто привлекались и посещавшие Либкнехта в большом количестве товарищи. Лейпцигские рабочие, крепко любившие Либкнехта, присылали ему иногда предметы первой необходимости и делились с ним последним.

Отсюда Либкнехт держал связи со всей Германией. В эти годы он развил особенно энергичную литературную деятельность. Он писал листки, брошюры, статьи в нелегальный «Социал-демократ» (издававшийся сначала в Цюрихе, затем — в Лондоне), вел обширную

нелегальную корреспонденцию с партийными организациями, переписывался с Марксом и Энгельсом и после смерти первого — с одним Энгельсом, поддерживал письменные и личные связи со своими избирателями, собирал деньги для репрессивных и их семей. В лачужке Либкнехта в Борсдорфе жизнь всегда была ключом. Одно время в Борсдорфе жил также Бебель. Сюда сходились все нити движения. Множество лучших пролетарских бойцов того времени побывало в этой «вилле Либкнехта».

Карлу Либкнехту было 10 лет, когда отец его и вся семья переселились в Борсдорф. Сидя в каторжной тюрьме в 1916 г., в период империалистской войны, Карл Либкнехт в письмах с любовью вспоминал этот «борсдорфский» период и господствовавшую в тогдашней «вилле» его отца прекрасную революционную атмосферу. В частности, Карл Либкнехт вспоминал, что именно в Борсдорфе, в деревенской обстановке, в старом полуразрушенном домике на берегу реки он мальчиком впервые научился любить природу...

Вильгельм Либкнехт принимает, разумеется, самое деятельное участие в нелегальных съездах германской с.-д. партии за время исключительного закона (в Виденском замке в Швейцарии, в Копенгагене, Ст. Галлене). В общем он вместе с Бебелем — при руководстве и решительной критике сначала со стороны Маркса и Энгельса, а затем со стороны одного Энгельса — ведет борьбу против обоих возникших тогда в партии уклонов. Мы говорим о легалистах — правых (Гехберг и К°) и о «левых» оппортунистах», «молодых» (Мюллер, молодой Шиппель и др.). Но тут опять оказываются слабые стороны Либкнехта — его примиренчество в теоретических вопросах. Тактические и организационные споры тоже отталкивают его. «Лишь неумением отделить существенное от не столь существенного объясняется то, что эти споры ведутся с такой страстностью и что им придают какое-то решающее значение»... «Революция — реформа! Сколько чернил пролито, сколько желчи израсходовано в спорах вокруг этих двух слов. А почему? Да только потому, что каждая из спорящих сторон фетишизирует свою тактику! Понятия не исследуются со всех сторон. Каждый приписывает чудодейственную силу своему предложению и видит гнездилище всех зол в чужом. Фетиши бывают злые и добрые — перед добрым фетишем слепо преклоняются, злого фетиша проклинаят. Весь спор вокруг слов *революция* — *реформа*, как он до сих пор велся в рядах социал-демократии, был только спором о прошлогоднем снеге». Такого рода заявления «солдата революции» вызывали справедливое возмущение со стороны Маркса и Энгельса и, конечно,

отнюдь не служили действительной борьбе за ортодоксальный марксизм. Но «солдата революции» приходится брать таким, каким он был...

В годы исключительного закона против социалистов Энгельс не раз в письмах к Вильгельму Либкнехту резко «ругал» его за чрезмерный оптимизм в отношении к правым, за примиренчество к плохоньким «социалистам» из числа «образованных» и т. п. Либкнехт, — смеется Энгельс в письме к Бебелю, — играет «роль наседки, которая высидела утят: он хотел вывести «образованных» социалистов, но — глядь, — из яиц вылупились сплошь, филистеры и обыватели, и вот милейшая наседка хочет нас уверить, что по буржуазной речке плавают цыплята, а не утята» (Архив М. и Э., т. VI, 306).

Либкнехт сдавался не сразу. «Отсюда — вечные пререкания и тот почетный титул, которым он как-то в шутку меня наградил: титул величайшего грубияна Европы», — пишет Энгельс Бебелю в мае 1883 г. (Архив М. и Э., т. VI, 230). Энгельс не раз указывал и в письмах к Бебелю на все слабые стороны Либкнехта. Но всегда Энгельс тут же продолжал: «Тем не менее я убежден, что в действительно решающий момент Либкнехт будет на нашей стороне», «в решительный момент Либкнехт несомненно займет правильную позицию». В этом Энгельс был абсолютно уверен. Вот почему, когда умер Маркс, то самое душевное письмо по этому поводу Энгельс в тот же день написал именно Вильгельму Либкнехту (письмо от 14 марта 1883 г.).

В период исключительного закона, особенно во вторую его половину, В. Либкнехт принимает энергичнейшее участие в возобновлении международных связей рабочего класса и в восстановлении Интернационала, распавшегося после поражения Парижской коммуны. Либкнехт совершает ряд поездок в Швейцарию, Англию, во Францию (во время пребывания Маркса под Парижем незадолго до его смерти) и, наконец, в Америку (вместе с дочерью Маркса).

Когда в 1889 г. приблизилось формальное восстановление Интернационала, германская с.-д. была уже огромной силой. От ее имени работу по созыву предстоящего Парижского конгресса — первого учредительного съезда II Интернационала — ведет главным образом В. Либкнехт (а также Бебель). Дело опять-таки не обходится без примиренческих ошибок со стороны Либкнехта и Бебеля. В письмах Энгельса к Зорге осталось немало возмущенных отзывов Энгельса по поводу этих ошибок. Энгельс вздохнул облегченно только тогда, когда в Париже произошел разрыв между двумя конгрессами и когда марксисты отказались слиться с POSSИБИЛИСТАМИ. 8 июня 1889 г. Энгельс пишет Зорге:

«Каким-то чудом все-таки удалось дело спасти. Либкнехт, которого сильно разгорячили статьи Ауэра и (Ниппеля, понял, наконец, что дело затягивалось исключительно благодаря ему и что теперь он должен действовать энергично» (Из писем к Зорге. Перевод с предисл. Ленина, 342–345). В дальнейшем наиболее выдающуюся роль на Парижском конгрессе — т. е. на «нашем» (Энгельс), марксистском конгрессе — играл В. Либкнехт. В своей вступительной речи на этом конгрессе Либкнехт говорил: «Первый Интернационал не умер — он растворился в могучих рабочих организациях и рабочем движении отдельных стран и продолжает жить в них. Первый Интернационал продолжает жить во всех нас. Этот конгресс является делом Международной ассоциации рабочих» (*Протоколы*, стр. 7). Во всяком случае, Вильгельм Либкнехт олицетворял во II Интернационале лучшие традиции I Интернационала.

Субъективно Либкнехт был одним из самых лучших, горячих, благородных представителей интернационализма. Он завоевал себе крупнейший авторитет в международном рабочем движении именно глубокой искренностью своих интернационалистских убеждений. Всякий знал, что В. Либкнехт может допустить ту или иную теоретическую ошибку, может разделить ту или иную примиренческую иллюзию, но что в практической борьбе против классового врага «солдат революции» будет всегда на посту, что долг международной пролетарской солидарности для него не на словах, а на деле всегда будет на первом плане — в этом сомневаться не мог никто.

В 1888 г. Либкнехт после избрания его в рейхстаг переехал в Берлин. В 1890 г. пал исключительный закон против социалистов. В 1891 г. партия собрала в Эрфурте свой легальный партийтаг. Одним из докладчиков эрфуртской программы выступил Либкнехт. Скоро он стал редактором центрального органа партии — «Форвертс», который тогда еще был красным, а не желтым, как впоследствии. Когда во вторую половину 90-х гг. оппортунизм поднял голову и после смерти Энгельса Бернштейн вскоре открыто выступил с платформой ревизионизма, старый Либкнехт ополчается против оппортунистов. С самого начала вступления французского «социалиста» Мильерана в буржуазное правительство и возникновения мильерандистской эпопеи В. Либкнехт полон возмущения против всех сторонников этого «опыта». «Форвертс» вопреки Либкнехту помещает, однако, двусмысленные корреспонденции из Парижа, принадлежащие перу русского оппортуниста и «экономиста» Кричевского.

Еще недавно, в 1932 г., один из членов семьи Либкнехта опубликовал письмо В. Либкнехта от 11 июня 1900 года, в котором старый солдат

революции пишет: «Вы уже, вероятно, читали в отчете о прениях в рейхстаге, что Бебель дезавуировал Мильерана. Я сделаю это еще покрепче, когда получу слово при третьем чтении законопроекта о флоте. Вся наша бернштейновская публика хвалит Мильерана до небес, в частности наш парижский корреспондент. Главное несчастье «Форвертса» состоит в том, что я не имею права определять персонал редакции и состав сотрудников. Чем реакционнее пишут эти господчики, тем тверже делается их положение. До сих пор у меня на шее сидит Бернштейн, в качестве корреспондента из Англии. Кричевский, вообще говоря, не плохой корреспондент, но он теперь попал в лапы Жореса и Мильерана... *Увековечение раскола* французского социализма есть как раз результат того, что Мильеран сидит в министерстве. Именно это делает невозможным честное объединение. Уже из одного инстинкта честного «солдата революции» старый Либкнехт должен был ненавидеть и ненавидел Мильеранов и Бернштейнов. Его не подкупил и Жорес, с которым у него было кое-что общее в темпераменте. Ревизионизм, как он сложился во второй половине 90-х гг., встретил в Либкнехте-отце непримиримого противника, смертельного врага. В первых боях против ревизионистов Либкнехту-отцу «ассистировал» Либкнехт-сын, тогда еще совсем молодой Карл Либкнехт.

С 90-х гг. XIX и до начала XX века германская социал-демократия растет с необыкновенной быстротой. Растет и II Интернационал, проходящий тогда еще через лучшую полосу своего развития. Вильгельм Либкнехт рядом с Августом Бебелем приобретают в это время величайшую популярность в рабочем классе всего мира. Когда 7 августа 1900 г. Вильгельм Либкнехт закрыл глаза навеки, это было настоящим горем не только для рабочих Германии, но и для передовых рабочих всего мира. Сотни тысяч рабочих следовали за гробом этого бойца. Жены, матери и сестры рабочих искренно оплакивали смерть великого трибуна. Имя Вильгельма Либкнехта осталось жить в сердцах миллионов рабочих. Образ солдата революции глубоко запал в душу передовых пролетариев всего мира.

Героическое участие в боях революции 1848 г., знакомство и долготелее личное общение с величайшими гениями человечества, Марксом и Энгельсом, мужественная и стойкая борьба на ответственном посту против реакционно-буржуазной войны, многолетний честный труд для создания самостоятельной пролетарской марксистской партии в одной из самых крупных стран Европы, длительные высылки в буржуазных тюрьмах за дело рабочего класса, 12-летняя борьба против исключительного закона во главе гонимой партии, тесная дружба с таким рабочим вождем, как Бебель, громадная и плодотворная литературная работа на службе рабочему классу, полная энтузиазма интернационалистская деятельность в рядах I, а затем и II Интернационала, борьба против бермштейнианства и мильерандизма, — вот главные вехи в жизни Либкнехта-отца. Великий талант народного трибуна, беспредельная готовность к самопожертвованию в интересах своего класса, личная скромность и неприязнительность, жизнерадостность натуры, неугасимая ненависть к угнетателям и к ужасам капиталистической каторги, настоящая неподдельная любовь к людям труда, к живому труженику-рабочему, его семье, его детям, — вот главные личные свойства Вильгельма Либкнехта. Солдат революции провел в тюрьмах более 60 месяцев. Уже глубоким стариком просидел он вновь в тюрьме полгода. Еще в 1900 г. ему предстояли новые судебные процессы. Личная жизнь — жизнь пролетария, бедняка, все отдающего делу. Таков был Вильгельм Либкнехт.

Жизнь и борьба Либкнехта-отца стала образцом для целого поколения

в мировом рабочем движении. Естественно, что она не могла не оказать и действительно оказала громадное влияние на его сына Карла.

В этом смысле можно сказать, что у Карла Либкнехта была «счастливая наследственность».

II. МОЛОДЫЕ ГОДЫ КАРЛА ЛИБКНЕХТА

...В юности и мне пришлось испытать много политических нападков и в школе и в других местах, но я переносил их с гордостью, презрением и состраданием; и это отношение меня укрепило и возвысило.

Письмо К. Либкнехта из тюрьмы от 11 мая 1918 г.

КАРЛ ЛИБКНЕХТ родился 13 августа 1871 г. в Лейпциге. Он был, таким образом, всего на один год моложе В. И. Ленина. То, что Ленину — в смысле морального влияния — дал старший брат Александр, погибший за дело народа на царской виселице, — то Карлу Либкнехту дал пример отца. Карл Радек, очень хорошо знавший Карла Либкнехта лично, со всеми его слабыми и сильными сторонами, совершенно прав, когда говорит, что Карла Либкнехта нельзя понять, не зная его отца *Вильгельма* Либкнехта, «этого единственного человека в истории германской социал-демократии, в душе которого 48-й год зажег революционное пламя, не угасшее в нем до самого конца его жизни»...

В первом браке Вильгельм Либкнехт был женат на Эрнестине Ландольт, дочери смотрителя тюрьмы во Фрейбурге, где в 1849 г., совсем еще молодым человеком, содержался наш солдат революции. Со своей будущей женой В. Либкнехт познакомился во время свиданий, которые давались ему на квартире смотрителя тюрьмы, и во время прогулок во дворе тюрьмы. Девушке было тогда всего 15 лет. Вскоре молодые люди друг друга полюбили. Когда Либкнехта освободили из тюрьмы, Эрнестина хотела последовать за ним. Либкнехт просит ее остаться у родных еще некоторое время, чтобы переждать революционную грозу. Так и порешили. Молодые люди дали друг другу слово. Они соединятся, как только хоть немного прояснится политическая погода. Подождать пришлось целых семь лет. Только в 1856 г. Либкнехт получает возможность выписать свою невесту в Лондон. Там они вступают в брак. Семья Маркса принимает особенно близкое участие в этом событии. Поженившись, чета Либкнехтов ведет тяжелую эмигрантскую жизнь, полную забот и лишений. В Лондоне у них родился первый сын Рихард. Он умер двух лет. Затем — дочь Алиса,

ставшая впоследствии женой Бруно Гейгера. К Эрнестине подкрадывается болезнь. Лондонские туманы вредны для ее хрупкого здоровья. Болезнь подкашивает ее все больше. Храбро связавши свою жизнь с жизнью революционера-изгнанника, она мужественно переносит все тяготы эмигрантской жизни и, не теряя духа, борется с недугом. Страстно любящий ее Либкнехт с горечью видит, как падают ее силы. Вскоре после возвращения Либкнехта из эмиграции Эрнестина умирает.

В июле 1868 г. Вильгельм Либкнехт вступает во второй брак. Он женится на Наталье Рей из Дармштадта, своей дальней родственнице, состоявшей в родстве с пастором Вейдигом, о котором говорилось выше. Наталья Либкнехт была женщиной передового образа мыслей, с серьезным образованием и талантом писательницы. С ней прожил В. Либкнехт до самой своей смерти. Она разделила все тяжести и радости жизни этого великого борца и бурной натуры и оказала очень благотворное влияние на своих детей. От этого брака у Вильгельма Либкнехта родилось пять сыновей. Вторым из них был Карл.

К моменту появления на свет сына Карла В. Либкнехт с семьей проживал, в Лейпциге, в небольшом ветхом домишке отдаленного квартала. В 1870–1871 гг. при первых выступлениях В. Либкнехта против войны «патриотическая» буржуазная молодежь, натравленная политическими противниками, не раз выбивала стекла в его квартире, устраивала около нее кошачьи концерты и т. п. В течение некоторого времени лейпцигским рабочим пришлось держать постоянные патрули около квартиры своего вождя. В очередях иногда дежурили по 20 человек и более. Нередко дело доходило до маленьких сражений.

Мальчику Карлу не было еще и года, когда Либкнехт-отец был приговорен к двум годам крепости за свою интернационалистскую агитацию во время франко-прусской войны. В Саксонии не оказалось подходящей крепости. Либкнехт вместе с Бебелем посажены бы;и поэтому в исправительную тюрьму в Губертусбурге, близ Лейпцига. Раз в три недели семьи «преступников» могли посещать арестованных. Таким образом случилось, что Карл Либкнехт в первый раз перешагнул через порог тюрьмы, когда ему было всего год с небольшим. Спустя некоторое время тюремный режим для политических заключенных несколько смягчился. Бебелю и Либкнехту позволили по несколько часов в день работать с лопатой в руках в ограде тюремного сада. Постепенно «арестанты» завели по особой грядке для каждого из своих ребят. В том числе была грядка и для Карла.

Исключительный закон против социалистов разразился над головой

семьи Либкнехт, когда Карлу было 7 лет. Эту пору Карл помнит уже отлично. Материальное положение семьи, и без того крайне незавидное, теперь пошатнулось еще больше. Легальная партийная печать закрылась. Сотрудничество отца в одной американской газете давало лишь ничтожные ресурсы. Лейпцигское пепелище пришлось бросить из-за высылки отца. Семья выросла. В Борсдорфе (см. 1-ю глазу) удалось кое-как продержаться только благодаря поддержке рабочих. Семилетний Карл видел, как по ночам к отцу приходили с поручениями люди и уходили, замечая свои следы, как в соседнем трактирчике с кучей предосторожностей устраивались под разными видами небольшие совещания. Мальчик сам невольно втягивался в элементарную «конспирацию», знал, что отца надо предупредить, когда поблизости показываются полицейские, знал, что некоторые бумаги лучше сжигать, знал, что богатые против отца, а рабочие и бедняки за него, что самые ненавистные и отвратительные люди — это шпионы, и т. п. В то же время мальчик принимал деятельное участие в экспедициях за дровами, ягодами, грибами и т. п., игравших большую роль в «провиантировании» семьи, вместе с другими мальчиками его возраста много гулял в лесу, купался в речке, ловил перепелов, рыбачил и т. п. Через много лет в письме к жене из окопов в 1915 г. Карл пишет: «В моей памяти неотступно стоит Борсдорф и наша тогдашняя близость к природе, которую мы видели не во время «гулянья», не как «дачники» — только издалека, безопасно, как посторонний объект». Детские впечатления времен Борсдорфа запомнились Карлу крепко.

Борсдорф. Здесь жил Карл Либкнехт мальчиком

Дети Вильгельма Либкнехта посещали школу попережнему в Лейпциге, ибо в Борсдорфе хороших школ не было. Ездить надо было почти каждый день. Это было трудно, да и стоило денег. В школе детям Вильгельма Либкнехта, в том числе и Карлу, приходилось терпеть всевозможные преследования. Имя Либкнехта было уже тогда самым ненавистным для германской буржуазии именем. «Человек без отечества» пользовался дурной славой и у многих наиболее тупых и ограниченных «образованных» мещан. Травля детей Либкнехта в школе велась больше именно на почве защиты «патриотизма». Уже мальчиком Карл умел показывать зубы своим гонителям. Он проявлял большую стойкость и независимость уже в самой ранней юности. В школе у него было несколько школьных товарищей, с которыми он крепко дружил. С ними он сохранил, к слову сказать, прочные личные связи и в зрелом возрасте. По отношению же к тем, кто, поддакивая наихудшим из учителей, участвовал в травле, — Карл держался гордо и независимо. «В юности, — вспоминает впоследствии Карл, — и мне пришлось испытать много политических нападков и в школе и в других местах, но я переносил их с гордостью,

презрением и состраданием; и это отношение меня укрепило и возвысило» (письмо к жене из тюрьмы от 11 мая 1918 г.).

Дело сложилось так, что в школе Карл только учился; воспитывался же он дома. Именно дома мальчик закалялся против врагов и гонителей в школе. Родители Либкнехты совершенно сознательно и планомерно воспитывали своих детей в полном равнодушии ко всякой личной собственности. Как ни бедно было в доме, дети привыкли делиться последним с ребятами еще победнее.

Как чувствовал себя Карл подростком в 14–15 лет, это хорошо изображено у него в одном отрывке письма, написанного из каюры ж — ной тюрьмы в 1917 г. и адресованного к его собственному сыну-подростку. «Не думай, что я не понимаю тебя и твоего теперешнего состояния: почки раскрываются, природа оживает, рвется наружу, переливается через край, ищет себе выхода и, зарождая в душе смутное предчувствие счастья, вместе с тем угнетает и мучит; человек чувствует, что громадная задача не по плечу его силам. Пробираясь ощупью из мрака к свету, погружаешься все глубже в тьму — пока не поймешь относительность всякого человеческого знания»...

Редкий снимок семьи Либкнехт. В середине — В. Либкнехт, слева — Карл, справа — его брат

Книги для детей с самого раннего их возраста тщательным образом подбирал сам отец. Он внимательно руководил чтением своего Карла едва ли не с первой книжечки, прочитанной мальчиком.

Систематически воспитывал отец в Карле любовь к природе и к естественным наукам. Дарвина и Геккеля Карл проштудировал под личным руководством отца. Глубокий и живой интерес к естественным наукам Карл сохранил на всю свою жизнь. Уже в молодости он много и внимательно читал в этой области, делал выписки, отметки в прочитанных книгах и т. п. Юношей Карл Либкнехт начал изучать по инициативе отца и политическую экономию. И опять этим чтением внимательно руководит Вильгельм Либкнехт. Отец привил Карлу глубокую любовь и к классикам древности. Прэтыг и философы древности остались любимыми авторами Карла на всю его дальнейшую жизнь и доставили много отрадных минут Карлу Либкнехту и в самой тяжелой обстановке каторжной тюрьмы. В одном из тюремных писем Карла Либкнехта к его сыну (от 1917 г.) содержится следующая чудесная страничка, показывающая, какие впечатления оставили в юном Карле эти авторы на всю его дальнейшую жизнь:

«Но впереди всех: Геродот, Ксенофонт, Фукидит, Демосфен и божественный Платон. Потом — Гомер. Вот те греки, которых мы читали. Корнелий Непот, Цезарь, Ливий, Саллюстий, Тацит, Овидий, Вергилий, Катул, Гораций — (вот римляне, которых мы читали.

«Возьми историю культуры, науки, искусства и литературы, — эти звезды сияют там. Они сверкают там уже многие века и будут блистать еще много тысячелетий... Если ты не познакомишься с ними теперь, го не узнаешь их никогда. Ты потеряешь бесконечно много на всю свою жизнь. Как мне было бы приятно иметь здесь при себе моего Вергилия, Горация, Гомера, Софокла, Платона. Как живо стоят передо мной многие оды Горация, — они приходят ко мне в длинные, томительные ночи и проводят со мной время, — и как был бы я счастлив, если бы имел в этой области познаний вдесятеро больше, чем Лессинг...»

Жить для других, жить для великой цели. Не падать духом и не бояться гонений. Чувствовать себя гражданином мира и сыном рабочего класса. Служить угнетенным и обездоленным. Любить революцию, освободительницу народов. Готовиться отдать свою жизнь за дело пролетариата и его революцию, за дело пересоздания общества, за

социализм. Борьба против национализма и шовинизма. Быть хорошим товарищем, любить сынов своего класса и братьев по борьбе. Вот те простые, но и великие идеи, которые прививал Карлу его отец. В этом смысле Карл Либкнехт родился поистине под счастливой звездой — он получил все это «готовым». Самого отца все его современники рисуют как человека жизнерадостного, веселого, остроумного, с добрым сердцем, любящего жизнь, природу, детей, способного по-детски смеяться, горячо увлекаться, любящего народную песню, народную сказку, народный язык, крепкую шутку. Большинство этих черт характера отличали и Карла уже в его молодые годы.

В школе Карл усердно учился. Он любил шалить. Он всего меньше походил на благонаправленного пай-мальчика. Но к *знанию* у него была неутолимая жажда. Вспоминая впоследствии свои школьные годы, он делится этими воспоминаниями со своим собственным сыном, которому он говорит:

«Возможно, что тот или другой учитель — мало интересен (совсем как в университете, только, может быть, не в такой степени). Но деле не в самой школе. Школа — это те предметы, те науки, которые вы там изучаете. Это — история, география, математика; это — языки французский, английский и даже древне-еврейский. Это — немецкий язык, который открывает перед тобой самые далекие очертания неизмеримых горизонтов и делает твоими друзьями Гете, Шиллера, Лессинга, Гердера, Клопштока и др.

«Потом — греческий язык. Латынь. Разве это скучно? Языки — самые интересные продукты человеческого духа. Их изучение, их анатомия, анализ их строения, это — их грамматика, их синтаксис; совсем как анатомия живого тела. Разве ты не подозреваешь о том чудесном мире, в который вводит сравнительное языковедение? Я всегда так живо этим интересовался, что не понимаю, как можно говорить о скуке...»

В другом месте Карл Либкнехт вспоминает внешнюю обстановку, окружавшую его, когда он готовился к экзаменам. Она была проста и безыскусственна. «Спокойное местечко в доме (можно в крайнем случае в сарае или на конюшне) или на воздухе всегда найдется. Именно так я готовился ко всем моим экзаменам».

18 лет Карл Либкнехт окончил среднюю школу. Время между окончанием школы и поступлением в университет он описывает своей жене в следующих выражениях:

«В Мюнхене я пережил время, имевшее решающее влияние на всю мою жизнь. Это было в 1889 г., когда мне было восемнадцать лет; мой дух

пробуждался, я дышал полной грудью, кипел восторгом бытия и горячо воспринимал все впечатления мира. Казалось, что на небосводе моего существования сверкала радуга. Пинакотеки заменяли мне неделями родину... Оттуда я впервые проехал в Верхнюю Баварию, побывав в Штарнберге, Кохеле, Бенедиктенвальде, Вальхензе, Герцогштанде, Партинкирхене, Гармише, Миттенвальде и Эйбзе, а еще позднее (1890 г.) — Цугшпитце, Гогсншвангау и Аммерзе».

Восторги восторгами. Но проблема университета все же стояла ребром. Возник вопрос: какой избрать факультет? Карл избрал юридический факультет. Он надеялся, что, ставши защитником, он сможет принести пользу рабочим и в этой области. Все его воспитание, весь строй его мыслей, пример всей жизни отца были таковы, что юноша знал: моя жизнь будет принадлежать рабочему классу, я должен больше всего учиться марксизму. Юридический же факультет пригодится как нечто подсобное. В университете Карл вступает в студенческий кружок, ставящий себе главной целью изучение экономических и социальных проблем. Он учится, много работает над собой и живет бодрой жизнью, отдавая дань всем простым удовольствиям жизни, которые ему доступны. Выпускной экзамен Карл сдавал в Вюрцбурге. «Я там не учился, а лишь держал экзамены и... немало проказничал» («Письма», русск. изд., 136). Окончив университет, Карл Либкнехт вступает в социал-демократическую партию.

Во главе германской социал-демократии тогда стояли А. Бебель и В. Либкнехт, которыми, в свою очередь, идейно руководил еще Фр. Энгельс. Тогда эта партия, конечно, непохожа была на то, чем стала германская с.-д. после победы в ней оппортунизма. Партия только что прошла через очистительное испытание исключительного закона против социалистов. Долгая полоса правительственных гонений произвела благотельный «отсев», хотя и далеко не полный. Рабочее ядро партии закалилось в борьбе. Кампания против оппортунизма справа и «слева», проводившаяся в последнем счете по указаниям Энгельса, не могла не принести свои плоды. Бисмарк пал. Рабочая партия выходила на широкую дорогу.

Карл Либкнехт вступает в партию. Но он знает, что ему еще надо учиться и учиться — и прежде всего и больше всего учиться у рабочих. В собраниях он еще не выступает. Отец не советует с этим торопиться. «Выступай только тогда, когда ты накопишь знания и по-настоящему будешь знать, о чем говорить. Нет ничего печальнее на свете, как образ поверхностного говоруна». Карл унаследовал от отца также ораторский талант и дарования трибуна. Он явно догадывался об этом и в годы ранней молодости. Но сдерживающее влияние отца оказывало свое действие, и он

не торопился На трибуну.

В 1893–1894 гг. Карл Либкнехт отбывает военную службу вольноопределяющимся в саперном батальоне гвардейского полка в Потсдаме (впоследствии он еще два раза до войны отбывал военные занятия). Здесь он впервые знакомится поближе и на практике с милитаризмом, облеченным в плоть и кровь. Потсдам был тогда городом самой «блестящей» прусской военщины, наиболее близкой к «самому» Вильгельму II. Полк, в котором служил молодой Либкнехт, тоже принадлежал к числу наиболее «выдающихся». По методу наглядного обучения Карл Либкнехт получил здесь незаменимые уроки. Он увидел кусок прусского милитаризма «живьем», воочию — во всей его «красе». Здесь, в Потсдаме, в годы военной службы у него впервые возникла мысль посвятить себя делу организации систематической и планомерной борьбы против милитаризма, приковать к этой специальной задаче внимание рабочей партии и самому не пожалеть энергии и усилий на этом поприще.

Окончив срок военной службы, Карл Либкнехт, раньше, чем стать практикующим юристом, должен был еще пройти предварительный стаж в каком-либо крупном судебном учреждении. Это было дело нелегкое. Молодого революционера, да еще обладающего таким «сомнительным» родством и носящего такую ненавистную фамилию, ни одно «уважающее себя» судебное учреждение не хотело принимать. А между тем без этого Карл не мог начать практическую деятельность как защитник. После долгих поисков в небольшом местечке в Вестфалии удалось найти такое судебное учреждение, которое согласилось допустить Карла Либкнехта на практику. Только в 1899 г. вся эта полоса была закопчена. Карл Либкнехт получил диплом практикующего юриста. Отец его уже с момента падения исключительного закона против социалистов переселился в Берлин, где редактировал в это время центральный орган партии. Теперь и Карл мог окончательно поселиться в Берлине. Сюда звал его отец. Сюда влекло его, как в крупнейший политический центр страны.

Карл Либкнехт в молодости

Радек, знавший Карла Либкнехта в ранние годы последнего, пишет о нем: «Смельчак, человек хороший, как говорят поляки, и для выпивки, и для перестрелка, полный энергии, веселый, любимец рабочих, любимец женщин, всегда на ногах, всегда бодрый, полный планов. Не забуду никогда, как этот человек во время лейпцигского съезда германской социал-демократии в течение 6 дней после работ съезда, после вечерних массовых митингов, ночью, в продолжение всей недели «крутил» с нами, молодыми, до белого утра, сидел в кафе за стаканом вина, в красной фригийской шапке из бумаги — тогда в Лейпциге была известная лейпцигская ярмарка, — как, с испугом заломив руки, смотрел на него его серьезный брат Теодор. Во всяком своем жесте Карл Либкнехт был сыном своего отца — великого

агитатора, великого живого человека, умевшего веселиться, как малое дитя».

Все эти годы Карл Либкнехт целиком находился под влиянием и под обаянием своего отца. Да это и не могло быть иначе. Ничего кроме чувства глубокой признательности не мог испытывать Карл к тому, кто дал ему «на дорогу» так бесконечно много. Отношение Карла к отцу хорошо рисуется в отрывке из письма, написанного Карлом через 17 лет после смерти Вильгельма Либкнехта. «Сегодня ночью, — писал Карл из тюрьмы 21 января 1917 г., — мне приснилась моя мать... Как относились и я, и все мы к нашим родителям, к нашей матери — этого словами не выразишь. Объяснить это можно многими причинами, в том числе перенесенными сообща страданиями и преследованиями. И, в самом деле, существует такая любовь, которая сильнее смерти и с которой смерть ничего не может поделать: мертвый продолжает жить в мыслях и чувствах тех, кто его пережил. Так было и с моими родителями: они только внешне отсутствуют для меня теперь, но и это выражение не точно». Все сколько-нибудь значительные события в ранней молодости Карла, в те годы, когда из него еще формировался боец, связаны с отцом. Даже прочтение тех или других книг связывается в голове Карла с воспоминаниями о нем же. Такие-то и такие-то книги «можно найти в книжном шкафу моего отца, стоящем теперь в моем кабинете». Такой-то и такой-то роман «я читал 25 лет тому назад, когда мой отец напечатал его в «Форвертсе». Такие замечания нередко встречаются в письмах Карла из тюрьмы. В личных же беседах — еще гораздо чаще.

Переселяясь в конце 90-х гг. в Берлин, молодой Карл Либкнехт был уже сложившимся человеком — по крайней мере, поскольку дело шло об основах миросозерцания. Теперь он пускался в широкое политическое плавание. Первые политические шаги он все еще делал цод дружеским руководством отца. Но Вильгельм Либкнехт доживал уже свои последние месяцы. В 1900 г. его не стало. Карл почувствовал, что теперь на него ложится еще большая ответственность. Он будет с честью носить фамилию Либкнехт. Он всю свою жизнь отдаст делу германского, делу международного пролетариата...

III. КАРЛ ЛИБКНЕХТ В РЯДАХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

...Нам надо вырвать армию из рук классового врага и сделать так, чтоб он не мог использовать ее как свой классовый инструмент ни во внутренней ни во внешней политике.

Карл Либкнехт в речи против Носке на Эссенском партийтаге германской с.-д. в 1907 г.

...У кого в руках молодежь, у того в руках и армия.

Карл Либкнехт в 1907 г. в кн. «Милитаризм и антимилитаризм».

КАРЛ ЛИБКНЕХТ заканчивает учебу как раз на переломе от «бисмарковской» эпохи (1871–1890) к «вильгельмовской» эре (1890–1918). Его более или менее самостоятельная политическая деятельность начинается на переломе от XIX к XX веку. Начало его самостоятельной работы в рядах рабочего класса совпадает с началом собственно империалистской эпохи в развитии Германии.

Разумеется, указанные две эпохи не отделены друг от друга китайской стеной. Первая подготовляла вторую, вторая вытекала из первой. В эпоху Бисмарка, в особенности во вторую ее половину, империалистские моменты играли уже значительную роль; но собственно империалистский период в развитии германской империи начинается с 90-х гг. После поражения германского империализма в мировой войне влиятельные круги германской буржуазии и даже прусской военщины стали хаять «вильгельмовскую» эру и объясняли крушение германского империализма тем, что Германия в 90-х гг. отошла-де от традиций эпохи Бисмарка, забыла осторожность и бросилась в завоевательную политику очертя голову. Это похмелье буржуазии понятно. Но в действительности порывистая, бурно-стремительная политика экспансии, которую особенно с середины 90-х гг.

олицетворял Вильгельм II, к этому времени уже больше выражала стремления германского капитала, нежели прежняя «осторожная» и лавирующая иностранная политика Бисмарка. В этом смысле победа «принципов» вильгельмовской эпохи над традициями эпохи Бисмарка не была, конечно, случайной и отнюдь не представляла собой просто результата борьбы лиц, темпераментов, отнюдь не определялась большей или меньшей дальновидностью того или иного дипломата и т. п. Дело совсем не в этом, а в том, что перед собственно-бисмарковским периодом истории в жизни Германии объективно стояли другие задачи.

В недавно опубликованных ИМЭЛ письмах Энгельса есть несколько совершенно замечательных писем, в сумме дающих гениальный очерк развития германского капитализма и германского рабочего движения в их первых стадиях. Мы имеем в виду письма Энгельса конца 1884 г. — к Бебелю и другим. Энгельс сравнивает тогдашнюю Германию с тогдашними Англией и Францией и приходит к выводу, что германское рабочее движение развивается более благоприятно именно вследствие того, что капиталистическое развитие Германии началось позже. «В Англии и Франции переход к крупной промышленности более или менее закончен... В Германии, напротив, крупная промышленность зародилась лишь в 1848 г... Промышленный переворот все еще продолжается». Более ранние политические или непосредственно-социалистические движения в Англии и Франции «потерпели поражение и оставили после себя скорее чувство уныния, нежели бодрости», ибо «буржуазное капиталистическое развитие оказалось сильнее, чем революционное противодействие». Здесь тоже движение подымется, но — «для нового возмущения против капиталистического производства потребовался бы новый, более мощный толчок — например, лишение Англии ее теперешнего господства на мировом рынке или какое-либо особое революционное событие во Франции». Не то — в Германии. «Успеху нашего дела особенно способствует именно промышленная отсталость Германии». Чтобы успешно конкурировать с капитализмом других стран, германскому капитализму приходится теперь особенно глубоко подымать своим плугом всю Германию. Чем больше он отстал, тем интенсивнее приходится ему теперь наверстывать потерянное. Германский капиталист «может теперь подарить всю нормальную прибавочную стоимость иностранному клиенту и только этим способом выдержать конкуренцию на мировом рынке, извлекая всю свою прибыль путем урезки нормальной заработной платы. При этом — полный переворот во всех жизненных условиях крупных центров, благодаря мощному развитию крупной промышленности». Вся

Германия «втягивается в общественную революцию», «вся Германия революционизируется гораздо глубже, чем Англия или Франция». А в это же время «на долю именно немца Маркса» выпало теоретически переработать результаты всей истории английского и французского развития, вскрыть природу и конечную историческую судьбу капитализма «и тем самым дать германскому пролетариату такую программу, какой никогда не располагали его предшественники— англичане и французы».

«Более глубокий общественный переворот, с одной стороны, большая ясность в умах, с другой — вот тайна неудержимого роста германского рабочего движения», — так суммирует положение Энгельс в письме от 8 ноября 1884 г. (Архив Маркса и Энгельса, т. VI, 1933, стр. 283, 284).

После войны 1870—71 гг. развитие капитализма в Германии пошло значительно быстрее. Промышленный переворот «приведен в движение революцией 1848 г. с ее буржуазными достижениями (как бы слабы они ни были)». Затем промышленное развитие «в громадной степени ускорено, благодаря 1) устранению внутренних препятствий в 1866—1870 гг. и 2) французским миллиардам (имеется в виду контрибуция, полученная Германией от Франции после франко-прусской войны), которым в конце концов пришлось дать капиталистическое применение» (Энгельс — к Бебелю, там же, стр. 290).

С 80-х гг. рост германской промышленности приобретает уже совершенно необычайную интенсивность. Ряд технических открытий превратил огромные, до сих пор мало пригодные залежи лотарингской железной руды в превосходное сырье. Оно стало основанием для громадной сталелитейной промышленности. Машиностроение в течение 80-х и 90-х гг. начало приобретать гигантские размеры. Германия добывала железа в 1878 г. — около 5 млн. тонн, но уже в 1887 г. — 9 млн. тонн, в 1897 г. — 15 млн. тонн (догнала Англию!), в 1907 г. — 27 млн. тонн, а в 1911 г. — 30 млн. тонн. Столь же быстро росли добыча угля, производство стали, химическая промышленность, сеть железных дорог и т. д. Германская промышленность и торговля стали выходить на международный рынок — в Англию, Россию, потом в Италию, Австрию, Испанию, на Балканы, а в 90-х и 900-х гг. — также в Южную Америку, на Дальний Восток и в Африку. Быстро росло народонаселение Германии (ежегодный прирост — 800 тыс. человек). Количественный рост рабочих был огромен. В одних крупных предприятиях работало в 1882 г. — 5,7 млн. рабочих, в 1900 г. — 10 млн., в 1907 г. — 14,4 млн. рабочих. Вынужденная завоевывать внешние рынки, уже занятые другими, германская промышленность пробивала себе дорогу с помощью все более высокой

техники и все большей концентрации капитала. Первые картели появились уже в 60-х гг.; в 1879 г. их было 14, в 1890 г. — 210, а в 1911 г. — 600. К (началу 900-х гг. начинается уже более быстрое сращивание централизованного банковского капитала с промышленным в форме финансового капитала. Картелированная промышленность требует протекционизма, высоких таможенных пошлин для устранения иностранных конкурентов. Одновременно прогрессирует и сельское хозяйство, получая новую техническую базу. Но в то же время число лиц, занятых в сельском хозяйстве, уменьшается в пользу промышленности. В 1882 г. число лиц (с семьями), занятых в сельском хозяйстве, было — 19¼ млн., а в промышленности—16 млн., в 1895 г. — 18½ 20¼ млн; в 1907 г. — 17½ и 26¹/₃ млн. человек.

Иностранная политика Германии уже в 1871 г. вошла в новую полосу. Бисмарк не ограничился объединением Германии, а воспользовался победой прусских армией для того, чтобы навязать Франции грубо-аннексионистский (Эльзас-Лотарингия!) и грабительский (5 млрд, контрибуции!) мир. Что исход франко-прусской войны сближает Францию с царской Россией, что эта война чревата новой будущей грандиозных размеров войной, в которой по разным сторонам будут биться Германия и Россия, — об этом Маркс и Энгельс сказали сразу в 1871 г. и повторяли многожды. Об этом же открыто говорили в первом общегерманском рейхстаге Вильгельм Либкнехт и Август Бебель. 7 октября 1879 г. заключен был *двойственный союз* между Германией и Австрией. 20 мая 1882 г. после присоединения к нему Италии он превратился в *тройственный союз*. Открытое сближение между Францией и царской Россией началось в том же 1882 г. К 1893 г. окончательно сложился франко-русский союз, превратившийся затем в *тройственное согласие*.

Уже с начала 80-х гг. германский капитализм через своих идеологов и политиков ставит на очередь проблему создания своей '«колониальной империи». Своими важнейшими колониями в Африке Германия начинает обзаводиться в 80-х гг., используя то время, пока Англия отвлечена движением России к Афганистану, французскими успехами в Центральной Африке и некоторыми «домашними» делами (Ирландия). В 90-х гг. XIX века колониальные владения Германии составляли уже 3 с лишним миллиона кв. километров (с населением около.12 млн. туземцев, при 28 тыс. белого населения). Сами по себе эти колониальные владения Германии были очень не малы. Но вещи познаются в сравнении. Сравнивая «свои» колонии с колониями «соседей», германская буржуазия чувствует себя

«обделенной». Ни по территориальной величине, ни по внутренней ценности германские колонии не выдерживали никакого сравнения ни с колониальными владениями Англии, ни даже с колониальными владениями Франции. Колониальные аппетиты германской буржуазии неизбежно должны были расти по мере того, как гигантски росла производственная и торговая мощь германского капитала. Общая годовая сумма внешней торговли Германии (ввоз плюс вывоз) еще в начале 80-х гг. XIX в. была равна приблизительно 5 млрд, марок; в 1891 г. — уже 7 млрд., в 1902 г. — 11 млрд., в 1907 г. — 17 млрд., в 1912 г. — 21¹/₄ млрд, марок. Германский капитал не мог не мечтать о завоевании себе таких колоний и открытии себе таких рывков, которые действительно позволяли бы не только догнать и перегнать англо-французских империалистов, но и закрепить свою победу над ними «навсегда».

В период 1890–1904 гг. иностранная политика германского капитала прокладывает себе дороги в трех направлениях: 1) Африка, 2) Китай и 3) Ближний Восток (страны Турецкой империи). Дальнейшее «мирное проникновение» в Африку с начала 90-х гг. становится для Германии все более проблематичным, а воевать с Англией и Францией германский империализм еще не может. С тем большим рвением германская дипломатия устремляется в омут дальневосточных и ближневосточных дел. В 1897 г., после занятия царской Россией Порт-Артура, Германия захватывает бухту Киао-Чау в провинции Шаньдун. В 1900 г. во время боксерского восстания Вильгельм II хвастливо декламирует о «немецком предводительствовании войсками Европы» и в напутственной речи к «своим» войскам, отправляющимся в Китай, дает «бессмертный» лозунг: «Пощады не давать! Пленных не брать! Воюйте так, чтобы и через тысячу лет ни один китаец не посмел даже только косо взглянуть на немца!». Но завоеваний в Китае мало германскому империализму. Англия и Япония (да и Америка) ставят ему тут довольно тесные пределы. Более осуществимые «виды» открываются на Ближнем Востоке, где Германия начинает действовать особенно развязно после ослабления России в русско-японской войне.

В конце XIX в. Турция была равна 3 896 000 кв. км. и имела население в 38³/₄ млн. человек, т. е. занимала пространство в семь раз больше Германии. Турция была драгоценным рынком сырья и могла стать для Германии очень важным рынком сбыта и территорией вывоза капитала. Уже с 27 декабря 1899 г. могущественный германский сталелитейный концерн Георг Сименс заключил с турецким правительством договор о

концессии на Багдадскую Железную дорогу. Англия, конечно, сразу увидела в этом угрозу «своим» владениям в Индии, но решила пока промолчать (война с бурами была не вполне закончена). Царская Россия, занятая подготовкой наступления на Дальний Восток, тоже пока промолчала. В 1899 г. немецкое Восточно-европейское телеграфное общество получило концессию на проведение линии Берлин — Бухарест — Константинополь. В 1905 г. линия дошла до Константинополя. Крупные немецкие капиталы были вложены в пароходные общества, которые должны были поддерживать связь между ближневосточными и германскими портами. Германский банк получил привилегию на производство нефтяных разведок в долине Тигра и Евфрата. Возникли немецкие банки в Палестине, Константинополе, Каире, Александрии и других местах. К началу XX века почти все главнейшие ж.-д. пути на Ближнем Востоке перешли из рук англичан и французов к немецкому капиталу. Инвестированный в одной Турции германский капитал составлял в начале XX века 978,1 млн. марок. Скоро Германия получила непосредственное влияние и на турецкую армию.

Рядом с этим идет строительство германского флота. В этом пункте молодой император Вильгельм II особенно «ярко» выражает стремления молодого германского империализма. В 1896 г. в речи Вильгельма, посвященной 25-летию существования Германской империи, открыто провозглашается идея создания могущественного германского флота с целью создания «попой расширенной Германии». Центральный орган английских империалистов «Times» тогда же берет быка за рога, ставя открыто вопрос: *из каких же* это неразделенных еще стран и территорий составится эта «новая расширенная Германия»? В 1897—98 гг. германский империализм делает решающий шаг: он принимает и начинает проводить в жизнь «большую судостроительную программу». За программой 1898 г. следует программа 1900 г. По этой программе флот должен быть удвоен одним ударом. Строится новых 38 линейных кораблей и 14 крупных крейсеров. Напряжение между империалистами Англии и Германии сразу начинает возрастать. В то же время Германская империя бешено вооружается не только на море, но и на суше. Расходы Германии на армию, флот и колониальные экспедиции составляли к началу XX века более 40 млн. фунтов стерлингов. В 1900 г. — 44,8 млн. фунтов стерлингов, в 1905 г. — 48,7 млн. фунтов стерлингов.

Такая внешняя политика германского империализма выросла из его внутренней политики и в то же время, в свою очередь, соответственно окрашивала эту последнюю. На рубеже XIX и XX веков прусский

милитаризм распустился махровым цветком. Все эти крупнейшие события внутренней и внешней политики Германии ставили перед германским рабочим движением новые труднейшие проблемы.

На этом-то фоне начинается деятельность Карла Либкнехта в рядах германской социал-демократии.

*

В конце 1884 г., в разгар преследований германского рабочего движения, Энгельс писал о тогдашней германской социал-демократии: «А это ведь поистине великолепно! Впервые в истории крепко сплоченная рабочая партия выступает как настоящая политическая сила, развившаяся и выросшая в условиях жесточайших преследований, неудержимо завоевывающая одну позицию за другой. Сила, свободная от всякого филистерства и шовинизма в самой филистерской и опьяненной победами стране Европы» (*Архив Маркса и Энгельса*, VI, 1933.283).

С падением исключительного закона против социалистов партия! быстро начинает расти вширь, и Энгельс сразу же отмечает то опасное обстоятельство, что вглубь она не растет, что теоретической. борьбы за революционный марксизм партия в должной мере не ведет, что проникновение в партию мелкобуржуазных элементов не встречает должного противодействия. На выборах в рейхстаг в 1890 сразу после падения исключительного закона партия получает 1 427 тыс. голосов (35 мандатов), в 1898 г. — уже 2107 тыс., в 1903 г. — 3 013 тыс., в 1907 г. — 3 250 тыс., в 1912 г. 4¹/₄ млн. голосов. Число членов партии в 1905 г. — 384 327. Число членов с.-д. профсоюзов в 1891 г. — 277 тыс., в 1904 г. — 1 млн., в 1910 г. — 2 млн. и т. д. К партии приливает большая волна мелкобуржуазных попутчиков. К концу 90-х гг. XIX века, когда заканчивалась политическая работа *Вильгельма Либкнехта* и начиналась политическая работа его сына *Карла Либкнехта*, официальная германская социал-демократия под руководством Бебеля и Каутского еще давала отпор бернштейновскому ревизионизму, оппортунизму «практиков» вождей профсоюзов и т. п. Но борьба никогда не доводилась до конца и каждый раз на практике кончалась компромиссом, выгодным только оппортунистам. В самом этом «отпоре» заложено было зерно капитуляции перед оппортунизмом. Это была не та беспощадная, исходящая из основ определенного революционного мирозерцания борьба против

оппортунизма, которую вели в свое время Маркс и Энгельс, затем Ленин, а теперь ведет Сталин. Это была больше словесная борьба. На деле буржуазному оппортунизму давали все глубже внедряться в рабочую партию и в конце концов он погубил ее.

В начале 900-х гг. оппортунистические грехи немецкой социал-демократии по оценке Ленина были еще «сравнительно небольшими». Если бы в Германии — как это было в России — уже с этого времени Начала складываться оформленная большевистская партия, — история Германии пошла бы по иному пути, и мы не имели бы теперь диктатуры фашистского зверья над этой страной многомиллионного рабочего класса.

Когда сменялось поколение Либкнехтов в германской социал-демократии, т. е. когда Вильгельма Либкнехта опускали в могилу и на политическую арену выходил его сын Карл, — германскому рабочему движению более всего нехватало непримиримых революционных марксистов, ленинцев, большевиков. Их не было еще в тогдашней Германии. Карл Либкнехт входил в германскую социал-демократию с теми же, в общем, настроениями, какие были у его отца. Он был горячо предан рабочему классу. Он отвергал бернштейнство. Но этого для данной эпохи было уже крайне недостаточно. Что такое марксизм эпохи империализма и пролетарской революции, молодой Карл Либкнехт не понимал. А в эту именно перу оппортунизм все наглее поднимал голову, все систематичнее отравлял рабочее движение ядом буржуазных взглядов. Ленин (в статье «Марксизм и ревизионизм») уже прямо писал, что спор между революционным марксизмом и реформизмом будет решаться в гражданской войне, на баррикадах. В германской же социал-демократии даже лучшие люди, как Карл Либкнехт, были еще просто левыми с.-д., но не марксистами-ленинцами, не большевиками. В первых спорах Бебеля и Либкнехта против Бернштейна, в эпоху Парижского международного социалистического конгресса (1900 г.) Карл Либкнехт решительно настроен против правого крыла, резко осуждает не только Мильерана, но и Жореса. Одна из первых литературных работ Карла Либкнехта (вышла в 1900 г.) посвящена резкой критике книги Жореса, критике его реформистских иллюзий, в частности, в вопросах войны и мира, критике идеи «демократической» армии и т. п. Критика по адресу Жореса особенно знаменательна, ибо своими личными качествами именно? Жорес в ту пору более всего мог подкупить молодого Карла Либкнехта. Жорес, как и сам Карл Либкнехт, был прежде, всего народным трибуном. Субъективная его преданность рабочему классу стояла вне всяких сомнений. Его искреннее желание сделать все, чтобы не допустить войны, в особенности войны

между Германией и Францией, тоже не подлежало сомнению. Лично Жорес был обаятельный человек. Но его оппортунизм все же встретил отпор со стороны молодого Либкнехта.

И тем не менее было бы натяжкой сказать, что уже с самого начала XX века Карл Либкнехт занял в рядах социал-демократии последовательную революционно-марксистскую позицию и имел уже сколько-нибудь законченную линию борьбы против оппортунизма. Нет, этого не было. Более того. Правда требует сказать, что и до самой мировой войны Карл Либкнехт не был человеком строго оформленного направления внутри партии. До 1914 г. он был скорее всего «индивидуалом», отдельным вольным стрелком внутри партии, превосходным единичным экземпляром революционного социалиста, с прекрасными задатками пролетарского вождя, но — не вождем направления, не руководителем, собирающим вокруг себя единомышленников и умеющим показать теоретические корни борьбы направлений в тогда еще «единой» партии.

На практике же Карл Либкнехт и в эпоху 1900–1914 гг. зачастую великолепно умел нащупать самые больные места движения и с головой броситься в борьбу за то, что в данную стадию было самым важным, самым — необходимым, самым боевым делом. Парламентские шаблоны претили ему. С самого начала своей деятельности в рядах партии он ищет новых путей к *массе*. Его больше всего интересует то, что самым непосредственным образом затрагивает рабочего, его семью, жен и матерей рабочих. Под этим углом зрения приходится подойти к его выступлению в пользу движения за выход из церкви. С этой же точки зрения приходится оценить его горячую яростную борьбу против оппортунистов, пытавшихся отнять у первомайского праздника рабочих его революционную интернационалистскую сущность. Но особенно важны 1) *его борьба за создание организаций молодежи* и 2) *его антимилицаристская агитация*.

Карл Либкнехт не был теоретиком. Он не дал германскому и международному пролетариату теоретического анализа империализма, хотя его страна, Германия, в рассматриваемую эпоху (1900–1914) уже целиком вошла в империалистическую стадию развития. Отсюда и то, что Карл Либкнехт (и не он один) слишком долго сопротивлялся совершенно назревшей уже необходимости раскола старой с.-д. партии и создания своей особой, самостоятельной, до конца враждебной оппортунизму пролетарской партии, т. е. коммунистической партии. Связь между империализмом и оппортунизмом в рабочем движении для него выяснилась значительно позже. Но и в период 1900–1914 гг. Карл Либкнехт на практике концентрировал свое внимание как раз на некоторых из тех

кардинальных вопросов, которые имели именно решающее значение для (борьбы против империализма. К числу таких вопросов безусловно относится борьба за создание организаций пролетарской молодежи и специальная кампания борьбы против милитаризма. Ощупью, но правильным чутьем Карл Либкнехт и в обстановке старой «единой» с.-д. партии подбирался к некоторым из самых коренных проблем империалистской эпохи.

*

Против милитаризма много писала и говорила в начале 900-х гг. и официальная германская социал-демократия. Против милитаризма в эпоху 1900–1914 гг. готовы были декламировать сколько угодно и все официальные вожди II Интернационала. Вместо понятия «империализм» все они предпочитали иметь дело с понятием «милитаризм». Ах, зачем злые капиталисты создают такие большие постоянные армии и строят дорого стоящие дредноуты! Ах, зачем это бешеное состязание в вооружениях, ложащееся такими чрезмерными налогами на плечи трудящихся! Ах, зачем так разгораются страсти в вопросах «колониальной политики» — разве нельзя было бы полюбовно разрешить такие споры! Ах, зачем во время стачек «вмешиваются не в свое дело» войска! Ах, зачем так грубо и надменно держит себя офицерство и, в частности, офицерство, олицетворяющее «наш» прусский милитаризм. «Мы» против войн и против «милитаризма», мы за третейские суды, разоружение, «культурную» колониальную политику, за «демократический контроль»...

В этом духе и в официальной германской социал-демократии были очень распространены ламентации против «милитаризма».

Карл Либкнехт и в самую раннюю полосу своей деятельности в рядах социал-демократии *не так ставил вопрос о милитаризме*. Его сил нехватило на то, чтобы дать законченную картину империалистской эпохи и осветить до конца задачи, встающие перед мировым — и в частности германским — пролетариатом в связи с надвигающейся империалистской войной. Однако он и в рядах «единой» социал-демократии ставил вопрос о борьбе против милитаризма не как добрый пацифист и тем более не Как с.-д. дипломат, заговаривающий зубы рабочим, а как пролетарский боец, как человек, до глубины души ненавидящий капиталистический строй, как сын своего класса, чувствующий, что на его класс надвигается великая беда и что бьет час, когда рабочий класс сможет повернуть штыки против своих

поработителей.

В начале своей антимилитаристской деятельности Карл Либкнехт полагал, что встретит на этом пути поддержку своей партии или хотя бы ее большинства. Во всяком случае, со стороны лучшей части партийного руководства он не ожидал препятствий.

Это было еще то время, когда буржуазия видела в германской социал-демократии своего смертельного врага и особенно ненавидела ее за интернационалистскую пропаганду. В октябре 1892 г. уже ушедший в отставку Бисмарк в частной беседе с профессором Отто Кеммелем говорил о социал-демократии: «В Риме существовало *aquae et signi interdictio* (лишение воды и огня), а в средние века человек, поставивший себя вне закона, назывался изгоем. Вот так же надо поступить с социал-демократией. У нее надо отнять избирательное право и все политические права вообще. Вопрос о социал-демократии есть военный вопрос. Социал-демократия стремится ныне — и с успехом — завоевать в свою среду унтер-офицеров. В Гамбурге уже — теперь добрая часть войска состоит из с.-д. Что же будет, если эти войска откажутся стрелять в своих отцов и братьев, как того требовал кайзер? Тогда у нас получится нечто вроде Парижской коммуны. Кайзер запуган. Когда я указывал ему на опасность социал-демократии, он отвечал мне, что не желает, чтобы его называли «карточным принцем», как называли его деда. Он не хочет-де в самом начале своего царствования «шлепать по щиколотку в крови». На это я возразил: «Ваше величество, если вы теперь уступите, то вам придется шлепать в крови уж не по щиколотку, а значительно выше».

Вот как оценивали германскую социал-демократию на рубеже между бисмарковской и вильгельмовской эпохой. Вот в каких выражениях говорили тогда между собою о ней самые крупные представители правящих слоев. Еще осенью 1906 г. генерал фон Эйхгорн ввел в систему солдатского обучения особые часы, посвящаемые опровержению учения социал-демократов, как «врагов отечества». Еще 21 января 1907 г. такой орган печати, как «Крестовая газета», заявлял, что «внутренний враг (социал-демократия) является более опасным, чем внешний, ибо он отравляет душу нашего народа и вырывает из наших рук оружие еще до того, как мы подымаем его». В своих антимилитаристских выступлениях Карл Либкнехт не раз впоследствии подчеркивал, что 5 февраля 1907 г. войскам берлинского гарнизона были розданы боевые патроны и ряд полков был приведен в полную боевую готовность — против с.-д. рабочих.

Ныне, после событий мировой войны и германской революции, представители правящих классов Германии пишут целые исследования о

том, как именно руководящие слои германской социал-демократии в союзе с офицерским корпусом германских армий спасли капитализм. Таково, например, крупное — и по-своему довольно объективное — исследование немецкого майора фон Фолькмана «Марксизм и германское войско», утверждающего, что «умеренные с.-д. с помощью офицеров старой армии сломали натиск спартаковцев» (Фолькман, назв. книга, стр. 15). Такова позднейшая книга того же Фолькмана «Германия в вихре революции», заявляющего: «Офицеры императорской армии и вожди умеренной социал-демократии заключили союз против Москвы» (324). Таковы главы в книге Гитлера «Моя борьба», устанавливающего тот же факт.

В ту пору, когда Карл Либкнехт начинал свою антимилитаристскую агитацию, дело обстояло еще во многом иначе. Однако Карл Либкнехт ошибся, когда думал, что партийное руководство поможет ему в этом деле или, по крайней мере, не будет мешать. На партийтаге в Маннгейме (1906 г.) Карл Либкнехт во главе 114 товарищей, вместе с ним подписавших соответствующий проект резолюции, требовал, чтобы партия поставила на очередь организацию планомерной антимилитаристской работы. И что же? Предложение это было отклонено. И это несмотря на то, что в 1905–1906 гг. под влиянием русской революции 1905 г. и в Германии повеяло более свежим ветерком, а в германской социал-демократии обсуждался вопрос о всеобщей стачке, которая находила тогда у немцев немало сторонников. Конечно, отвергая антимилитаристскую работу, представители тогдашнего большинства германской социал-демократии спешили заверить, что они отнюдь не отвергают ее «в принципе», а лишь — как особую самостоятельную задачу. Конечно, они указывали на то, что вся работа с.-д. в делом «всегда проникнута» антимилитаристским духом, что общая пропаганда с.-д. идей «включает в себя» пропаганду против милитаризма. Конечно, они намекали, что «это делают, но об этом не говорят», ибо специальное подчеркивание антимилитаристской работы приведет-де к усиленным правительственным репрессиям. Этот последний довод особенно подчеркивал Август Бебель. Он пытался «урезонивать» Карла Либкнехта в частных разговорах. Ведь Бебель знал его еще ребенком. Бебель говорил Карлу, что нельзя играть с огнем, и всячески отговаривал его от «необдуманной затеи». Карл тоже привык относиться к Бебелю с любовью и уважением, но тут он уступить не мог и не уступил.

Однако и после Маннгейма Карл Либкнехт все еще продолжал оценивать положение вещей в верхах партии чересчур оптимистически. «Всеобщее признание основной мысли предложения 114-ти, отклоненного в Маннгейме, является только вопросом времени, и притом, невидимому,

весьма недалекого времени», — писал К. Либкнехт в 1907 г. И прибавлял «для крепости» курсивом — «ведь это вменено в обязанность германской социал-демократии и известным, единогласно принятым постановлением интернационального социалистического конгресса 1900 года...»

*

За антимилитаристскую работу Карл Либкнехт практически взялся па собственный страх и риск уже с самого начала 900-х гг. В 1905 г. (конец марта) Карл Либкнехт печатает брошюру «Классовая борьба против войны». Вспоминая о ней впоследствии, он писал: «В этом диалектическом процессе, в Национальной классовой борьбе против войны осуществляется международная классовая борьба против войны». Таков смысл слов Жореса, которые я поставил эпиграфом к моей брошюре («Мой судебный процесс», русск. изд., стр. 13).

В связи с событиями 1905 г. в России Карл Либкнехт усиливает и свою специально-антимилитаристскую работу. В 1906 г. Карлу Либкнехту удалось раскрыть так наз. инцидент Шеи — Брскхузен. Он заключался в том, что комиссар берлинской уголовной полиции Шен склонял русского купца Брокхузена — под угрозой высылки из пределов Германии — выдать ему планы русских крепостей. Это тоже дало повод Карлу усилить антимилитаристскую агитацию внутри германского рабочего движения. Всю вторую половину 1906 г. Либкнехт работает над большой книгой, посвященной вопросам борьбы против милитаризма. Выпуск этой книги является крупнейшей вехой во всей его работе в рядах «единой» германской социал-демократии.

Эту книгу Либкнехт выпускает в феврале 1907 г., незадолго до Штутгартского международного социалистического конгресса. Она носит название «Милитаризм и антимилитаризм».

Книга эта необычайно наглядно отражает положение Карла Либкнехта в германской социал-демократии тогдашнего периода. И столь же наглядно отражает она незрелость марксистской мысли у самого Либкнехта. Впоследствии Карл Либкнехт поднялся гораздо выше того уровня, на котором стоит названное литературное произведение. Как трибун и боец Карл вообще был выше, нежели как писатель. Его дело несравненно выше его книг. Данная его книжка ярко отражает и сильные стороны тогдашней работы Карла Либкнехта в германской социал-демократии и слабые моменты в его собственной теоретико-политической ориентации.

В этой книге Карл Либкнехт ставит вопрос о милитаризме и антимилитаризме не «вообще», а — «в связи с рассмотрением интернационального движения рабочей молодежи». В этом — *сильная* сторона и его книжки и всей тогдашней его работы в рядах социал-демократии. Он понял, что ближайшему поколению рабочей молодежи предстоит на своей спине испытать, что такое милитаризм; он понял, что этому поколению рабочей молодежи предстоит пройти через ад кровопролитнейшей войны — и в этом была громадная заслуга Карла Либкнехта.

Движение рабочей молодежи, как самостоятельное движение, возникло в Германии значительно позднее, нежели в других европейских странах. Первая организация пролетарской молодежи в Германии возникла в 1903 г. в Оффенбахе на Майне (в Швейцарии же, например, уже в 1894—95 гг.). После нее возникли группы рабочей молодежи в Маннгейме, Людвигсгафене и других городах. Вскоре образовался «Всегерманский союз рабочей молодежи». Центр этой организации находился сначала в Маннгейме. Центральный орган молодежи «Юная гвардия» выходил там же. Ее первым редактором был Людвиг Франк, получивший впоследствии крупную, но печальную известность. В свои молодые годы он был «радикалом», т. е. примыкал к левым и боролся против ревизионистов. Редактором «Молодой гвардии» он был именно в эти свои годы. Затем он быстро «поумнел». Он стал лидером баденских и баварских ревизионистов, которые первыми осмелились голосовать в соответственных ландтагах за буржуазный бюджет в целом. За это их громил Бебель, называя их национал-либералами. Людвиг Франк на съезде партии, отвечая Бебелю, угрожал расколом партии. Бебель провел против баденцев строгую резолюцию. Но лично Франка он выделил, как человека, обладающего рядом выдающихся черт: личным мужеством, бескорыстием. Бебель говорил о нем, как о человеке, которого любил, который был его Вениамином и т. п. В 1914 г., в начале мировой войны, Людвиг Франк отправился добровольцем на фронт и был скоро убит. Из него социал-шовинисты пытались сделать тогда «своего Либкнехта». Они не переставали рисовать его молодежи, как героя, смело погибшего за свой убеждения, забывая только прибавить, что погиб-то этот «герой» за чужое дело и что убеждения-то его были социал-империалистские.

Две фигуры, два образа — Людвиг Франка и Карла Либкнехта — невольно противопоставлялись друг другу в истории германской социал-демократии начала 900-х гг. Оба были еще молоды. Оба воспитаны были в недрах одной и той же партии, а на деле представляли два различных

класса, два мира. Наш герой — Карл Либкнехт; «их» герой — Людвиг Франк. Один и в рамках партии, насквозь разьедаемой буржуазным ревизионизмом, представлял рабочий класс, представлял коммунистическое будущее; другой в рамках рабочей по своему составу партии на деле представлял буржуазию и круг идей социал-империализма. Один прокладывал дорогу международному социализму, другой расчищал путь для «отечественного» империализма.

И вот в движении германской пролетарской молодежи пути Людвиг Франка и Карла Либкнехта тоже на один миг перекрестились. Пока Людвиг Франк сочувствовал марксистскому крылу партии, он много работал для союза молодежи. А когда он «сменил вехи», он вместе с ревизионистами стал бороться против движения молодежи. Задачу борьбы за это движение фактически взял теперь на себя Карл Либкнехт.

Борьба правого крыла германской с.-д. партии против движения молодежи, начавшаяся уже при первых значительных шагах этого движения, мало освещена в печати. А между тем, теперь, при ретроспективном взгляде на пройденный германской социал-демократией путь, ясно, что и в этом случае позиция правых (и бесхарактерность, проявленная будущим «центром») была чрезвычайно знаменательна. Она вытекала из того же источника, что и борьба махровых оппортунистов против первомайского праздника. То обстоятельство, что уже в начале 900-х гг. махровые профсоюзные бюрократы могли в отдельных местах Германии совершенно бесстыдно душить движение рабочей молодежи при самом его возникновении, — показывает, насколько силен был оппортунизм в германской с.-д. уже тогда.

В 1906 г. в Эрфурте основан был образовательный союз молодежи под именем «Пропаганда». Он вдохновлялся идеями и высказываниями Либкнехта-отца. Портрет Вильгельма Либкнехта красовался на членских книжках этой организации. Этой и аналогичным организациям молодежи Карл Либкнехт стал помогать всеми силами. В Берлине первый союз молодежи возник в 1904 г. По его примеру стали возникать такие же союзы во всей Пруссии. В 1906 г. весной созван был съезд союзов молодежи и основан «Союз рабочей молодежи в Германии». ЦК союза заседал в Берлине. Прусское законодательство запрещало всякую политическую деятельность таким организациям. Союзы поневоле занимались преимущественно образовательной работой. Связь их с с.-д. партией не была особенно оформленной. Отдельные с.-д. деятели из числа «взрослых» могли, если хотели, оказывать содействие движению молодежи. Среди таких с.-д. деятелей одно из первых мест и принадлежало Карлу Либкнехту.

В южной Германии законодательство допускало еще некоторую свободу политической деятельности для таких организаций и этим воспользовались южногерманские союзы молодежи. В 1907 г. в германском рейхстаге начался пересмотр законодательства о союзах; южная Германия была «уравнена» в бесправии со всей остальной Германией. Новый закон вступил в силу 15 мая 1908 г. Правительство и буржуазия отдавали себе ясный отчет в том, как опасно может стать для них революционное движение молодежи. Полиция строжайше применяла новый закон. Молодежь безжалостно удалялась с любого собрания, носившего сколько-нибудь политический характер. Доходило до карикатуры. С собраний строжайше удалялись трехлетние дети, пришедшие на собрание с отцом или с матерью.

Встал вопрос, какую же позицию займет официальная с.-д. партия. Вскоре она вынуждена была высказаться и высказалась открыто: а именно — за самороспуск организаций молодежи. В ежедневных с.-д. газетах и даже в научно-теоретическом журнале партии «Neue Zeit» появились статьи, доказывающие необходимость роспуска. Мотивировка исходила из «практических» соображений. Не ст. опт-де навлекать репрессий на неокрепшие организации молодежи. Партия сумеет в своей «общей работе» обеспечить правильное воспитание рабочей молодежи, а экономические интересы последней защитят профсоюзы. На худой конец можно создать чисто образовательные неполитические организации молодежи, а об остальном позаботится уже общепартийная организация. Ряд «практиков» и вместе с ними даже такой вождь, как Август Бебель, полагали, что интересы молодежи будут достаточно обеспечены и на таких путях. Аргументация была сугубо «практической» и повторяла в главном те же «доводы», какие приводились против специальной антимилитаристской работы. Зачем-де специальная организация молодежи и специальная отрасль антимилитаристской работы? Разве не ясно, что всякий уважающий себя с.-д. и без того сумеет воспитать своих детей в революционном духе— через семью, через общую с.-д. прессу? А специальные организации опасны-де в двух отношениях: они, во-первых, навлекают большие преследования на неокрепшую молодежь, а во-вторых, они могут оторваться от общепартийного руководства и попасть на ложный путь.

За эту постановку вопроса немедленно ухватились оппортунисты, особенно из числа профсоюзных бюрократов; их них же первый был небезызвестный Роберт Шмидт, вождь профсоюза металлистов. Состоявшийся в 1907 г. в Гамбурге общегерманский съезд профсоюзов

высказался за роспуск союзов молодежи. При этом названный Роберт Шмидт произнес речь, отрывок из которой стоит здесь воспроизвести: «Наши организации молодежи создались по образу и подобию заграничных союзов молодежи и позаимствовали у последних как раз самое плохое. Они поддались романтике и, очертя голову, бросились в объятия антимилитаризма. Но не забудьте, что германский милитаризм гораздо строже, чем милитаризм любой другой страны, и он будет карать куда жестче, чем это делается за границей. Наша молодежь стала тут на самую опасную почву. Здесь ее не ждут успехи. Мы не должны молча смотреть, как молодежь расшибает свои лбы о стальные стены милитаризма. Когда изменятся экономические формы, милитаризм в его теперешней форме умрет сам собой. Не дело рабочей молодежи самой заниматься и вопросами безработицы, защиты труда молодежи, вопросами стачечной борьбы. Мы не допустим — тут вмешательства организаций молодежи, ибо это — задача профсоюзов... Насколько я слышал в ЦК партии, политическая организация не позволит организациям молодежи вмешиваться также в политические дела. На международной конференции молодежи в Штутгарте вы могли видеть, как молодежь «голосует» по всем важнейшим вопросам политики. Внешне это было очень эффектно, а по существу — гнетущее впечатление. «Сознательность в мировом масштабе», «носители великой идеи», — все это звучит гордо. Но мы должны сказать твердо: разрешать вопросы международных отношений дело не организаций молодежи, а дело политической партии». (Воспроизводим эту замечательную речь по книге воспоминаний В. Мюнценберга «Die dritte Front» 31, 32; автор, в свою очередь, воспроизводит текст этой, речи по тогдашнему «Форвертсу».)

Что может быть характернее для оппортунистов, чем этакая речь, произнесенная, не забудем этого, еще в 1907 г., когда вождями партии были не Вельсы и Нооке, а Бебель и Зингер, когда в рядах германской социал-демократии еще состояли и всегда могли выступить против таких речей Роза Люксембург и Карл Либкнехт.

И Карл Либкнехт вместе с некоторыми другими тогдашними работниками действительно выступил против уничтожения самостоятельности движения германской рабочей молодежи. Решение Гамбургского съезда профсоюзов вызвало взрыв возмущения со стороны организаций молодежи. Вдохновителем движения протеста был Карл Либкнехт. Орган молодежи «Рабочая молодежь» выступил с целой серией статей против душителей движения молодежи. В числе авторов этих статей был Карл Либкнехт; были также некоторые из будущих его друзей по

группе «Спартак», как например Герман Дункер.

В том же году вопрос о союзах молодежи был поставлен в порядок дня с.-д. партийного съезда. Профсоюзные бюрократы пос должны были вести демагогическую кампанию за роспуск союзов рабочей молодежи. Роберт Шмидт произносил на собраниях речи, в которых говорил: «Вместо того, чтобы делать взносы по 10 пфеннигов в союз молодежи, пусть молодые ребята лучше покупают себе за эти деньги кусочек колбасы». И такие речи имели успех. Им аплодировали. Стенографические отчеты отмечают в этих местах «аплодисменты», «одобрение», «очень хорошо». Профсоюзное руководство, как во многих важных вопросах, оказало сильное давление на ЦК партии. Либкнехт и другие оказывали давление в прямо противоположном направлении. В результате партийтаг принял такое «Соломоново» решение:

«Партейтаг обязует все местные организации позаботиться о том, чтобы рабочая молодежь систематически воспитывалась в духе пролетарского мирозерцания.

«Для достижения этой цели необходимо организовывать доклады, доступные пониманию молодежи. В то же время организовывать всевозможные развлечения, поставить на должную высоту дело спорта и т. п.

«С этой целью на местах организуются специальные комиссии. Комиссии должны состояться из представителей местных организаций и профсоюзных объединений, с привлечением доверенных лиц от молодых рабочих и работниц. В каждой комиссии должна участвовать по крайней мере одна работница.

«Партейтаг поручает Форштанду партии (ЦК) приступить к изданию специального органа, посвященного просветительной работе среди молодых рабочих и работниц».

В виде уступки молодежи и той группе работников, которую возглавлял Карл Либкнехт, партийтаг принял следующее добавление:

«Принятую партийтагом резолюцию следует понимать, так, что партия не видит никаких препятствий к дальнейшему существованию местных организаций молодежи неполитического характера, которые могут сами вести свои дела по принципу самоуправления, однако, при участии в разрешении всех вопросов — местной партийной организации взрослых».

Решение съезда было таково, что борьба внутри партии вокруг движения молодежи неизбежно должна была продолжаться. Вместо ЦК союза молодежи после съезда создана была «Центральная комиссия для работы среди молодежи» при Форштанде партии. Часть местных

организаций молодежи сдалась. На другие местные организации оппортунисты давили самыми безразборчивыми средствами, частенько вступая в прямую кооперацию с представителями полицейской власти, разгонявшей союзы молодежи за нарушение закона о коалициях. Карл Либкнехт стоял во главе всей борьбы лучшей части германских союзов молодежи за сохранение *политических* союзов пролетарской молодежи и за отвоевание известной самостоятельности этих союзов внутри рабочего движения. Через эту борьбу и в тесной связи с ней Карл Либкнехт постепенно втягивается во всю практическую работу *международных* организаций молодежи, входит в круг интересующих их в первую очередь принципиальных вопросов. К числу последних неизбежно принадлежит вопрос *об отношении к войне*. Именно через эти «ворота» Карл Либкнехт ближе всего практически подходит к тем проблемам, которые встанут на очередь в 1914 г. Мюнценберг передает речь Карла Либкнехта на собрании швейцарской молодежи, произнесенную в Цюрихе на велодроме 17 июля 1911 г. Карл Либкнехт говорил:

— Социализм обязан бороться против милитаризма, как против явления, задерживающего культурное развитие человечества. Какими же средствами должны мы бороться? Прежде всего нужно, чтобы сами штыки были просвещены, т. е. чтобы солдаты поняли действительную сущность милитаризма и результаты, к которым он ведет. Организации молодежи имеют громадное значение в этой работе. Пролетарской молодежи первой придется отдать свою жизнь за дело эгоистических интересов капитала. К ней мы и должны обратиться. Нет никакого сомнения: когда мы просветим молодежь, милитаризм неизбежно должен будет погибнуть, ибо тем самым мы подкопаем под его фундамент. Индивидуальный отказ от военной службы или дезертирство нецелесообразны, ибо представляют собою лишь разрозненные действия. Надо, чтобы сама армия стала красной. И партия и профсоюзы должны оказать всемерное содействие движению молодежи. Давайте распространять классовое самосознание. Давайте помогать международному социализму» («Die dritte Front, стр. 88).

Это далеко еще не большевистская, далеко не коммунистическая речь. И то же самое приходится сказать о главной книге Карла Либкнехта за период его пребывания в рядах «единой» германской социал-демократии — об его сочинении «Милитаризм и антимилитаризм», к которому мы теперь должны вернуться.

Сильной стороной этой книги, как мы уже говорили, является то, что автор связывает самым крепким узлом вопрос об антимилитаристской агитации с вопросом о создании сильных и прочных организации

пролетарской молодежи во всем мире. Отсюда и другая сильная сторона книги: Либкнехт тщательно и с величайшей любовью собирает все фактические сведения о формах организации антимилитаристской работы во всем мире, о конкретном построении организаций молодежи во всех странах, где такие организации существуют.

Но в теоретической и тактической части этого главного литературного произведения Карла Либкнехта за указанный период приходится констатировать много незрелости и неясности. Он отгораживается от оппортунизма, «разоруженческой» проповеди, которая ведется скандинавскими социалистами-антимилитаристами. Он полемизирует против эрвеизма и против анархизма. Но сравните только классическую оценку, скажем, эрвеизма, данную В. И. Лениным тоже в 1907 г., с оценкой, данной в книге К. Либкнехта в том же году. Сравните классическую критику лозунга разоружения у Ленина в его полемике против «скандинавов» с критикой по адресу тех же «скандинавов» в книге Карла Либкнехта! Сравните классическую постановку вопроса о «пораженчестве» у Ленина уже в 1904—05 гг., в связи с русско-японской войной, с совершенно еще робкими тенденциями в сторону пораженчества у Карла Либкнехта в его произведении от 1907 г.! Сравните изумительную, почти пророческую постановку вопроса о двух основных направлениях в международном рабочем движении в статье Ленина «Марксизм и ревизионизм» от 1908 г. с робкой и недодуманной до конца постановкой той же проблемы в разбираемом сочинении Карла Либкнехта от 1907 г.!

Главный недостаток разбираемой работы Карла Либкнехта: нет общего понимания империалистской эпохи, нет общей оценки империализма со всеми его основными тенденциями, нет ясной и закопченной оценки оппортунизма в тогдашнем международном рабочем движении. Отсюда то, что Карл Либкнехт смотрел слишком оптимистически на тогдашнее состояние германского рабочего движения и не допускал тогда и мысли о расколе германской с.-д. партии. Этим объясняется, что Либкнехт мог писать в этой книге: «Несомненно, что значительная часть германской армии уже стала красной. Достаточно только бросить беглый взгляд на партийную группировку германского народа» (ibid, 210). Этим объясняется то, что К. Либкнехт не ставил вопроса о германских оппортунистах так, как ставил Ленин, скажем, вопрос о русских меньшевиках.

Карл Либкнехт эмпирически видел, что по части интернационализма дела в германской с.-д. партии обстоят плохо. Поведение фракции рейхстага во время восстания гереро было в его глазах очень плохим симптомом, но — не более того. Это поведение К. Либкнехт в разбираемой

книжке сравнивает с колебаниями в партии в начале франко-прусской войны. А между тем, на деле это было нечто гораздо худшее. Карл Либкнехт справедливо высмеивает в своей книге критерий «оборонительной» и «наступательной» войны в той постановке, какую давали в 1907 г. будущие вожди социал-шовинизма. Но своей законченной постановки вопроса он тоже не дает и не может дать, поскольку не дает анализа империалистской войны вообще. Карл Либкнехт ведет превосходную борьбу за создание союзов пролетарской молодежи для антимилитаристской работы и сражается с теми с.-д. вождями, которые выступают против этого. Но ясного понимания того, почему иные из этих вождей выступают против этого, у К. Либкнехта еще нет. Ему кажется, что вождей этих нетрудно еще будет переубедить. Он идет навстречу их мышлению, когда; например, пишет: «Учреждение для этой цели (антимилитаристской агитации) Центрального комитета является поэтому требованием необходимости уже хотя бы для того, чтобы обеспечить осмотрительное использование всех законных возможностей агитационной деятельности» *ibid* (,218).

И тем не менее, книга К. Либкнехта «Милитаризм и антимилитаризм» в те годы сыграла очень большую и вполне прогрессивную роль и стала настольной книгой для целого поколения молодых революционных рабочих Германии, и не одной Германии. Этим, пусть несовершенно, путем немалое количество рабочих впоследствии пришло к борьбе против социал-шовинистов. Антимилитаристская пропаганда должна широкой сетью покрыть всю страну. Пролетарская молодежь должна систематически проникаться классовым сознанием и ненавистью к милитаризму. Нужно вдохнуть юношеский энтузиазм в сердца молодых пролетариев, дабы они повели такую агитацию. Пролетарская молодежь принадлежит нам, принадлежит антимилитаризму. Если все выполнят свой долг, она должна, она будет принадлежать нам. *У кого в руках молодежь, у того в руках армия», (ibid, 218).* Этими словами заканчивал свою книгу Карл Либкнехт. В тогдашней обстановке эти слова были целым откровением, целой программой. Они звучали, как набатный призыв в застоявшейся атмосфере европейской буржуазной реакции. И эти слова не остались только словами. Карл Либкнехт и его друзья *работали* для подлинного воплощения их в жизнь.

Выше мы приглашали читателя посравнить некоторые законченные классические формулировки Ленина, освещающие те же проблемы, которыми интересовался Карл Либкнехт приблизительно в тот же период времени. Иной молодой читатель, пожалуй, спросит: да разве же Карл Либкнехт не знал того, что говорил и писал по этим вопросам Ленин? Да разве же это может быть? В том-то и дело, что не только *может* быть, но и *было!* В том-то и беда, в том-то и несчастье многих тогдашних революционеров за пределами России, что учение Ленина, а подчас и сам Ленин им в ту пору не были еще известны. А случиться с ними это могло потому, что эти революционеры находились тогда в слишком большой зависимости от идеи «единства во что бы то ни стало», слишком боялись самой мысли о расколе с оппортунистами, слишком замыкались в обстановке своего собственного национального рабочего движения и слишком мало интересовались перипетиями даже такой мировой важности события, как русская революция 1905 года.

Карл Либкнехт безусловно имел обширный круг международных связей и международных интересов. В целях изучения рабочего движения он побывал в Америке, не раз ездил во Францию, Бельгию, Англию, Скандинавские страны, Швейцарию. Он чрезвычайно интересовался также Россией, конечно. События 1905 г. были для него громадным торжеством. Но позиции большевиков в этой революции, их прогноза на дальнейшее он не знал и, во всяком случае, в ту пору не принимал. Мало того, слова из песни не выкинешь: в эпоху первой русской революции Карл Либкнехт сочувствовал меньшевикам.

Как это могло случиться?

Хорошо знавший его в ту пору Карл Радек объясняет это так.

«Он (Карл Либкнехт) долгое время сочувствовал меньшевикам, поскольку дело касалось русских отношений. Чувство потребности двигать массы вперед, необходимость цепляться за всякую неровность почвы, дабы продвигаться дальше, толкала Либкнехта к попыткам использования всех сил, которые по его мнению могли пригодиться; его жажда действия приводила его часто к тому, что он видел элементы действия там, где их не было».

В этом объяснении, вероятно, есть некоторая доля правды. Но от этого, конечно, ошибка не делалась меньшей. Беда Карла Либкнехта была в том, что и он в эту пору смотрел на русскую революцию через очки люксембургизма.

В тот исторический период русский меньшевизм мог (еще парадировать в тоге «классовой непримиримости», с одной стороны,

собирателя «всех живых сил» страны против царизма, с другой. Для большинства европейских социалистов русское рабочее движение олицетворялось до 1905 г. больше всего Плехановым и Аксельродом. Вся русская информация вождей II Интернационала, его прессы, его организаций шла от вождей меньшевизма. Все старые авторитеты были на их стороне. Ведь и такой ясный ум, как Роза Люксембург, еще в 1903—04 гг. была на стороне (Меньшевиков. Русский большевизм еще только что вышел на международную арену, хотя вождь большевизма В. И. Ленин имел уже за собой работы, бессмертные по своему всемирно-историческому значению.

В вышеразобранной книге Карл Либкнехт останавливается и на России. Он характеризует ее как «азиатско-деспотическое государство». «Внутренним врагом царизма, — говорит Либкнехт, — является не только пролетариат, но кроме того огромная масса крестьянства и буржуазии и даже значительная часть дворянства. 99 % русских солдат до своему классовому положению являются заклятыми врагами царского деспотизма» (ibid, 45). И это пишется в 1907 году! После того как либеральная буржуазия вся повернула против революции, после возникновения контрреволюционного русского национал-либерализма! И это пишется после ленинских «Двух тактик» и «Победы кадетов»! В этой «сплошной» характеристике классовых сил в России слышатся отзвуки именно меньшевистских оценок. Гениальные же работы Ленина, увы, не были еще знакомы тогда даже такому революционеру, как Карл Либкнехт...

Перебирая страну за страной, дабы установить, насколько ведется там антимилитаристская работа, К. Либкнехт доходит и до России. И «что же мы у него читаем? «Здесь следует еще раз указать на то, что отношение офицеров к русской революции является совершенно иным, чем к рабочему движению, и что поэтому положительная точка зрения на возможность агитации среди офицерства, высказанная Плехановым в № 7 «Дневника социал-демократа», сама по себе является последовательной» (ibid, 170). И — только!

И тем не менее, Карл Либкнехт бесспорно принадлежал к числу тех европейских с.-д., на которых первая русская революция произвела огромное действие и которые сделали серьезные усилия, чтобы в связи с влиянием событий 1905 г. на массы во всей Европе революционизировать рабочее движение и рабочую партию в собственной стране. Вместе с Розой Люксембург, Антоном Панекуком, Кларой Цеткин и другими Карл Либкнехт принимает энергичное участие в агитации за массовую забастовку. Вместе с ними /пытается он поставить на революционные

рельсы борьбу против трехклассного избирательного права в Пруссии. Он примыкает к тем товарищам, которые в 1910 г. требуют усиления борьбы против юнкерства, вплоть до применения всеобщей забастовки. В этом вопросе он идет рука об руку с «лево-радикалами» против Карла Каутского, хотя во многих других вопросах о лево-радикальной группой не согласен. Последних он частенько упрекает в доктринерстве, получая взамен обвинение в «широком социализме»...

При всей незаконченности позиции Карла Либкнехта его роль в рядах германской социал-демократии, в годы до мировой войны, — почетная роль солдата революции. За свою брошюру «Милитаризм и антимилитаризм» он получил полтора года крепости и считал, что дешево отделался. Суд над Карлом Либкнехтом за эту брошюру состоялся 12 ноября 1907 г. Незадолго до этого он на Эссенском партийтаге скрестил шпагу с Густавом Носке, будущим организатором убийства Карла. Это было в сентябре 1907 г., непосредственно после знаменитого в истории II Интернационала международного социалистического конгресса в Штутгарте, где германские правые с.-д. впервые с полным бесстыдством сбросили маску при обсуждении вопроса о войне.

На партийтаге в Эссене Носке продолжал штутгартскую линию правых. Со страстной отповедью ему выступает Карл Либкнехт. «Носке заявляет и (подчеркивает, что социал-демократия отнюдь не требует уничтожения армий. Он не перестает твердить, что Германия обязательно должна сохранить свою боеспособность. Это занятие он мог бы предоставить господам милитаристам из «Воинского союза». Носке, поднялся на такую «высоту», что требовал сокращения личного состава военных оркестров в армии. Но и тут он (спешит оговориться, что поддерживает это грозное требование лишь постольку, поскольку оно не уменьшает боеспособности «нашей» армии. Одна страна в отдельности, божится он, не может помышлять о разоружении. В вопросе о наступательных войнах, клянется Носке, мы все — т. е. и военный министр Гогенцоллернов и немецкая социал-демократия — совершенно солидарны. Тут нет никакой разницы — между военным министром буржуазии и Носке. Но ведь это означает гнусно злоупотреблять термином: наступательная война. А возьмите конец речи Носке: «Мы желаем, — говорит он, — чтобы Германия была как можно более боеспособной». Так заканчивает речь *социал-демократ!* Ни одним словом он не подчеркивает классового характера партии. Ни одного звука о международной солидарности рабочих. Как будто в самом деле наши задачи кончаются у черно-бело-красных пограничных столбов гогенцоллерновской державы.

Вся его речь — одно сплошное выражение ура-патриотизма... Неужели мы допустим, чтобы у нас забывали, что нам надо вырвать армию из рук классового врага и сделать так, чтоб он не мог, использовать ее как свой классовый инструмент ни во внутренней, ни во внешней политике».

Так говорил Карл Либкнехт. И ему внимала тогда лучшая часть германских рабочих...

После Эссекского партийтага Карл Либкнехт садится в тюрьму. Свои полтора года ему (приходится отбыть в крепости Глатц, в Силезии. Во время судебного разбирательства рабочие демонстрируют в честь Либкнехта у здания суда. Такая же демонстрация происходит и в день отправки его в тюрьму. В начале 1909 г. (рабочие выбирают Карла Либкнехта депутатом тарусского ландтага, и тогда, весной 1909 г., его освобождают из крепости. Массы встречают его восторженной приветственной демонстрацией. Карл Либкнехт вновь с головой уходит в работу. Скоро он совершает поездку в Америку. Эта поездка, говорил он впоследствии, вытравила в нем последние остатки иллюзий в отношении буржуазной демократии. В этой стране доллара он увидел воочию, что означает слово «свобода» даже в самой передовой буржуазной республике.

В германский рейхстаг Карл Либкнехт избирается впервые в 1912 г. Там он тоже разворачивает в первую очередь кампанию против милитаризма. Уже летом 1912 г. Либкнехт в речи на берлинской с. — д конференции сказал, что в ближайшем будущем совершенно неизбежна чудовищная война, которая коснется по крайней мере половины культурного мира, если только международный пролетариат до этого не покончит с капитализмом. И опять этой речи с затаенным дыханием внимала лучшая часть германского пролетариата.

В рейхстаге Карл Либкнехт в 1913 г. выступает с нашумевшими разоблачениями Круппа, желая этим попасть не только в крупнейшего военного фабриканта, но и ударить по всей системе. Крупп вел мошенническую игру с продажей оружия, спекулировал и (наживался на военных поставках самым скандальным образом. Он снабжал своими «изделиями» не только «дорогое отечество», но и «исконных врагов» Германии, памятуя, что деньги не пахнут. Крупп имел связи в самых «высоких» кругах и пользовался «всеобщим» уважением «патриотов». Затронуть и разоблачить. Круппа означало попасть в самое сердце германского империализма. Карл Либкнехт собрал ценнейший материал и — выстрелил по Круппу. По всему свету прогремели разоблачения, которая сделал Карл Либкнехт относительно фирмы Круппа. Либкнехт с документами в руках доказал, что германский правительственный аппарат

находится в руках у Круппа, что все тайны военного и морского ведомства лучше известны Круппу, чем самим министрам, что агенты пушечного короля не только принимают все меры, чтобы разжечь шовинистические чувства, но также и то, что германские металлургические короли охотно снабжают самым усовершенствованным вооружением как раз те страны, против которых Германия готовится идти в бой.

Напасть в то время на Круппа — это значило обрушиться на самую могучую силу германского милитаризма. Ведь Крупп — это не только гигантский завод в Эссене с 80 000 рабочих. Фирма Круппа — это сращение юнкерства с финансовым капиталом, династии королевской с династией буржуазной. Крупп — это олицетворение германского милитаризма, прусской реакции, гогенцоллерновского самодержавия. Разоблачения Либкнехта вывели на свежую воду грязные махинации германских властителей.

— Господа, — закончил Либкнехт свою речь в рейхстаге, — вы не заставите немецкий народ забыть грехи вашей внутренней политики тем, что вы толкаете народ во внешнеполитические конфликты и пытаетесь вызвать шовинистический угар. Мы позаботимся о том, чтобы память народа не притуплялась и чтобы ваши (преступления в области внутренней политики не были забыты. Мы будем звать народ' под наши знамена. Он соберется (под наше знамя для борьбы против двойного ига, господствующего в Пруссии и во всей Германии.

В мае 1914 г. Карл Либкнехт разоблачает в рейхстаге тот факт, что германские и австрийские ружейные фабриканты в 1913 г. продали Сербии 400 тыс. винтовок. За эти меткие разоблачения его особенно ненавидели враги. Уже перед самым началом мировой войны Карл Либкнехт, вопреки тогдашним парламентским традициям, был выдан злобствовавшим на него прусским ландтагом адвокатскому «суду чести» по обвинению в оскорблении... русского царя. И суд «чести» уже во время войны — в ноябре 1914 г. — вынес Либкнехту обвинительный приговор.

Так работал Карл Либкнехт в рядах германской социал-демократии до 4 августа 1914 г. Он не был в это время создателем особого направления в ней. Но он был честным бойцом. Каждое его выступление как бы озонировало всю атмосферу вокруг него. Каждое его выступление будило ум и совесть рабочих. Он был революционером с головы до ног-. Но ни одной революции он сам еще непосредственно не пережил. Он видел за эту эпоху только одну революцию — русскую. Да и ту — через очки тогдашних меньшевистских авторитетов, и через призму люксембургизма. Он всем нутром чувствовал, что надвигается неслыханная чудовищная мировая война, и

как бы предчувствовал ту историческую роль, которую ему лично предстояло сыграть в ней. Из какого материала сделан Карл Либкнехт это должны были теперь доказать ближайшие годы...

IV. «ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ» ГОД И КАРЛ ЛИБКНЕХТ

...Протестуя против войны, против ее виновников и руководителей, против капиталистической политики, вызвавшей ее, против капиталистических целей, ради которых она ведется, против планов аннексий и захватов, против нарушения бельгийского и люксембургского нейтралитета, против военной диктатуры, против политического и социального вероломства, в котором виноваты правительство и господствующие классы, я отклоняю испрашиваемые военные кредиты.

Из заявления Карла Либкнехта в германском рейхстаге 2 декабря 1914 г.

ВО ВЕСЬ свой рост поднялся Карл Либкнехт в годы 1914–1919. Вся его предшествующая жизнь и борьба была как бы только подготовкой к этому пятилетию, положившему такую большую грань в истории всего человечества. Именно в эти годы, вписанные в историю огненными буквами, завершилось формирование этого бойца и вылились такие его силы, которых дотопе он и сам в себе, быть может, не подозревал...

Критические дни перед началом войны Карл Либкнехт проводит во Франции, которая играла крупнейшую роль в определении ближайшего хода событий. Известно, что в течение, всей недели с 23 июля 1914 г., т. е. со дня отправления австрийского ультиматума Сербии, и до 1 августа руководство германской социал-демократии резко выступало против войны, клеймило ее как империалистскую бойню и в самых мрачных чертах рисовало возможные последствия надвигающейся войны. Еще 25 июля 1914 г. «Форвертс» писал:

«Они хотят войны, эти темные силы, влияющие и решающие в венских сферах. Они хотят войны, — это ясно слышится за последние недели в общем диком реве черно-желтой прессы подстрекателей. Они хотят войны, — австрийский ультиматум Сербии обнаружил это перед всем миром.

«Должна пролиться кровь тысяч рабочих и крестьян, — оттого, что пролилась кровь Франца-Фердинанда и его супруги от выстрела помешанного фанатика; безумное преступление должно быть покрыто другим, еще более безумным... Австрийский ультиматум Сербии может оказаться фитилем, который подожжет Европу со всех четырех углов».

В этом же смысле выступал ЦК партии в особом экстренно выпущенном воззвании.

Даже еще 30 июля 1914 г. «Форвертс» от имени всей германской социал-демократии объявлял:

«Социалистический пролетариат снимает с себя всякую ответственность за те события, к которым в безумном ослеплении ведет господствующий класс. Пролетариат знает, что из обломков и пожарища расцветет новая жизнь только для него. Вся-ответственность падает на власть имущих сегодняшнего дня.

«Для них вопрос стоит ясно: «быть или не (быть)». Мировая история окажется страшным судом».

За несколько дней до начала войны Либкнехт был на съезде французских социалистов и выступал на митингах французских рабочих.

В Париже Либкнехт имеет свидание с Жоресом — за несколько дней до убийства последнего. Жан Жорес был настроен более пессимистически, чем Карл Либкнехт, который в эти дни еще верил, что II Интернационал не только захочет, но и сможет помешать возникновению бойни. Жорес лично ненавидел войну, но, будучи сам реформистом, он хорошо знает, чем дышат деятели реформизма в «братских» партиях. На энтузиастические речи Либкнехта он скептически качал головой.

Из Парижа Карл Либкнехт вместе с французским социалистическим депутатом Дюком отправляется в северные промышленные департаменты Франции. Там он выступает с пламенными речами перед громадными собраниями французских рабочих. Происходит трогательное братание французских пролетариев с лучшим вождем немецких рабочих. Существуют фотографические снимки, запечатлевшие эти собрания. Пишущий эти строки видел один из таких снимков: Карл Либкнехт в окружении громадной толпы французских рабочих, только что покинувших стены завода. Рабочие с восторгом встречают Либкнехта. Вдали видна группка французских жандармов...

Прошло всего несколько дней. Грянула война. Жорес был убит. А Карл Либкнехт увидел себя обманутым в лучших своих надеждах.

Легко представить себе настроение только что вернувшегося в Берлин после братаний с французскими пролетариями Карла Либкнехта, когда на

заседании парламентской с.-д. фракции он впервые услышал из уст вождей фракции предложение голосовать за военные кредиты. Сначала Либкнехт не верит своим ушам. Затем вскакивает, как тигр, и готов броситься на оратора. Либкнехт произносит страстную речь против позорного предложения. Он садится на свое место и, едва сдерживая негодование, слушает дальнейших ораторов. Одни прямо и открыто, с «гордо» поднятой головой заявляют, что они за политику «защиты отечества». Другие с оговорочкой заявляют, что «в час опасности» нельзя оставить «отечество» беззащитным. Третьи выступают еще «левее»: они проголосуют за военные кредиты, но надо «требовать» от правительства, чтобы война осталась «только оборонительной». Вчерашние «радикалы» выступают с покаянными реформистскими речами. Представлены все оттенки... социал-шовинизма и центризма. Не слышно только ни одного честного пролетарского революционного голоса против империалистской бойни. Сомнений нет. Позорное предложение будет принято. Карл Либкнехт потрясен до глубины души. Три дня продолжается обсуждение во фракции. Все эти дни Либкнехт неистово нападает на социал-шовинистов. Он неустанно агитирует в кулуарах, ловит отдельных «товарищей» депутатов у них на дому, рвет и мечет, спорит с ними до полного изнеможения.

Но вот голосование произошло: 78 против 14! Что же делать? Либкнехт принимается горячо убеждать группу оставшихся в меньшинстве, что им всем вместе надо открыто проголосовать в рейхстаге против войны, открыто сказать свое слово рабочему классу, реей с.-д. партии. Но из 14 голосовавших 13 не согласны в этом с Либкнехтом. Он остается один-одинешенек. Положение слишком необычно, слишком трудно, слишком неожиданно. Что случилось? Неужели полная измена, полный крах старой с.-д. партии! С этой мыслью Либкнехт не может еще примириться. Либкнехт сначала приходит к выводу, — не он один среди честных германских революционеров так думал в тот момент, — что это только эпизод, только временное затмение под влиянием неожиданно разразившихся событий, что рабочие скоро выправят положение и поставят на место «запутавшихся» вождей. Еще в декабре 1914 г. такую же оценку дают в своем «рождественском» послании в английскую газету «Labor Leader» и Роза Люксембург и Франц Меринг. «То, что разыгрывается в германской с.-д. партии сейчас, напоминает первые годы закона против социалистов, когда вожаки, как теперь, потеряли голову, но массы скоро объединились под лозунгом — «с вождями, если они хотят, без вождей, если они упираются, против вождей, если они препятствуют», — так писал с общего согласия вождей левой группы Меринг в «Labor Leader» в конце

1914 г. (Э. Дран и С. Леонард, «Подпольная литература революционной Германии за время мировой войны», стр. 16).

«Пролетариат всех воюющих стран скоро проложит дорогу международному сотрудничеству для достижения мира — мира без завоеваний, без унижений. Так же может вновь возродиться Интернационал во время войны, борясь и искупая свои прежние ошибки» — так писал сам Карл Либкнехт в письме в редакцию «Labor Leader») в декабре 1914 г.

И вот, исходя из таких оценок, Карл Либкнехт, скрепя сердце, решается не выступать еще в рейхстаге открыто против фракции, подчиниться партийной дисциплине и ограничиться пока выступлениями внутри партии..

Конечно, это была большая ошибка.

Как она стала возможной?

В своих воспоминаниях о Розе Люксембург ее друг и соратник, ныне тоже уже покойный, Ю. Мархлевский, рассказал в 1919 г., как сразу после начала войны на квартире у Розы собрался по ее приглашению весь генеральный штаб тогдашних левых. Пришло семь человек, в том числе Меринг и Ленч. Роза предложила тотчас же выступить, с открытым манифестом против политики большинства с.-д. партии. Все согласились. Подписать обещал также и Ленч, но назавтра же пошел на попятный и перекинулся к махровым социал-империалистам. «Непосвященный в немецкие дела читатель, — продолжает Мархлевский, — быть может спросит: «А Либкнехт?» К сожалению, Либкнехт тогда еще колебался и только через несколько месяцев решился вступить в бой против войны» («Ком. Интернационал», 1919, № 3, стр. 362). Думается, что тов. Мархлевский выразился неточно. Не «против войны» колебался выступить Либкнехт. Против войны он начал борьбу с первых же минут ее возникновения. Он колеблется пойти на раскол германской с.-д. партии. В этом суть его ошибки, и эту ошибку с ним разделяли и Роза Люксембург и, боимся, в ту пору и сам Ю. Мархлевский. Верно то, что настоящей борьбы против войны нельзя было вести, если бояться раскола тогдашней германской с.-д. партии. Это безусловно так. Но в том-то и беда, что этого не понимали еще тогда германские левые. Разбирая известную брошюру Розы Люксембург (Юниуса), написанную ею в тюрьме уже в апреле 1915 г., Ленин указывал, между прочим, на то, что в брошюре «чувствуется одиночка, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей до конца додумывать революционные лозунги и систематически воспитывать массы в их духе» (Ленин, XIX, 189). В этом же была беда и Карла Либкнехта в начале августа 1914 г. Он тоже был тогда

в этом смысле *одиночкой*. Не в том дело, чтобы у Либкнехта было мало друзей, мало связей, мало общения с рабочими. Все это у него *было*. Но — не было до войны строго оформленной группы, не было ясного направления, не было систематической длительной борьбы против оппортунизма, не было готовности к расколу с оппортунистами, а, пожалуй, даже и мысли о таком расколе.

В самые первые дни войны (непосредственно за днем 4 августа) Карл Либкнехт, по воспоминаниям Радека, еще допускал, что правительство Вильгельма скоро обрушит репрессии на германскую с.-д. партию, что измена коснется только верхов, что основные рабочие кадры партии скоро выправят линию. Это была ошибка. Но лично Либкнехт все же был настроен *решительнее*, чем другие левые. В своей автобиографии (Словарь. Ин-та Гранат, т. 41, ч. II, стр. 158, Приложение) К. Радек печатно заявляет следующее: «Я вернулся обратно (в Германию) — в момент, когда второй раз собирался германский рейхстаг (декабрь 1914 г.). Либкнехт решился на этот раз голосовать открыто против кредитов с соответствующей революционной декларацией. Меринг и Роза Люксембург считали, что он должен это сделать *только в том случае, если совместно с ним будет голосовать еще несколько левых. Они боялись, что если только он один будет голосовать (против), то это произведет на массу удручающее впечатление полного его одиночества*».

Такое же сообщение делает бывший видный спартакист Пауль Фрелих в его книге «10 лет войны и гражданской войны». В самую последнюю минуту Р. Люксембург, Меринг и Мархлевский убеждали Либкнехта отказаться от этого шага из боязни, что его смелый поступок «принесет больше вреда, чем пользы», — сообщает Фрелих (нем. изд. указанной книги, стр. 144).

Либкнехт, тем не менее, проголосовал один против всех и, конечно, он был в этом прав против Розы и Меринга.

Неверно, что Либкнехт не боролся в эту пору против войны. Уже в том же августе 1914 г. он предпринимает поездку по всей стране с целью агитации против войны и первого собирания сил оппозиции. Об этом со скрежетом зубовным рассказывает, между прочим, буржуазный историк этой эпохи Вольфганг Брейтгаупт в книге «Как отравляли народ в 1914–1918 гг.» (нем. изд., стр. 5 и др.). С 4 по 13 сентября 1914 г. Карл Либкнехт находится в Бельгии и Голландии. В этой последней он помогает созданию интернационалистских групп. Под личным руководством Карла Либкнехта уже в первые недели войны образуются первые оппозиционные группы молодежи в округе Нидербарним и в некоторых других округах Германии.

Но ошибку подчинения социал-шовинистам он 4 августа 1914 г. сделал, и благодаря этому, конечно, замедлилось дело сплочения сил пролетариев-интернационалистов. Эту ошибку Либкнехт разделил со всеми (или почти всеми) германскими «левыми». Это была не его личная ошибка, а ошибка целой группы, недостаток не его личный, а целого направления.,

Роза Люксембург о Варшавской тюрьме.

Сам Карл Либкнехт скоро признал свою ошибку публично перед Штутгартской парторганизацией. Вспоминая впоследствии эту свою ошибку, он объяснял дело следующим образом (надо привести здесь это объяснение полностью, ввиду его биографической важности):

«Теперь трудно даже представить себе ту обстановку, которая создалась 4 августа 1914 г. для меньшинства фракции — приходится напрячь всю память, чтобы только представить себе ту тактическую ситуацию, какая создалась тогда для нас. Даже для самых крайних пессимистов отпадение большинства парламентской фракции было неожиданностью. А еще большей неожиданностью была наступившая атомизация радикального крыла, до тех пор имевшего «преобладание. Что голосование за военные кредиты неизбежно приводит с.-д. фракцию в

правительственный лагерь — это в первый момент не было вполне очевидно. Тогда еще можно было допустить, что решение фракции от 3 августа явилось только результатом паники, что паника эта скоро пройдет и еще удастся поправить дело. Во всяком случае, тогда еще трудно было подозревать, что это еще только цветочки, что в дальнейшем 4 августа побледнеет перед новыми предательствами. Благодаря таким надеждам, а также благодаря собственной слабости и неуверенности, и-вышло так, что убедить меньшинство открыто голосовать против кредитов не удалось. При этом не надо забывать, что в те времена дисциплина в парламентской фракции рассматривалась еще как святыня. Эту дисциплину особенно культивировало радикальное ядро, которое до самого августа 1914 г. все время воевало против нарушения дисциплины депутатами ревизионистского толка. Сепаратное голосование испокон веков казалось чем-то совершенно неслыханным. Психология тогдашнего среднего депутата этого совершенно не вмещала. По старой традиции люди могли себе представить только один способ выразить свое инакомыслие: выступление внутри фракции. Считалось само собою разумеющимся, что решение фракции обязательно для всех. На дисциплину смотрели с точки зрения чисто формальной, организационной. Сознание того, что дисциплина имеет свои необходимые границы, еще совершенно отсутствовало.

«Другие думали и так: ведь разногласия внутри фракции все равно станут известны (люди еще не привыкли тогда к цензуре) и тогда все внесут поправку на соотношение сил внутри фракции. А откол лишь немногих при открытом голосовании только-де придаст бы больший вес голосованию остальных. Техника голосования тоже оставляла очень мало места для отдельных голосований, да и опыта на этот счет не было. В результате всего этого и получилось, что депутаты, голосовавшие внутри фракции против кредитов, в рейхстаге подчинились дисциплине.

«Внутрипартийные события, разыгравшиеся после 4 августа, основательно прояснили ситуацию и указали оппозиции единственный оставшийся ей путь.

«При этих обстоятельствах и я при голосовании первых военных кредитов решил ограничиться борьбой внутри фракции. Внутренний крах партии еще не был вполне ясен. Можно было еще думать, что перед нами только отдельный, частный случай заблуждения. Дисциплину внутри фракции я тоже тогда еще ставил очень высоко. И вот я решил пека не переносить борьбу на арену пленума рейхстага. В декабре 1914 г. я послал уже к чорту «дисциплину», которая теперь только помогала разрушать

программу партии, и открыто голосовал в рейхстаге против военных кредитов».

Карл Либкнехт ничего не скрывает и ничего не прикрашивает. Он искренно и начистоту излагает, как было дело. Он откровенно признает те слабости, которым он и сам заплатил дань.

*

Как ни сильна еще была в те времена внешняя дисциплина в рядах социал-демократии, голосование Карла Либкнехта внутри фракции не осталось тайной. О нем узнали и друзья и враги. Какое значение придала этому голосованию германская буржуазия, видно из следующего. За Карлом Либкнехтом сначала стали усиленно ухаживать, его попытались «переубедить». За эту неблагодарную задачу стали браться даже некоторые «высшие» офицеры. Стоило только Карлу Либкнехту обратиться к высшему командованию за разрешением объехать занятые германскими войсками территории Бельгии и Северной Франции, как ему немедленно и с полной готовностью было предоставлено это разрешение. При поездке ему оказывались всякие «почести». Высокопоставленное начальство любезно беседовало с ним, стараясь переубедить его и «рассеять его предубеждения». Несколько-раз высшее офицерство делало попытки сфотографироваться вместе с Либкнехтом на фронте — как они это делали при посещениях Эберта, Щейдемана и других вождей социал-демократии. Либкнехт совершенно определенно отказывался от этой «чести». Тем не менее, за ним продолжали ухаживать и на первых порах «не теряли надежды»...

Но никаких «надежд» не питали уже на Либкнехта «отцы» с.-д. партии, вожди новоявленного большинства. Если Либкнехт не был исключен из партии сразу, то только потому, что считали более выгодным подождать.

Сам Либкнехт не ждал ни минуты. Уже в конце августа 1914 г. он стал делать попытки устройства больших легальных собраний под тогда еще «легальным» лозунгом «против аннексий — за мир». Центральный комитет партии встречал все эти попытки в штыки и с помощью военных властей легко срывал эти попытки. В сентябре Либкнехт пытается выступить против войны на митингах в Штутгарте и в своем Потсдамском округе. Полиция закрывает эти митинги.

10 сентября Карл Либкнехт, Клара Цеткин, Роза Люксембург и Франц

Меринг выступили с коллективным заявлением против войны и политики официальной с.-д. партии.

1 октября в Берлине произошло уже первое крупное собрание оппозиции. В Вюртемберге в начале ноября дело доходило уже до раскола местных с.-д. организаций.

Легальным выступлениям против войны правительство положило решительный предел.

Тогда Либкнехт перешел к *нелегальной* работе в замкнутых рабочих кружках и к выступлениям на сотнях закрытых партийных собраний. Вместе с друзьями он приступает к организации некоторой базы в Голландии, Дании и Швейцарии. Здесь печатались некоторые нелегальные документы, которые затем тайно ввозились в Германию. Для этого используются также связи организаций молодежи. Историки спартаковского движения отмечают, что первым нелегальным документом этого времени явился «Новый гимн социалистов» — пародия на официальный гимн социал-демократии. Этот первый документ как раз и вышел из рядов тех организаций молодежи, которые остались верны интернациональному знамени.

*Социалисты! Вперед рядами,
Зовут барабаны под сень знамен,
Новые цели встают перед нами:
Спасем монархию! Поддержим трон!
Русскому — пуля! Француза — в пузо!
Бритта — в ланиту! В лепешку япошку!
Пусть сделает это немецкий народ, —
Вот цель, которая нас влечет...
Войны священной мы подняли знамя,
За нами народ и победа с нами.
Не ружья у нас, у нас не сабли, —
Это оружие для дикарей, —
Разящие бомбы несут дирижабли,
Танки разносят броню батарей.
Кредиты охотно даются нами, —
Ведь многие станут за то унтерами,
Пойдут награды, чины, ордена, —
Вот наша цель нас зовет она.
И забыв о «священной войне труда»,
Оплатит народ наш победу тогда.*

Так пелось в «Новом марше социалистов». Листовка нашла себе распространение и скоро пенала на фронт. Ведь почти каждый четвертый немецкий солдат был членом с.-д. партии или членом с.-д. профсоюза. И о, что делалось в рядах с.-д. партии, неизменно доходило и до фронтов. Можно себе представить, какое бешенство вызывало появление такого документа среди «отцов». партии. Негодованию на «этих молокососов» не было предела. Вместе с тем все знали, что за молодежью стоит Карл Либкнехт. Некоторые из «новых» вождей социал-шовинистского большинства прекрасно знали и черты личного характера Карла Либкнехта. Они отдавали себе отчет в том, что раз Либкнехт взялся за какое-нибудь дело, он не отступится от него.

Тем временем приближалась новая сессия рейхстага, которая должна была открыться 2 декабря 1914 г. На очереди стоял вопрос о новых пятимиллиардных военных кредитах. Уже с середины ноября 1914 г. Карл Либкнехт начинает бомбардировать бюро с.-д. фракции рейхстага письмами, в которых он требует отказа от предательской тактики «гражданского мира» и возвращения на путь пролетарского интернационализма. Письма эти в копиях Карл Либкнехт широко распространяет через солидарную с ним рабочую молодежь и всеми другими доступными ему путями. Социал-шовинисты начинают бешеные преследования против сторонников Либкнехта.

С 29 ноября по 2 декабря идут бои во фракции рейхстага. Теперь Либкнехт уже не совсем тот, каким он был в августе. Он решился идти до конца. Он увидел уже с исчерпывающей ясностью, куда ведет политика 4 августа. Он сделал уже первые шаги на поприще нелегальной работы. Вокруг него собрались уже первые группы революционных интернационалистов, будущих спартаковцев. Фантом «дисциплины» — «дисциплины по отношению к изменникам делу пролетариата» — рассеялся. Теперь он сделает все практические выводы — до самого конца. Не только друзья, но и недруги должны были признать, что в этих заседаниях Карл Либкнехт дрался, как лев. Его гневные выступления, дышавшие гордым сознанием своей миссии, своей исторической правды, производили огромное впечатление на всех присутствовавших. Его филиппики против Эбертов и Шейдемамов хлестали этих изменников по лицу, как удары бича. В каждом слове Либкнехта чувствовалась негибкая воля к борьбе. Весть об его выступлениях разнеслась во всех рабочих кварталах Берлина. Буржуазия и обуржуазившиеся вожди социал-

демократии поняли, что в лице Карла Либкнехта перед ними враг непримиримый и враг опасный.

В результате обсуждения с.-д. фракция рейхстага большинством против 17 приняла решение голосовать и за новые военные кредиты. Теперь Либкнехт ринулся организовывать это меньшинство. Увы! Ведь это были не 17 честных пролетарских интернационалистов. Это была группа колеблющихся «парламентариев», которая чувствовала, как негодуют рабочие на поведение официальной социал-демократии, но которая сама не имела революционно-пролетарских взглядов. Большинство этой группы, как доказала последующая история, состояло из центристов. Из этого материала нельзя было создать споры пролетарскому интернационализму. Некоторые из них сначала обещали было Либкнехту вместе с ним в рейхстаге голосовать против военных кредитов, но затем преисправно надули.

Либкнехт решил выступить в рейхстаге один, справедливо отклонив вышеописанные опасения Розы Люксембург, Мархлевского и до. Слова ему, конечно, не дали. Тогда он подал председателю рейхстага мотивированное письменное заявление. Разумеется, заявление это не было прочитано и тут же решено было не печатать его в стенографическом отчете заседания. Тогда Либкнехт пустил это заявление по рукам и отдал его в те кустарные «типографии», которыми обзавелись уже кое-какие революционные рабочие группы. Через несколько дней это заявление в сотнях списков гуляло уже в рабочих кварталах Берлина, а через несколько недель стало известно всей Германии да и всему миру.

Вот это историческое заявление:

«Настоящая война, которой ни один из народов, в ней участвующих, не желал, ведется не ради блага германского или какого-нибудь другого народа. Это — империалистическая война, война за капиталистическое господство над мировым рынком, за политическое овладение областями приложения промышленного и банкового капитала. С точки зрения системы всеобщего вооружения это есть превентивная война, вызванная германской и австрийской военными партиями под покровом полуабсолютизма и тайной дипломатии. Это — бонапартистская затея в целях дезорганизации и разгрома нарастающего народного движения. Все это ясно доказали истекшие месяцы, несмотря на беззастенчивую систему официальной лжи. Германский лозунг «против царизма», подобно английскому и французскому «против милитаризма», имел целью использовать лучшие инстинкты, революционные традиции и чаяния

народа для — дела человеконенавистничества. Германия, соучастница царизма, оставшаяся до последнего дня образцом политической отсталости, не призвана быть освободительницей народов. Освобождение русского, как и германского народов есть их собственное дело.

Настоящая война не есть германская освободительная война. Ее исторический характер и ее течение до настоящего времени не дают возможности поверить капиталистическому правительству, утверждающему, что целью, ради которой испрашиваются кредиты, является защита родины.

«Нужно требовать немедленного мира, ни для кого не оскорбительного, мира без захватов. Нужно приветствовать все старания, направленные к этой цели. Только одновременное усилие направленных к такому миру течений во всех воюющих странах может остановить кровавую бойню и предотвратить полное истощение участвующих в ней народов. Только мир, основанный на международной солидарности рабочего класса и на свободе всех народов, может быть прочным. Задачей пролетариата всех стран и сейчас, во время войны, остается совместная социалистическая борьба за мир.

«Я одобряю кредиты на борьбу с нуждой в испрашиваемом размере, которые считаю еще далеко не достаточными. Я одобряю также все меры, способные как-либо облегчить тяжелую участь наших больных и раненых, которым принадлежит все мое сочувствие и вся моя жалость. И здесь никакое требование не может быть слишком высоким. Но, протестуя против войны, против ее виновников и руководителей, против капиталистической политики, вызвавшей ее, против капиталистических целей, ради которых она ведется, против планов аннексий и захватов, против нарушения бельгийского и люксембургского нейтралитета, против военной диктатуры, против политического и социального вероломства, в которых виноваты правительство и господствующие классы, я отклоняю испрашиваемые военные кредиты.

Берлин, 2 декабря 1914 г.

Карл Либкнехт».

Мотивировка голосования против военных кредитов, данная Либкнехтом в этом заявлении, не была безупречной с точки зрения последовательного революционного марксизма. Она ограничивалась лозунгом ««немедленного мира, ни для кого не оскорбительного, мира без захватов»». И это в то время, когда международное революционное пролетарское движение обладало уже лозунгами ленинской чеканки: войну

империалистскую превратить в войну гражданскую! Но самый факт открытого голосования Карла Либкнехта против кредитов — одного из ста одиннадцати с.-д. депутатов, одного из пятисот депутатов всего рейхстага! — имел великое историческое значение. Ленинский «Социал-демократ» не преминул дать тогда же, по свежим следам событий, совершенно откровенную критику недостатков либкнехтовской декларации. «Превосходная в первой части, в которой бичуется разбойничье-империалистский характер войны, она (эта декларация) во второй части исчерпывается провозглашением лозунга мира. Вывод настолько не связан с послылками, что прямо режет ухо. Если верно все то, что т. Либкнехт сказал о характере и причинах войны (а оно несомненно верно), то вывод для социалистов может быть только один: *превращение империалистской войны в войну гражданскую*». Но в то же время ленинский орган (писал: «Из 111 «с.-д.» депутатов оказался только один (*один!*) честный социалист — тов. Карл Либкнехт, сын великого революционера и социалиста Вильгельма Либкнехта, который решился выполнить элементарный долг — голосовать против военных кредитов. 1: 110 — вот пропорция, в которой оказались социалисты против изменников и шовинистов в рядах руководителей германской социал-демократии».

И опять-таки надо сказать: ошибки в этой либкнехтовской декларации тоже не были его личными ошибками. Это были ошибки того кружка, той группы, того направления, к которому принадлежал тогда Либкнехт. Это была слабость всех «левых» в Германии. В эту группу входили тогда такие люди, как Роза Люксембург, Франц Меринг, Клара Цеткин — люди, имеющие величайшие заслуги перед мировым рабочим движением, люди, неустанно работавшие против империалистской бойни с первого дня ее возникновения. Но и эта люди тогда еще не шли дальше лозунга «мира без аннексий». О причинах этого явления мы будем говорить ниже»...

Но само выступление Карла Либкнехта было актом мужества, имевшим великое значение? Нужно вспомнить тогдашнюю обстановку. Надежды на скорую победу в Германии поблекли. На Марне германские войска задержаны французами. Гинденбург принужден начать свое отступление. Патриотический угар отнюдь еще не рассеялся. «Умеренная оппозиция» во главе с Ледебуром и Гаазе отнюдь не решается рвать с большинством, но держит за руку Либкнехта, умоляя его «еще немного подождать», чтобы «выступить» вместе. Во Франции и в других воюющих с Германией странах (кроме России) социал-шовинисты еще властвуют в рабочих организациях безраздельно. В рейхстаге настроение напряженное: готовы растерзать всякого, кто «нанесет удар в спину дорогой родине». Все

депутаты знают, что Либкнехт готовит выступление. Когда он входит в зал заседания рейхстага, на него обращаются глаза всех присутствующих, начиная от злейших врагов и кончая «товарищами». В глазах — злоба и ненависть.

И вот среди общего напряженного ожидания он бросил в зал свое решительное «я — *против!*» Больше ему не дали сказать ни слова. Но и этих двух слов было достаточно, чтобы вызвать чувство облегчения в рядах рабочего класса. «Я не забуду никогда этого дня, — пишет Радек, работавший тогда в Германии в рядах германской левой оппозиции. — Мы все тогда задыхались в подполье. Я помню, как мне приходилось в «Бременской гражданской газете», на которую выпала тогда честь быть одним из немногих органов, ведущих кампанию против германского империализма, писать о причинах войны. Мне приходилось в форме объяснения великих германских побед сопоставлять цитаты из военной и политической германской литературы, чтобы доказать, как хорошо была подготовлена «защита» Германии. Лекции об отношении к войне приходилось читать под заглавием: «История английского империализма». Смелое выступление Либкнехта наэлектризовало оппозицию. Это было началом открытой борьбы. Надо знать ту удручающую атмосферу ренегатства, которой он был окружен, чтобы понять героизм его поведения»...

Шейдемановцы поняли, что с Либкнехтом не будет компромисса; они начали выносить ему одно порицание за другим во имя дисциплины фракции. «Я связан высшей дисциплиной международной солидарности», отвечал им Либкнехт и продолжал свое дело. В рейхстаге ему не давали слова; тогда он короткими «вопросами», ударяющими по больным местам германского империализма, возбуждал рабочих. Тогда он короткими выкриками во время речи канцлера, выкриками, которые действовали, как удар плети, исполнял свой долг депутата. Четыре коротких слова: «*Вы хотели этой войны!*», которые он бросил в лицо канцлеру Бетман-Гольвегу во время одной из его лицемерных миролюбивых речей, сделали больше, чем — дюжины плаксивых речей Гаазе, не договаривающих ни одной мысли до конца, не решающихся бросить ни одного боевого лозунга.

Уже сразу после 2 декабря 1914 г. травля против Карла Либкнехта становится неистовой. Но когда в прусском ландтаге Либкнехт прямо призвал рабочих всех стран поднять оружие против «своих» правительств, неистовство перешло все границы. В прессе шло настоящее улюлюканье. Бывшие «товарищи» состязались в травле с открытыми врагами.

V. КАРЛ ЛИБКНЕХТ НА ФРОНТЕ 1915 ГОД

...Главный враг — в собственной стране!

Из манифеста К. Либкнехта в 1915 г.

*...Не гражданский мир, но гражданская война —
таков наш пароль!*

*Из письма К. Либкнехта, циркулировавшего на
Циммервальдской конференции в 1915 г.*

...Я стрелять не буду.

*Из письма К. Либкнехта с фронта от 21
сентября 1915 г.*

...Не беспокойтесь обо мне.

Товарищи носят меня на руках.

*Из всех частей они прибегают ко мне я шлют все,
что у них есть.*

*Письмо К. Либкнехта с фронта от 8 октября
1915 г.*

*...Как только я приехал сюда, меня посетили
несколько офицеров, в том числе два принца... Я сказал
им в глаза всю правду.*

*Письмо К. Либкнехта с фронта от 23
сентября 1915 г.*

ПОСЛЕ 2 декабря 1914 г. дальнейшая дорога Либкнехта уже вполне ясна. Теперь он, как вождь революционного пролетариата, будет подниматься все выше и выше. Теперь маяк этот будет светить во мраке войны все ярче, все ослепительнее. Теперь и собственные внутренние силы Карла Либкнехта будут крепнуть и расти с каждым днем. Он «человек крайне мягкий, скромный, снисходительный, становится теперь фигурой стальной, непримиримой, отмечающей даже малейшие соображения личного характера», — пишет о нем один его личный друг. «Мягкий» Карл Либкнехт стал неустранимым знаменосцем угнетенного класса в ужаснейшей из войн, какие только знала мировая история. «Кто был знаком с Либкнехтом до войны, а затем во время войны, тот видел и мог буквально осязать руками, как исполинская ответственность, возложенная на него, создавала из радостного и любящего жизнь человека (способного поэтому многое и многим прощать) железного, беспощадного борца, какого требовала эпоха. Кто знал его до войны и во время войны, тот мог заметить, как характер его буквально с каждым днем твердеет словно металл». Друзья и соратники — Либкнехта все в один голос отмечают, что Либкнехт в ту пору изменился как-то и физически. Черты его лица заострились, горькая складка легла у губ. (Замечательно, что такое же обстоятельство отмечают и биографы В. И. Ленина. В. И. тоже сильно переменялся физически в годы войны и именно в том же направлении.)

Решение было принято. Карл Либкнехт поднял знамя и — не выпустит его из рук буквально до самого последнего вздоха...

Теперь мы вступаем в тот период, который имел решающее значение для исторического подвига, совершенного Карлом Либкнехтом. Теперь необходимо проследить деятельность Либкнехта из месяца в месяц, из недели в неделю, а по возможности и изо дня в день.

В декабре 1914 года Роза, Карл и Франц Меринг обращаются к английским рабочим (через «Labor-Leader») со своими известными рождественскими письмами. С радостью Меринг отмечает тот факт, что среди с.-д. рабочих больших центров — в Берлине, Гамбурге, Лейпциге, Штутгарте — идет уже большое брожение против курса социал-шовинистов. «И недалек день, — заверяет он, — когда рабочий класс Германии потребует мира и возвращения к незабываемым основам Интернационала».

Чего потребует рабочий класс? *Мира!* Дальше этого лозунга Меринг пока не идет.

В январе 1915 г. Карл Либкнехт на собрании в Ней-Кельне произносит речь об «Империализме и войне». Через несколько недель стенографическая

запись этой речи выходит *нелегальной* брошюрой(под названием «Классовая борьба против войны»), получающей широкое распространение в массах. Ход мыслей в этой речи таков: не может быть доверия и уважения к партии, которая так открыто обнаружила перед всем миром свою неспособность противостоять массовым психозам, вою уличной черни, бешеной правительственной демагогии, листу бумаги с типографской краской, объявляющему осадное положение; не может быть доверия и уважения к партии, которая оправдала свое название «партии переворота» только тем, что «низвергла собственные убеждения, и которая в великий исторический момент оказалась столь жалкой, что карточный домик по сравнению с нею должен быть назван крепостью. Враги пролетариата научились искусству шутя побеждать нас. Социал-демократия должна отвоевать назад потерянное уважение, отвоевать борьбой. Пусть она начнет эту борьбу, пока еще длится война, если хочет достичь своей цели быстро и основательно. Если она отложит ее до окончания войны, борьба станет тем тяжелее...

Декларация фракции от 4 августа 1914 г. объявляет, что фракция хочет мира, «как только будет достигнута безопасность».

Безопасность — чего? — спрашивает Либкнехт. «Только ли государственной территории и независимости или же, кроме того, всей политики германского империализма?»

Классовая борьба — вот лозунг дня! Классовая борьба, и не только *после* войны! Классовая борьба *во время* войны. Классовая борьба *против* войны. Если партия не возьмет на себя эту борьбу сейчас, во время войны, то ей не поверят и после войны, — не поверят ни в рядах рабочих масс, ни в рядах ее противников. Таково содержание этой речи Либкнехта.

Речь эта (так же как и мотивировка голосования от 2 декабря 1914 г.) не вполне свободна от слабостей. Вина германских социал-шовинистов была вовсе не в том, что они оказались неспособны ^противостоять массовым психозам» и «вою уличной черни». Если впоследствии центристы пытались найти для открытых социал-шовинистов смягчающее вину обстоятельство в — тем, что в начале войны весь германский рабочий класс якобы был за войну, то это утверждение и с фактической стороны было просто неверно. Вина социал-шовинистов была побольше, чем неумение противостоять «массовым психозам». И на это в других местах речи прекрасно указывает сам Либкнехт.

На рубеже 1915 г. идет самая интенсивная работа по консолидации и окончательному оформлению организации, которая впоследствии получила название группы «Спартак». (Имя это дано было группе по инициативе

Карла Либкнехта. Еще Карл Маркс, изучая Аппиана в греческом оригинале («Гражданские войны в Риме»), с увлечением писал Энгельсу, что «Спартак в его изложении является самым великолепным парнем во всей античной истории» — «великий полководец (не чета Гарибальди), благородный характер, истинный представитель античного пролетариата» (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXIII, 15). Карл Либкнехт, который, как мы уже знаем, в свою очередь горячо увлекался античной историей, провел решение присвоить группе немецких революционных интернационалистов имя вождя и организатора восстания пролетариев в древнем Риме...

*

Пути Карла Либкнехта и раньше не раз сближались в известных вопросах с путями Розы Люксембург, (но теперь они совпали во всем основном. Роза и Карл заключили братский союз пролетарских революционеров, который кончился лишь с их смертью. Разделение труда между Розой и Карлом напрашивалось само собой. Роза стала теоретическим вождем спартаковцев, Карл Либкнехт — их политическим трибуном, их знаменосцем, проводником идей их в самую широкую массу. К этому разделению труда мы еще вернемся ниже и мы увидим тогда, что теоретические и политические ошибки Карла Либкнехта с 1915 по 1919 г. были ошибками Розы Люксембург; но увидим и то, как во многих отношениях эти два великих революционера друг друга гармонически дополняли и как их дружная совместная работа оставила мировому пролетариату незабываемые образцы героизма.

Роза Люксембург

Пока же вернемся к хронологическому изложению хода событий в 1915 г.

«Легальные» и полулегальные выступления Карла Либкнехта в партийных с.-д. собраниях сильно беспокоили буржуазию и социал-шовинистов. Еще больше беспокоили их его постоянные разъезды, «индивидуальная» пропаганда среди наиболее выдающихся рабочих, а главное — нелегальная работа Карла Либкнехта. Власти прекрасно гнали, что Либкнехт повел нелегальную работу, но пока поймать его не могли, и это нервировало их до последней степени. Социал-шовинистский «Форвертс» выл от бешенства и с каждым днем все «тоньше» намекал на то, что Либкнехт «помотает неприятелю», предпринимает

«безответственные действия», находится «на грани измены отечеству» и т. н. В это время где-то пошушукались, посоветовались и решили; что лучше всего будет — послать Либкнехта куда-нибудь подальше на фронт. Военное командование решает мобилизовать Либкнехта и Немедленно отослать его из Берлина. Едва ли можно сомневаться, что это сделано было по соглашению с вождями социал-шовинистов.

В первых числах февраля 1915 г. Карл Либкнехт мобилизован приказом командующего III армейским корпусом. 7 февраля Либкнехту через соответствующего окружного начальника было вручено заявление о том, что он включен в армию, а о конкретном назначении в определенную армейскую часть он «своевременно будет поставлен в известность». Затем окружной начальник вызвал Либкнехта к себе лично и прочел ему следующий приказ:

«На основании имперского военного закона и существующих дисциплинарных предписаний я запрещаю вам отныне — так как вы принадлежите к действующей армии — принимать какое бы то ни было участие в публичных и закрытых собраниях, так же как и вести какую бы то ни было политическую агитацию устно и печатно как в пределах империи, так и за границей. Исключение составляют заседания рейхстага и ландтага и происходящие во время их сессий фракционные заседания». Затем окружной начальник в назидание прочел «солдату Либкнехту» § 92 военного уложения о наказаниях, а также § 38, пп. 1 и 12, § 49, абз. 2 имп. воен. закона от 2 мая 1874 г. (см. «Судебный процесс Либкнехта», стр. 199). Этим дешевым способом буржуазия надеялась хотя бы на время обеспечить себе молчание опасного врага. Но Либкнехт, спокойно выслушавши текст грозных параграфов, продолжал, конечно, вести свою интернационалистскую агитацию «устно и печатно, как в пределах империи, так и за границей».

18 февраля 1915 г. была арестована Роза Люксембург. Либкнехта пока не арестовали, считаясь еще с его депутатской неприкосновенностью. Теперь на него легла еще большая ответственность и еще большая работа. Готовился выход журнала левых — «Интернационал». В тюрьме Роза Люксембург готовила брошюру, впоследствии вышедшую под псевдонимом Юниуса. В кругу руководителей шла выработка окончательных тезисов, которые должны были лечь в основу всей будущей деятельности группы «Спартак». Либкнехт работал интенсивнейшим образом, не спал ночей, старался использовать каждую минуту, которая оставалась до отъезда на фронт, тратил долгие часы, чтобы замести следы перед полицией, следившей за ним по пятам.

18 марта 1915 г. открылись совещания с.-д. фракции рейхстага — в связи с предстоявшей новой парламентской сессией, Карл Либкнехт еще «числился» членом с.-д. партии. Как правительство еще медлило арестовать его, так Эберты и Шейдеманы еще медлили исключить его из партии. На повестке стоял вопрос о новых 13 миллиардных ассигнованиях, из них — 10 миллиардов на войну. После новых боев во фракции было постановлено (77 голосами против 23) голосовать за военные кредиты и (60 голосами против 30) голосовать за весь бюджет в целом. На этот раз в пленуме рейхстага к Карлу Либкнехту присоединился еще Отто Рюле. Все остальные, Голосовавшие во фракции против, затем спрятались в кусты, ограничившись тем, что перед голосованием покинули зал рейхстага. Рюле ослабил свой вотум мотивировкой формального характера. В письме от 20 марта 1915 г., адресованном в бюро фракции, он пишет, что считает себя вынужденным голосовать против военных кредитов потому, что они составляют часть общего бюджета, а он считает-де себя обязанным голосовать против всей росписи в целом согласно таким-то и таким-то постановлениям с.-д. партийных съездов.

На принципиальных позициях революционного интернационализма спясть остался один Карл Либкнехт, теперь уже мобилизованный «солдат Либкнехт», получивший небольшую отсрочку до явки на фронт только в виду того, что предстояла сессия рейхстага. На этой сессии «солдат Либкнехт» не только демонстративно проголосовал против военных кредитов, но и в форме нескольких ядовитых цвишенруфов и «маленьких запросов» выразил то, что накопело на душе у лучшей части революционных пролетариев.

«Негодование» буржуазных и социал-шовинистских писак не было предела. Но чем больше поносили они Либкнехта в своей печати, тем больше об его выступлениях против проклятой бойни узнавали в окопах, узнавали во всей Германии, во всем цивилизованном мире.

22 марта 1915 г., сразу же после окончания сессии рейхстага, Карлу Либкнехту приказано было отправиться в рабочий батальон Дъез, в который он и прибыл 24 марта 1915 г. Здесь его держали очень недолго. Начальство скоро убедилось, что пребывание Либкнехта в войсках очень опасно с точки зрения «спокойствия» армии. Либкнехта решили перебросить на русский фронт, где по расчетам начальства Либкнехт должен был быть менее опасен, вероятно потому, что лозунг борьбы «против царизма» в 1915 г. был еще очень популярен среди немецких солдат. «Из казармы меня выпроводили весьма поспешно, так как солдаты собирались толпами вокруг меня», пишет Либкнехт в письме к сыну от 5

июня 1915 г.

*

Обвинительный акт по делу Карла Либкнехта приводит следующие хронологические даты, хорошо рисующие ход его «военной карьеры» в 1915 г. После Дъеза Либкнехт был назначен в 49-й рабочий батальон. В первый же день батальонный начальник подполковник фон Линштедт вызвал к себе «солдата Либкнехта» и напомнил ему о том, что ему запрещена всякая политическая деятельность. Либкнехт ответил, что «ему об этом известно». Затем «солдата Либкнехта» вызвал к себе его ротный начальник обер-лейтенант Л. Генике, который тоже запретил ему какие бы то ни было политические оказательства, «пока он носит королевский мундир». 15 мая 1915 г. Либкнехт получил отпуск для участия в заседаниях рейхстага, где «политические оказательства» формально еще не были запрещены даже «солдату Либкнехту». 15 же мая Либкнехт был передан в распоряжение заместителя главного начальника III армейского корпуса «для дачи ему нового назначения». «30 мая я прибыл в Мемель», пишет Либкнехт к сыну в письме от 5 июня 1915 г. 2 июня 1915 г. Либкнехт получил приказание явиться в комендатуру в Кюстрине, где он должен был получить назначение в запасной рабочий батальон. 29 июля 1915 г. Карл Либкнехт явился в Кюстрин и был причислен к 102-му рабочему батальону. 5 ноября 1915 г. Либкнехт был передан в распоряжение Кюстринской запасной рабочей команды, а после роспуска последней переведен был в рабочую команду запаса в Торне.

С франтов Карлу Либкнехту удается отправлять письма жене, детям, а через них и — товарищам. Многие из этих писем уцелели и представляют драгоценнейший биографический материал.

В какой обстановке солдату Либкнехту приходилось жить на фронте? В письмах разбросано много отрывков, которые в совокупности дают очень яркую картину^[4].

«Погода здесь чисто апрельская, но у нас прочные сапоги и толстые шинели. Беднягам, которые находятся на передовых позициях, приходится куда хуже нашего. Несколько раз мы имели возможность наблюдать довольно хорошо артиллерийские бои, которые за последнее время ведутся с большой силой» — пишет Либкнехт 11 апреля 1915 г.

«Грохот пушек, трескотня ружей и аэропланы, аэропланы, аэропланы...» — пишет он 25 апреля 1915 г.

«Квартира: плотно закрывающийся сарай без окон. У всех у нас соломенные мешки; вместо подушек — шинели; одеяла, конечно, кладем на землю. Вшей много. Воды мало и — очень скверная. — Но зато, все товарищи хорошие. Унтер — добрый малый. Санитарная служба поставлена отвратительно. Вот иллюстрация. Сегодня мне сделали противохолерную прививку. В то время как в Лотарингии для каждого пациента брали заново простерилизованный шприц, здесь один и тот же неочищенный инструмент служил для троих. Последним был я. Ясно, что таким путем можно привить самые мерзкие болезни. И действительно, многие из наших людей больны» — пишет он от 5 июня 1915 г.

«Я сижу и зябну на дворе... Направо рядом со мной вход в сарай, в котором нас живет 50 человек. Сквозь открытую дверь я вижу несколько солдат, уже собирающихся спать. При колеблющемся пламени свечей они кажутся картиной Рембрандта или Доу... Здесь шпионят, как всегда. *Habeant sibi*^[5]. Работы очень много. Я прямо без сил.

«Трудимся и по воскресеньям, совсем как в будни» — пишет он 9 июня 1915 г.

«Мы перекочевали 15-го из Варвена в Бебен, а вскоре, наверно, нам придется ехать в Газенпот или куда-нибудь дальше на восток... Ужасно страдаем от паразитов. Мухи, вши, блохи и крысы мучают нас больше всего» — пишет он 23 июня 1915 г.

«Я сижу в конюшне — нашем жилище — на ящике и пишу, подложив под бумагу доску. Товарищи лежат на «кроватках», т. е. на соломе, вокруг меня. Огарок собирается погаснуть. Половина одиннадцатого вечера. Мы промокли до костей. Тысячи мух жужжат кругом и невыносимо меня терзают» — пишет он 27 июня 1915 г.

«Пушки под Ригой грохочут во всю. В воздухе над нами несутся и жужжат аэропланы, а под ними кружатся и каркают громадные стаи ворон. Этим отвратительным тварям здесь есть чем поживиться» — пишет он 14 сентября 1915 г.

«Мы стоим недалеко от Двины, у Фридрихштадта, образуя выдающийся вперед клин, охваченный справа и слева русскими позициями, Наш отряд уже подвергался сильному пушечному и ружейному обстрелу, посылали его и в окопы. Вчера ночью нашему командованию пришлось переменить квартиру из-за артиллерийского огня. Во время передвижений мы неоднократно знакомились с бомбами с аэропланов. Мы ежеминутно наготове — на случай тревоги — и не смеем даже раздеваться... Сейчас ночь, т. е. четверть десятого. Света нет, кроме горящей передо мной свечи... Табаку совсем нельзя получить... У нас много заболеваний

дизентерией и тифом. В среднем больные составляют одну пятую часть роты (100 человек на 500)... Наша работа состоит в рубке леса в окрестностях Двины... На нашей мызе осталась в постели покинутая больная старая женщина. Вчера рано утром мы нашли старуху мертвой перед домом; мы похоронили ее у дороги. Но что об этом говорить: несчастья так велики, а раз рушения так ужасны, что нет сил писать» — пишет Либкнехт 15 сентября 1915 г.

«Мы работаем без всякого прикрытия на самой передовой линии, где стоят и передвигаются аванпосты. Русский фронт находится здесь еще по эту сторону Двины. Днем и ночью я слышу непрерывный треск и грохот выстрелов, оглушительные взрывы, зловещее шипение, вой и свист снарядов. Гранаты и шрапнели — наше неизменное развлечение. С наступлением темноты мы ждем с минуты на минуту приказа об отступлении. Нас могут послать также, в случае надобности, и в окопы: саперы показали себя, по словам Гинденбурга, с такой хорошей стороны, что они наверное будут удостоены этой «чести»... Продовольственное дело поставлено далеко не удовлетворительно. Хорош только картофель, да и то потому, что его в изобилии можно найти на полях. Табаку получить невозможно. А между тем сзади нас на этапном пункте есть все, что угодно... С половины седьмого уже темно. Не дают ни свечей, никакого другого осветительного материала. Слоняешься взад и вперед, не можешь ни писать, ни читать; наконец, истомившись до невозможности, лезешь в свою постель, т. е. в сырую солому в нетопленном, конечно, сарае или конюшне, часто промокнув до костей. Закутаешься от холода в шинель и тонкое одеяло: лежишь и зябнешь всю ночь, дрожа, как собака» — такова картинка фронтовой жизни, которую Либкнехт дает в письме от 20 сентября 1915 г.

Но это еще только цветочки. Дальше начинается настоящий ад. Отдельные кошмарные эпизоды ярко описаны Либкнехтом сразу по свежим следам событий. Эти документы крайне важны не только для биографии Либкнехта, но и для истории мировой войны. Описания ужасов войны в них настолько ярки, что могут быть поставлены рядом с художественными произведениями крупнейших мастеров, посвящавших свое перо или свою кисть изображению обстановки войны.

Вот, например, письмо Либкнехта от 8 октября 1915 г.

«Вот они, настоящие переживания! Вчера, в полдень, влетела граната в окно соседнего дома: один убитый и один тяжело раненый. Сегодня рано утром, в половине девятого, один товарищ по взводу был тяжело ранен в живот во время работы; он еще жив. Вчера в полдень разорвалась

шрапнель как раз надо мной в то время, когда я разговаривал с лейтенантом во дворе штаба; одна из пуль прошмыгнула между нами, и я ее потом поднял. Мы стоим на мызе, неподалеку от Двинского леса; германские артиллерийские позиции, которые до вчерашнего дня находились совсем близко от нас, перенесены теперь, вследствие длительного их обстрела, в другое место.

«Мы работаем «ночью», т. е. выходим в половине пятого дня, добираемся около пяти часов до окопов, бежим в темноте, спотыкаясь и падая, по траншейным ходам и, наконец, ползем в течение трех четвертей часа до места назначения.

«Там мы работаем до часу ночи; в два часа начинаем обратный поход к квартире. Приходим в три часа. Пьем кофе. Затем — в «постель», т. е. ложимся на солому в ледяном сарае, кутаясь в холодные шинель и одеяло. Сегодня было два градуса ниже нуля.

Карл Либкнехт на фронте.

«Торжественная зимняя ночь, звездная, яркая, опьяняющая. Восходит Орион и мой Сириус — наш Сириус. Я вижу его передо мной, надо мной, между ветвями кустов и деревьев, в праздничном блеске небес... Мы залегли, зарывшись в землю, на каком-то кладбище. Трещат ружейные выстрелы, то одиночные, то пачками. Русские стоят от нас на расстоянии от 80 до 150 метров; их окопы тянутся перед нами и позади нас на противоположном берегу Двины, а мы врезались между ними острым клином... Вдруг далеко перед нами, наискось справа, что-то сверкнуло, словно зарница. Это для нас! Через 10–12 секунд мы слышим грохот выстрела и дикое шипение мчащегося к нам чудовища... Укрывайся! т. е. ложись! Гул все ближе и ближе... Мимо? Нет... что-то загрохотало почти над самым ухом... Я. подымаюсь, — и слышу предостережение: переждать осколки. Совсем рядом со мной на край окопа падает обломок снаряда. Тяжелая штучка. И так дальше в том же духе. Два раза осколки падают совсем близко от меня... Вое это произошло во время пути к месту работы, куда я отправился около половины десятого вместе с фельдфебелем, после того как я помог командующему этой частью лейтенанту зарисовать местность. Русские обстреляли нас: прицел у них замечательный — надо отдать им в этом справедлив ость. В траншеях мы в большей безопасности. Чудовища перелетают далеко через нас, так что осколки их нам уже больше не угрожают. Мы то работаем, то нет, — как придется. Вокруг нас-могилы и кресты, над нами шелестят ветви деревьев, и все это освещается вспышками яркого света. Вдруг один из товарищей, работающих рядом со мной, погружается в землю: под ним провалился гроб, и он топчется на трупе, — меня ногами какую-то гадость. Но ничего — отверстие засыпают, и лопаты продолжают свое дело среди гробов, крестов и мертвецов, среди грохота, трескотни и свиста пуль... Ужасные картины... Вдруг крик: «Бросай работу». Возможна атака русских. Взвиваются немецкие ракеты, и мы, перегибаясь, вылезаем из нашего отрезка окопа, лежащего отдельно, на расстоянии от 30 до 40 метров от длинной и уже готовой траншеи. Мы спотыкаемся среди кустов о могилы, — никто не знает дороги или направления к главному окопу. Мое пенснэ, сбитое веткой, падает в траву; случайно я нахожу его ощупью. Вдруг один из нас замечает окоп. Мы прыгаем туда. Унтер-офицер не доволен. Я бранюсь с ним, но не очень злобно, так как он добрый парень, хотя очень ограниченный и чересчур боязливый. Я заявляю ему, что стрелять не буду, даже если прикажут. Пускай меня расстреляют. Другие соглашаются со мной. Мы начинаем шуметь. В ту же минуту мимо наших ушей начинают свистеть пули: русские слышат нас. До них доносится каждый слишком громкий лязг

лопаты... Пока что я избавился от своего ружья и хожу на работу безоружным. Я чувствую себя тогда — конечно, внутренне — почти свободным. Вчера утром, после ночи, отданной духовной работе, сердце мое почти ликовало... Я ощущал, видел и переживал эту осень; как в юношеские годы, как в мирные времена, как когда-то вместе с тобой. И я все еще чувствую, что я сильнее всего того, что происходит и может произойти. Как мне это описать? Я читал Данте... Ах, эта зимняя звездная ночь в осеннюю пору. Мне кажутся жалкими все земные невзгоды. Я смеюсь над ними, даже если тело сгибается под их тяжестью».

«Последняя ночь меня страшно измучила; я почти без сил... Мы выступили в сумерки, и когда проходили в темноте через высокий сосновый лес, то звезды блестели между деревьями, как рождественские свечи... Мы начали разрывать кладбище. Во тьме черной ночи звезды исчезли. Снимать дерн с могил — невыразимо тяжело. При каждом ударе лопата высекает огонь, который слетает с нее снопом светляков. Падающей земли не слышно. Вдруг заступ глухо обо что-то ударяется опять гроб. Тяжелый запах тления. А кругом — трескотня ружей и совсем близко пролетают пули с противоположного берега Двины; из ближайшего русского окопа доносится резкий шум от разрывных снарядов, у которых гулу взрыва предшествует треск выстрела (для нашего уха). Русские применяют в изобилии разрывные снаряды (ружейные гранаты) — очевидно американского изделия — причиняющие страшные раны. Я прополз до прибрежного выступа и увидел в первый раз широкую серебристую поверхность реки. Пули ближайших русских постов просвистели мимо ушей». — Так пишет Либкнехт в письме от 9 октября 1915 г.

«Мое здоровье немного изменилось к худшему. Во время работы и ходьбы меня охватывала несколько раз сильная слабость... Меня направили к батальонному врачу доктору Р., который пошлет меня завтра в митавский лазарет, а оттуда, возможно, еще дальше — на поправку. Я охотно вернулся бы к товарищам, чтобы до конца изведать вместе с ними все муки фронта» — сообщает Либкнехт в письме от 30 октября 1915 г.

«Мое здоровье, вследствие напряженной работы, немного расшаталось; я нахожусь уже несколько дней в штаб-квартире и сегодня поеду в лазарет, вероятно в Митаву. Совсем как в первый раз в сентябре, ротный командир послал меня опять к батальонному врачу...

«Однажды ночью, когда мы пилили в лесу деревья, — холод пронизывал до костей — я потерял сознание. Затем это случилось еще раз после отступления русских через Двину, в тот момент, когда нас направили

на новое место для работы.

«Мы шли по дороге, которая вела через захваченные нами русские позиции, — настоящие подземные лабиринты, сооруженные весьма искусно и удобно. Теперь, естественно, они во многих местах разрушены. Нам попадались трупы людей; они валялись в мерзлой грязи, свернувшись, как черви, или с распростертыми руками, словно хотели прильнуть к земле или обнять небо, — спастись от смерти. Одни лежали лицом вниз, другие смотрели вверх. Некоторые совсем почернели. Боже мой! Сколько видел я за это время убитых немцев, помогая снимать с них вещи — последние воспоминания для их жен и детей» — говорится в письме от 31 октября 1915, г.

«Сегодня приехал, наконец, автомобиль, который должен завтра нас увезти — вероятно в Шавли, а может быть в Митаву, еще неизвестно... У меня еще много работы — и как я ни слаб, а не могу ни на минуту оставаться спокойным. Что-то будет?»

И — приписка: «Я — на этапном пункте. Поголовный разврат сверху донизу. Роскошная жизнь и произвол власти заключили здесь губительный союз». — Таков заключительный аккорд последнего письма Либкнехта с фронта за 1915 г. (письмо от 31 октября 1915 г. к жене).

Так рисуется из писем Либкнехта (повторяем, в нарочно смягченном — для успокоения родных — виде), так сказать, бытовая жизнь его на фронтах в 1915 г.

*

Присмотримся теперь в *политической* стороне его пребывания на фронтах — насколько она обрисована в уцелевших письмах.

Приехав в начале июня 1915 г. к месту расположения управления 4-го округа, Либкнехт отмечает:

«Солдаты — все берлинцы и большею частью товарищи по партии».

«Со мной обращаются осторожно. С товарищами у меня прекрасные отношения» (письмо от 23 июля 1915 г.).

«Я встретил несколько знакомых ландштурмистов, положение которых поистине потрясающее. Всем здорово надоело это свинство» — пишет Либкнехт 23/IX—1915 г. Повидимому, среди «партийных товарищей» из рядовых рабочих, встречавшихся Либкнехту на фронтах, господствовало тоже настроение против войны. В одном только случае (о нем — см. ниже) Либкнехт отмечает другое: нашлись «товарищи», которые сделали донос на

него. Рядовые же солдаты с.-д. на фронте всюду окружали Либкнехта любовью и вниманием. «Не беспокойтесь обо мне. Товарищи носят меня на руках. Из всех частей они прибегают ко мне и шлют все, что у них есть», — пишет Либкнехт 8 октября 1915 г. «Сейчас я сижу у соседних пулеметчиков — партийных товарищей — в теплом прикрытии» (письмо от 9 октября 1915 г.).

А вот несколько чрезвычайно интересных отрывков из области взаимоотношений с офицерством:

«Как только я сюда приехал, меня сейчас же посетили несколько офицеров, в том числе два принца, чтобы потолковать со мной под грохот пушек. Я был с ними совершенно откровенен, и это было очень забавно. Я сказал им в глаза всю правду, а мне, в свою очередь, пришлось выслушать от них признание в германо-австрийском нападении и апологию убийства кронпринца в Сараеве, которое они считали истинным благословением неба; они беззастенчиво защищали завоевательную политику, причем один из них прямо заявил, что он работал много лет для подготовки войны, которая должна продолжаться еще год или два».

Рассказ этот содержится в письме Либкнехта от 23 сентября 1915 г.

«... Несколько дней тому назад один ротмистр спросил меня, как мне нравится моя работа, — я как раз таскал навоз. Я ответил: «Ничего, если бы был мир»... — «Да, — прервал он меня, — тогда, разумеется, вы эту работу не делали бы». — «Напротив, — возразил я, — именно тогда я и делал бы ее очень охотно». Ротмистр был поражен. «Значит, теперь вы делаете ее неохотно?» — «На войне я ничего не могу делать охотно, — сказал я, — мне неприятно все, что идет ей на пользу». Он, кажется, до сих пор не успокоился... Теперь три часа дня. Через час с четвертью мы отправимся рыть землю, а пока что надо почистить картофель на завтра. А у меня, кроме того, своя работа: проект «Международного социалистического института». Я почти окончил ее, хотя вся она мало продумана и полна несовершенств. Но медлить больше невозможно».

Этот эпизод описан в письме Либкнехта от 8 октября 1915 г.

«Меня вызвал^[6] из батальонного штаба и заявил мне: «Нам сообщили, что вы ведете среди своих товарищей пропаганду против церкви. Я этого допустить не могу: окружное управление — почва нейтральная. Я должен вас просить (официально) прекратить это занятие. Говорят, что вы подкрепляете свои доводы против религии еще тем, что таким путем можно содействовать окончанию войны; это можно легко истолковать, как возбуждение к мятежу. — (Я возражаю). — 'Я говорю вам это с самыми лучшими намерениями; как я сам отношусь к церкви, это в данном случае

не существенно. Мое понимание войны приближается к вашему и в глубине души я симпатизирую пацифистским идеям. Вы, вероятно, догадываетесь, что вы окружены шпионами, которые обо всем доносят: значит, необходима осторожность. Кроме того, я знаю, что саперный штаб-офицер далеко к вам не расположен. Я сам слышал, как он по случаю вашего последнего отпуска сказал: «Если бы он там разгуливал в штатском, я его непременно бы арестовал». Будьте настороже».

«Приехал батальонный командир и вызвал меня. Он слышал, мол, о моей пропаганде против церкви. Это недопустимо. Ему важно быть со мною в хороших отношениях, чтобы иметь право сказать, что я вел себя безупречно. Он этому делу не даст дальнейшего хода и будет считать, что узнал об этом частным образом. Но я не должен забывать, что многие мои товарищи разыгрывают передо мной роль добрых друзей, а за моей спиной говорят против меня и пишут на меня доносы. Конечно, он не возражает против того, чтобы я беседовал с отдельными лицами, взгляды которых мне известны, — ведь и он сам имел со мной подобные же разговоры и при случае опять обратится ко мне с некоторыми вопросами, когда я вернусь из рейхстага. Но только — чтобы не было «агитации»... Он сказал еще: «Вы не должны забывать, что ваши письма могут быть вскрыты: это разрешается (для предупреждения бунтов и возмущений). Подвергались ли вы этому, не знаю. Но вы должны со всем этим считаться. Однажды (в штабе батальона) говорили о том, что ваша жена за границей и что вы переписываетесь с ней при помощи условного адреса».

Два этих рассказа мы заимствуем из «Заметок», которые одно время вел Либкнехт на фронте. Заметки эти сделаны 25 и 26 октября 1915 г.

Знакомясь хотя бы с этими немногими эпизодами из области взаимоотношений Либкнехта с офицерством и сопоставляя рассказы Либкнехта с выдержками из обвинительного акта по его делу, невольно задаешь себе вопрос: как это могло случиться, что Либкнехт, который держался так демонстративно, не угодил тут же под военно-полевой суд, не был тут же на месте расстрелян?

«Я стрелять не буду, — писал Либкнехт курсивом в письме от 21 сент. 1915 г. — Единственно чего я хотел бы избегнуть, это — окопов. Все остальное, все опасности — пустяки. Но участвовать в этой бойне я не могу, это свыше моих сил» — писал он 4 октября 1915 г. «Теперь и я в России, — писал он с русского фронта. — И при каких ужасных условиях! Я не могу описать вам мое нравственное состояние. Чувствовать себя безвольным орудием глубоко ненавистной власти. И защищать... — *чьи интересы?!*»

«История этой войны, — пишет Либкнехт своему сыну 31 октября 1915 г., — будет проще, чем история многих прежних войн, ибо побудительные мотивы ее ясны и очевидны во всей их грубости. Вспомни о крестовых походах: они были окутаны фантастическим религиозно-культурным покровом, скрывавшим под собою стремления экономического характера — то были широко задуманные торговые экспедиции. В нынешней войне ее чудовищные размеры, средства и цели не только ничем не прикрыты, а наоборот — раскрыты».

Вот какие мысли в самой простой, общедоступной, понятной каждому солдату форме проповедывал Либкнехт на фронте. Легко себе представить, какое зажигательное влияние должна была оказывать на солдат такая проповедь, идущая из уст человека с таким авторитетом, с таким ореолом, как у Карла Либкнехта, — проповедь, ведущаяся к тому же в такой трагической для каждого рядового солдата обстановке.

«*Я стрелять не буду!*» — это Либкнехт говорит не только в письмах к товарищам и к детям. «*Я стрелять не буду!*» — говорит он простым солдатам, с которыми вместе спит на соломе в холодном сарае, говорит солдатам с.-д. из числа берлинских рабочих, с которыми судьба столкнула его на фронте. «*Я стрелять не буду!*» — говорит он рядовым ландштурмистам, «положение которых поистине потрясающее».

«*Я стрелять не буду!*» — говорит он товарищам, которые «носят его на руках», и соседним пулеметчикам, у которых он сидит «в теплом прикрытие». И всякому ведь ясно: «*я стрелять не буду*» означает в этой обстановке — «*не стреляйте и вы*»; а затем из этого логически вытекает: «*поверните штыки в другую сторону*», — как Либкнехт это в действительности и говорил.

«Высокое» начальство на фронте, конечно, не могло не знать, что Либкнехт говорит рядовым солдатам-фронтвикам именно это. Ведь за ним следили шпионы, — об этом пишет Либкнехт не раз. Да это ясно и без того. Наконец, находились и такие «товарищи», которые прямо *доносили* на него. Но мало того. Либкнехт отнюдь не делал секрета из этого перед самим начальством. «*Я стрелять не буду!*» — говорит он и высшим офицерам, среди которых было, как мы видели выше, даже два принца. «*Я стрелять не буду!*» — говорит он совершенно прямо и тут же весьма «популярно» объясняет, почему именно не будет. «*Я сказал им в лицо всю правду*». А какова была тогда правда Либкнехта — мы хорошо знаем.

Что представляла собою в 1915 г. военная дисциплина на фронтах империалистской бойни вообще и на германском фронте в частности, мы хорошо знаем. Это была настоящая гильотина. И все же так велика была

моральная сила Карла Либкнехта, таким изумительным героизмом дышала вся его фигура, так подхватывалось массой каждое его слово, так «носили его на руках» рядовые фронтовики, что самые заядлые враги пока не решались открыто посягнуть на Карла Либкнехта. Но все его письма, а главное — все его действия, явно говорили о том, что он-то сам в любую минуту готов пойти на смерть за свои взгляды, за дело пролетарского интернационализма.

*

В тех же драгоценных письмах с фронта найдется также несколько совершенно изумительных страниц, рисующих душевное состояние Карла Либкнехта. «Мое недомогание заключается в физической слабости и неприятной местной боли. Но умственно и душевно я совсем молодец», — аттестует он себя в письме от 30/X 1915 г.

Два отрывка из письма к сыну — оба крайне примечательны:

«... Я просматриваю как раз Плетца, его «Историю», и бросил взгляд на пестрое и глубокое разнообразие человеческих судеб. И когда я читал, на меня веяло с каждой страницы тем настроением, в котором я когда-то пробегал эту книгу, впитывая ее в себя своим мечтательным воображением. Мне казалось, что я перебираю сухие цветы с их смутным волнующим запахом.

«Этот период становления духа во всем его очаровании должны пережить и вы. Я весь преисполнен теперь этим желанием. Вы будете в позднейшие годы много беднее, если лишитесь этого, — и я хочу поэтому, чтобы вы это испытали.

«Я сам прошел, прочувствовал и пробрался через все заблуждения человеческого сердца. Не может быть ничего такого в твоей жизни, чего я не понял бы, чего не мог бы простить и не простил бы тебе, если бы только увидел такое стремление идти вперед, навстречу высокому солнцу, в бесконечное величие мира. Ты должен дышать полной грудью, и я хочу видеть тебя широко раскрывающим свои объятия всей вселенной. Я хочу это видеть, я жду этого. Открой же свое сердце, и пусть оно переполнится всеми этими чувствами и сделает тебя счастливым. Руководись доверием ко мне и любовью к нам ко всем и к людям. Тогда работа твоя станет легкой и будет для тебя не тяжелым грузом, а счастьем и восторгом».

На фронте Карл Либкнехт все-таки улучшает время, чтобы читать.

«Я прочитал здесь три пьесы Эврипида: «Медео», «Ипполита» и

«Ифигению в Тавриде». Во всех трех попадаются замечательные места. Читаете ли вы уже греческие трагедии? Эсхила или Софокла? Скоро вам придется этим заняться. Тогда ты познакомишься поближе и с нашими поэтами».

А сыну на вопрос о том, что читать ему в данном возрасте, Карл Либкнехт отвечает с франта:

«Ты спрашиваешь, что тебе читать. Я советую прежде всего какую-нибудь историю литературы. Затем возьми все сочинения Шиллера и просматривай их, сначала бегло, потом основательно несколько раз. Потом достань Клейста и Кернера, некоторые томы Гете и Шекспира, Софокла, Эсхила и Гомера. Лакомься сначала всем, а затем останавливайся и изучай внимательно. Проводи целые часы наедине с книгами. Тогда они станут твоими друзьями, а ты их поверенным. Мне не хотелось бы тебя ни к чему принуждать. Ты должен искать сам — каждый идет своей дорогой. Впрочем, и об этом мы скоро поговорим» (31/X 1915 г.).

Таким глядит на нас Либкнехт из писем, написанных на фронте в 1915 г., в обстановке, когда в любую минуту шальная пуля могла оборвать его жизнь. «Я не теряю ни на минуту бодрости духа, и, раскрыв свои объятия навстречу миру, я полон переживаний... Природа — сверкающий огнями замок фей. Нехватает слов, чтобы описать ее полное кротости величие... Звезды... бледный месяц... Вот он появился в виде красноватой точки, вот вырос золотой его венец, вот он становится ярче, окрашивается розоватой желтизной, вот наконец он выплывает там, далеко, над гранью лесов, где впервые показалось его красноватое сияние; таинственно, как опал, переливается он в расселинах, на склонах холмов, на широких крышах, покрытых снегом хижин. И вдруг — все кругом начинает сверкать, весь небосклон загорается светом, и месяц растворяется в нем, как в воздухе легкий пар. Он сверкает, сияет, ослепляет — и всходит на свой трон сегодня и всегда...»

А в другом письме: «Наступила совсем зимняя погода, и сегодня утром я мог умыться снегом — истинное наслаждение» (письмо от 25/X 1915 г.). *Умыться снегом* — истинное наслаждение! Как характерно это для тогдашнего самочувствия Карла Либкнехта. Земля кругом «умывается» кровью. Последнюю каплю собственной крови Либкнехт готов отдать в любую минуту — чтобы прекратить это побоище... Умыться самому снегом. Помочь всему окровавленному человечеству «умыться снегом», очистить землю от тех ужасов и грязи, в которые вверг ее империализм! Путь для этого один — через чистилище великой пролетарской революции!..

В 1915 г. с депутатской «неприкосновенностью» еще считались настолько, что Карла Либкнехта отпускали с фронта в Берлин на сессии. Разумеется, каждой такой возможностью Либкнехт пользовался, чтобы окунуться в политическую работу, повидать друзей, подкрепить организацию. В первый раз попал он с фронта в Берлин в начале 1915 г. Слежка за ним стала еще неусыпней и участие его в нелегальной работе было теперь сопряжено с особенными трудностями и с колоссальными опасностями. Тем не менее Либкнехт сразу же, не теряя ни минуты, входит в работу. Лучшим практическим организатором группы «Спартак» в это время был Лео Иогихес (Тышко), погибший в 1919 г. столь же геройской смертью, как и Роза с Карлом. По поводу смерти Тышко Коминтерн писал в 1919 г., что Роза Люксембург — это светлый ум спартаковского движения, Карл Либкнехт — его пламенное сердце, а Лео Тышко — его железная рука...

В мае 1915 г. Италия вступила в войну на стороне Антанты. Это послужило поводом для новой патриотической шумихи. Германские социал-шовинисты, поощряемые «своей» буржуазией и штабом «своего» главнокомандующего, посылали специальные «социалистические» делегации (во главе с пресловутым Зюдекумом) в Италию с целью «уговорить» итальянскую буржуазию и итальянских с.-д. воздержаться от выступления на стороне Антанты. Миссия эта, конечно, успеха не имела, ибо тут действовали факторы посильнее, нежели чары г-на Зюдекума. Италия вступила в войну на стороне противников Германии. Тогда германские социал-шовинисты получили заказ: поднять такой же вой, как 4 августа 1914 г., а по возможности быть еще громче. Этому «патриотическому» вою теперь, однако, противостояла уже более организованная сила, нежели в самом начале мировой войны. Спартаковцы действовали уже в эту пору систематически и планомерно, находя все больший отклик в широких массах пролетариата. Либкнехт, находившийся в это время в Берлине, написал листок, получивший громадное распространение: «*Главный враг — в собственной стране*» — таков был основной лозунг, отчеканенный Либкнехтом в этом листке. Эта лапидарная формула была удачна. Она удержалась на годы и проникала все глубже в умы и сердца рабочих. Она сделала эпоху.

«То, что нужно было каждый день ожидать после нападения Австрии на Сербию, наступило: *война с Италией налицо*», — говорит Либкнехт.

«Это весьма озабочивает германских и австрийских империалистов, которые тщетно ищут спасения. Теперь им кажется, что спасение пришло. Вступление в войну Италии должно послужить им желательным поводом, чтобы вызвать новый взрыв человеконенавистничества, удушить волю к миру, замести следы собственной войны. Они спекулируют на забывчивости немецкого народа, на его много раз испытанном долготерпении.»

«Враги народа спекулируют на забывчивости масс; мы противопоставляем их расчетам лозунг:

«Всему учиться, ничего не забывать!»

«Уже 4 мая этого года союз с Австрией был расторгнут Италией, но до 18 мая этот важный факт скрывали от австрийского и германского народов, — даже больше: вопреки истине, официально отрицали его, — повторение истории с одурачиванием народа и рейхстага по поводу германского ультиматума Бельгии от 2 августа 1914 года.

«Мы спрашиваем, кого должен благодарить германский народ за продолжение ужасной войны, за выступление Италии? Кого иного, как не ответственного за это *Безответственного в собственной стране?*

«Все запомнить, ничего не забывать!»

«Учиться и ничего не забывать. Не забывать той героической борьбы, которую вели наши итальянские товарищи против войны. Учиться бороться в прессе, на собраниях, уличными воззваниями, — бороться с революционной силой и смелостью, плывя против бешеного течения взбудораженных правительством националистических волн. Борьбе итальянских товарищей шлем мы свой горячий привет. Пусть они будут нам образцом. Постарайтесь, чтобы они стали прообразом всего Интернационала.

«Главный враг каждого из воюющих народов — внутри его собственной страны.

«Главный враг германского народа находится в Германии: это германский империализм, германская военная партия, германская тайная дипломатия. Этого врага должен победить германский народ, победить в политической борьбе, в сотрудничестве с пролетариатом других стран, борьба которого направляется против своих собственных империалистов.

«Доколе намерены зарвавшиеся игроки империализма злоупотреблять терпением народа? Довольно, слишком довольно бойни. Долой военных подстрекателей по ту и по эту сторону границы!

«Конец убийству народов!»

«Главный враг в собственной стране!»

Эти пламенные слова либкнехтсвского манифеста не могли не зажигать сердца (массы). События на полях бойни, события в тылу каждый день, каждый час подтверждали правильность сказанного в этом манифесте. Сам Либкнехт всей своей борьбой, всеми своими выступлениями служил как бы живым воплощением этих лозунгов.

Вожди социал-шовинистов, конечно, знали, какой громадный успех имеет в массах манифест под заглавием «*Главный враг — в собственной стране*». Пронюхали они и то, кто является его автором — да на этот счет не трудно было догадаться, на ушко об этом манифесте передавалось и в рейхстаге. Вожди социал-шовинистов все время «информировали» кого следует о работе Либкнехта и его друзей. При появлении «солдата Либкнехта» в помещении рейхстага во время сессий теперь на него не только смотрели волком, но просто рычали, щелкали зубами. Ему систематически не давали слева. Но достаточно было его реплик с мест, его маленьких запросов. Слова его, как-бич, хлестали по лицу империалистов — как «своих» германских, так и империалистов всех стран. Лозунги Либкнехта теперь неведомыми путями прокладывали себе дорогу в самые глубокие пласты народа. Чутко и внимательно прислушивались к ним и в армии — точнее, во всех армиях, как германской, так и остальных. Слово Либкнехта приобретало небывалую силу.

Воспользовавшись своим «отпуском» в Берлин, Либкнехт (вместе с Дункером и др.) составил открытое письмо, адресованное в ЦК германской с.-д. партии и в бюро с.-д. фракции рейхстага. Формально открытое письмо представляло собою протест против аннексионистского воззвания вождей германских профсоюзов. По существу же это был протест против всей предательской политики германской с.-д. партии и всего II Интернационала. Письмо это было подписано приблизительно тысячью крупных работников, должностных лиц партии. Оно тоже нелегально распространялось очень широко, вызывая скрежет зубовный официальных руководителей германского социал-шовинизма.

*

С 5 по 8 сентября 1915 г. в Циммервальде заседала первая международная социалистическая конференция противников войны. Сам Либкнехт не мог приехать на конференцию, ибо был на фронте. Сторонники его, присутствовавшие на конференции, не освободились еще от ряда доктринерских ошибок и далеко еще не поддерживали всех

позиций Ленина. Но личный авторитет Карла Либкнехта как застрельщика и знаменосца в борьбе рабочих против империалистской войны был уже огромен. Наиболее видным представителем германской делегации в Циммервальде был Георг Ледебур, тогда «левый» представитель централизма. На Циммервальдской конференции Ледебур отгораживался от Либкнехта, утверждая, что своим голосованием против кредитов и открытым нарушением дисциплины Либкнехт-де только «помог правым». В отчете о Циммервальдской конференции, помещенном в ленинском «С.-Д», отмечалось, что на конференции было прочитано официальное письмо от одного очень известного представителя немецкой левой, который выступал (не называя его) против Ледебура, требовал «беспощадного суда над перебежчиками», настаивал на том, что колеблющихся надо клеймить, заявлял, что III Интернационал может быть построен только «на обломках» II и т. д. Кроме того, среди делегатов циркулировало частное письмо другого, столь же видного представителя немецкой левой, который заявлял, что считает громадной ошибкой попытку сближения с Каутским — Гаазе — Бернштейном, что примиренческое течение «центра» способно только повредить левому крылу.

Первое из этих писем принадлежало Карлу Либкнехту. Второе Розе Люксембург. Ленинский орган не назвал имен только из соображений безопасности Розы и Карла.

Это историческое письмо Карла Либкнехта по-немецки впервые было опубликовано лишь в 1925 г., а на русском языке еще не опубликовано до сих пор вовсе. Его необходимо здесь привести.

2 сентября 1915 г.

Дорогие товарищи!

Простите, что пишу наспех. Я. — пленник в лапах милитаристов. К вам приехать я не могу. Но всем сердцем, всеми мыслями, всем своим существом я с вами.

Перед вами — две серьезных задачи. Одна из них будет вам продиктована суровым долгом. Другая — священным энтузиазмом, горячей надеждой.

Суда, беспощадного суда над перебежчиками, над дезертирами, предавшими знамя Интернационала в Германии, Англии, Франции и в других странах!

А те, кто остался верен нашему знамени, кто ни на пядь не отступит перед империализмом, кто решил бороться до конца, не боясь жертв, — те пусть сговорятся друг с другом, подбодрят и воодушевят друг друга для

новой борьбы. Сумейте создать полный порядок в рядах тех, кто решился биться до конца, кто обеими ногами стоит на почве международного социализма.

Надо коротко сформулировать наше отношение к мировой войне как одному из проявлений капитализма. Я говорю «коротко», ибо надеюсь, что тут мы все единодушны, что тут вы все единодушны и должны быть единодушны. Главная задача — сделать соответствующие *тактические* выводы. Решительно и до конца — для всех стран.

Не гражданский мир, но гражданская война! Международная пролетарская солидарность — против псевдонациональной, псевдопатриотической «гармонии классов»! Международная классовая борьба за мир, за социалистическую революцию! Надо точно сговориться, как именно вести эту борьбу. Только в тесном сотрудничестве, только во взаимодействии различных стран, только помогая друг другу усиливать борьбу — мы разбудим все силы и достигнем максимально возможных результатов.

От наших друзей в каждой данной стране зависят перспективы и надежды наших друзей в других странах. Товарищи французские социалисты и товарищи немецкие социалисты, ваши судьбы особенно неразрывны! Друзья французские социалисты, я заклинаю вас, не поддавайтесь не только фразам о национальном единстве, — от этого вы застрахованы, — но и столь же опасным фразам о партийном единстве! Всякий ваш протест против этого «единства», всякое ваше заявление против официозной политики, всякое ваше смелое слово о классовой борьбе и солидарности с нами, всякое ваше подтверждение воли к пролетарскому миру, — все это усиливает дух борьбы у нас, удесятерит наши силы, помогает нам бороться за те же цели у нас, в Германии, бороться за дело пролетариата всего мира, за его политическое освобождение, за его освобождение от цепей капитализма, от цепей царизма, кайзеризма, юнкеризма и милитаризма, ибо милитаризм тоже достаточно интернационален. Этим вы поможете нам успешнее бороться в Германии за политическое и социальное освобождение немецкого народа, против всемогущества и алчности германских империалистов — за быстрый мир без завоеваний и насилий, за мир, который сделал бы свободной и независимой несчастную Бельгию и вернул бы Францию французскому народу.

Братья французы! Мы знаем особые трудности вашего положения и болеем душой вместе с вами, как и с угнетаемыми и распинаемыми массами других народов. Ваши несчастья — наши несчастья. И наша боль,

мы знаем это, есть и ваша боль. Смотрите на нашу борьбу, как на свою собственную. Помогите нам, а мы даем обет помочь вам.

Новый Интернационал подыметя на обломках старого. Он может подняться только на новом фундаменте. Друзья, социалисты всех стран, вам выпадает на долю положить первый камень в этот фундамент. Будьте непримиримы, когда станете судить фальшивых социалистов. Беспощадно подхлестывайте выжидающих и колеблющихся всех стран — в том числе и Германии. Величие цели подымет вас над всеми мелочами текущего момента, над всей неприглядностью этих ужасных дней.

Да здравствует грядущий мир народов! Да здравствует антимилитаризм! Да здравствует интернациональный революционный социализм, освободитель всех народов!

Пролетарии все стран, соединяйтесь вновь!

Карл Либкнехт.

— *Не гражданский мир, но гражданская война — таков наш пароль!*

Это вплотную уже подводило Карла Либкнехта к главному лозунгу Ленина...

В августе и декабре 1915 г. Либкнехт опять был отпущен с фронта в Берлин — ввиду заседаний рейхстага. Оба раза поездки эти были использованы не столько для «работы» в рейхстаге — там Либкнехт вынужден был ограничиваться отдельными бичующими репликами — сколько для работы в революционном подполье.

В какой обстановке приходилось Карлу Либкнехту выступать в рейхстаге, видно из следующей стенографической записи речи Либкнехта, когда рейхстаг в четвертый раз проводил ассигновки на войну (цитируем по «Reden und Aufsätze», стр. 145–146):

«*Либкнехт.* Германские займы, вследствие возможности, их закладывать и на полученные от залога деньги подписываться на новые займы, не плохо окрестили «Perpetuum mobile». В известном смысле они напоминают карусель. В значительной мере дело сводится к централизации общественных средств в государственной кассе...

Звонок председателя. Большое беспокойство на всех скамьях. Возбужденные восклицания с мест: «Должны ли мы терпеть это, господин председатель? — Государственная измена! — Это неслыханно!» Продолжительные звонки.

Либкнехт. Я имею право критиковать. Правду необходимо сказать. Вы хотите помешать мне сделать это...

Продолжительные возбужденные восклицания с мест.

Продолжительные звонки.

Председатель. Господа, я прошу прекратить крики с мест. Я могу во всяком случае выразить мое сожаление, что немец употребил с этой трибуны такие выражения, какие последовали со стороны депутата д-ра Либкнехта.

Живое одобрение. Возбужденные восклицания с мест: «Он не немец».

Либкнехт. Вы — представители капиталистических интересов. Я — социал-демократ, представитель интернационального пролетариата.

Бурные крики: «Сумасшедший дом! — Бессмыслица!» Звонок председателя.

Председатель. Господа, я должен...

Длительное большое возбуждение. Длительные звонки.

Либкнехт. Ваши крики с мест — честь для меня. Это...

Непрекращающийся шум. Возбужденные крики с мест. Звонки председателя.

Председатель. Господа, так нельзя. Я прошу спокойствия.

Крики с мест: «Господин председатель, вы должны здесь навести порядок. — Долой его! — Мы не потерпим этого».

Д-р Либкнехт пытается продолжать говорить.

Длительные возбужденные крики с мест. Длительные звонки. Бурные крики с мест.

Председатель. Я должен просить вас, господа, сохранять спокойствие. Вы можете положиться на то, что я сохраню порядок (возбужденные крики с мест), также и порядок в отношении депутата д-ра Либкнехта (длительный шум. Голос с места: «Я прошу слова к порядку»), Я не могу теперь дать слова к порядку. Я должен поступать по регламенту.

Длительные возбужденные крики с мест: «Нет, нет» Он не должен говорить!»

Либкнехт. Господа, вчера в печати появилось сопоставление...

Бурные крики с мест: «Довольно, довольно!»

Либкнехт. Разве у вас так много такого, что вы должны скрывать? Правда должна быть сказана. Вчера в печати появилось сопоставление четвертого военного займа...

Длительное большое беспокойство и резкие требования лишить слова. Один из депутатов вырывает у оратора его бумаги и бросает их на пол. Длительные бурные аплодисменты. Все возобновляющиеся крики «браво!» Депутат д-р Либкнехт покидает трибуну и снова возвращается обратно.

Председатель. Господин депутат д-р Либкнехт, вы покинули трибуну?

Либкнехт. Господин председатель. Это подлое насилие. Я не удалялся. Бумаги, которые у меня вырвал один из членов рейхстага...

Длительные возбужденные крики с мест: «Он не должен говорить.»
Либкнехт. Я поднял, господин председатель. Разве вы не видели, что у меня вырвали бумаги. Я еще на трибуне...

Длительные бурные крики: «Конец, конец». Звонок председателя.

Либкнехт. Господин председатель. Это бесчестно с вашей стороны. Можете ли вы оправдать это перед своей совестью?

Бурные возбужденные крики: «Долой его!»

Председатель. Господин депутат д-р Либкнехт, я призываю вас прежде всего к порядку, а потом я исключаю вас с заседания за грубое нарушение порядка в рейхстаге.

Длительное бурное одобрение. Депутат д-р Либкнехт хочет возражать, продолжает восклицать: «Это бесчестно!» Длительные звонки. Длительное возбуждение всего зала».

Записавшихся больше нет. Прения закончены...

Когда в августе 1915 г. в рейхстаге на обсуждении стояло 4-е требование кредитов на войну, Либкнехт голосовал против них все еще в единственном числе. В декабре 1915 г. в рейхстаге обсуждалась уже пятая ассигновка на военные надобности. Тут впервые против военных кредитов голосовали 21 с.-д. депутат. Это были будущие «независимые», образовавшие теперь временную (группу «Sozialdemokratische Arbeitsgemeinschaft» — «классические» представители германского центризма; во главе этой группы тогда стояли Гаазе, Каутский, Бернштейн (во время войны последний перешел на позиции центризма).

21 декабря 1915 г. впервые выступили со своей публичной декларацией в рейхстаге эти центристы. 31 декабря 1915 г., в ночь под новый год, в квартире Карла Либкнехта собралась нелегальная всегерманская конференция «группы Интернационал» (спартаковцы), и одним из пунктов порядка дня ее было отношение к оформившейся в декабре группе центристов, которых покойный ныне Юлиан Борхардт остроумно назвал «декабристами 1915 года». Под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург были выработаны тезисы, содержащие всестороннюю оценку позиции этих центристов.

В этих полемических тезисах нашло себе яркое выражение тогдашнее настроение Карла Либкнехта.

«Единодушны ли они (т. е. 21 депутат) в основных взглядах? Нисколько! Кто они? Немногие из них — принципиальные приверженцы

интернационализма, действительно отклоняющие лживую фразу о «защите родины», — а рядом с ними всякого рода пацифисты, публично по всякому поводу выставляющие напоказ свое «истиннопатриотичное» сердце, разного рода поклонники Гинденбурга и Фалькенгейма, но полагающие, что теперь Германия одержала уже достаточно побед; здесь собрались и враги и сторонники 4 августа, люди совершенно противоположного образа мыслей, вода и огонь».

Принципиальное единодушие является первой предпосылкой возможности серьезного действия. У наших «декабристов» отсутствует эта предпосылка, — констатируют спартаковцы.

«Меньшинство 21 декабря, действующее с благословения Каутского, уже в первый день не было тесным товариществом, а было только случайным сбродом из самых различных элементов, соединившихся только для отдельного случая. Этот конгломерат стал бы громадным злом, если бы связывал свободную инициативу своих наиболее крайних элементов».

Конечно, открытое голосование против кредитов было известным шагом вперед. Конечно, имеет значение и то, что еще 18 человек прошли через чистилище «нарушения дисциплины» и выступили против кредитов на пленуме рейхстага, хотя и с опозданием на семнадцать месяцев. Однако все содержание их заявления сразу же обнаруживает половинчатость этого выступления.

Заявление должно было бы разить противников громом и молнией, на деле дух его — дух умеренных «здравомыслящих» государственных людей.

«Уже в первом заседании с.-д. фракции после декабрьского «действия» царил sentimentalная атмосфера весеннего ветерка вместо естественного в этом положении урагана; вместо бурного ливня шел мелкий дождичек». Меньшинство кокетничало с мыслью об угрожающем ему якобы исключении из фракции, но серьезно об этом пока никто и не думал. Грозный суд над новыми нарушителями дисциплины превратился в комедию «предостережений» и угроз на случай будущих более грубых «прегрешений» меньшинства. Готовность к «дисциплинированному совместному действию» во всех других областях, кроме вопроса о кредитах, надежда на «скорое и полное единодушие» смягчили настроение как большинства, так и меньшинства.

Уже 20 декабря «декабристы» начали свою «историческую» работу попыткой связать свободную инициативу решительно настроенных элементов оппозиции и принизить общий голос оппозиции до вялого тона наиболее умеренных «соратников». Если их попытка не удалась, то не по их вине.

«Можно ли рассматривать день 21 декабря как освобождение? Нет! В лучшем случае он был обещанием, которое не было исполнено. Он мог быть переходом Рубикона, но он не стал им и не станет до тех пор, пока весенняя гроза народного негодования не рассеет угара оппортунистической политики и не раскидает самым беспощадным образом гнилой кустарник и сучья половинчатости, которые загораживают еще дорогу живому движению масс»...

Резкая критика по адресу «декабристов 1915 года», однако, не была додумана до конца группой «Интернационал». Либкнехт не дал себе связать рук в рейхстаге и не позволил принизить тон его агитации «до вялого тона наиболее умеренных» сторонников оппозиции. Но все же сторонники Карла Либкнехта и Розы Люксембург оставались в известной организационной связи с «декабристами» и впоследствии в течение значительного промежутка времени все еще входили в партию «независимых». Боязнь раскола с оппортунистами все еще была очень велика. Необходимость немедленного создания во что бы то ни стало своей самостоятельной коммунистической большевистской партии не была еще ясна. Окончательный раскол пришел в Германии чересчур поздно — на беду для всего мирового пролетарского движения.

На этой же нелегальной конференции в квартире Карла Либкнехта решено было приступить к изданию «Писем Спартака» («Spartakusbriefe»). Скоро они и появились под заглавием «Политические письма» и с подписью «Спартак». В первом номере помещены были тезисы «Декабристы 1915 года», написанные Розой Люксембург в сотрудничестве с Карлом Либкнехтом.

Так закончился для Карла Либкнехта 1915 год. За этот год движение революционных пролетариев, возглавлявшееся Либкнехтом, выросло и возмужало. За этот год влияние имени Либкнехта выросло и на фронтах и становилось легендарным. За этот год сам Либкнехт закалился в нелегальной работе на фронте и в тылу. За этот год Карл Либкнехт собственными глазами увидел все ужасы империалистской бойни на фронте и дал себе клятву: биться против нее еще сильнее, еще страстней, до последнего вздоха, до последней капли крови.

VI. КАРЛ ЛИБКНЕХТ НА ПОТСДАМСКОЙ ПЛОЩАДИ 1916 ГОД

*...Поверните оружие против классовых врагов
внутри страны!*

Либкнехт в рейхстаге в 1916 г.

*...Сам я чувствую потребность в свете, но меня не
запугают и мраком.*

*Заявление Либкнехта из тюрьмы 21 июня
1916 г.*

*...Цель войны, к которой я стремлюсь заключается
в том, чтобы все империалистические государства —
их правительства и правящие классы были побеждены
массой собственного народа.*

*Заявление Либкнехта военному суду 23 авг.
1916 г.*

12 ЯНВАРЯ 1916 г. Карла Либкнехта официально исключают из с.-д. партии.

Война затягивалась. Германская империалистская буржуазия и ее «социал-демократия» все больше убеждались, что война затянется еще на долгий срок. Преследования против революционных рабочих и солдат принимали все более неистовый характер. В то же время выступление центристов с показной борьбой против официального социал-шовинистского большинства сыпало песок в глаза рабочих. Проголосовав формально против военных кредитов в рейхстаге, центристы вслед за тем подняли неистовый крик о том, что «оппозиция» должна быть во, что бы то ни стало «единой», что «люди вроде Карла Либкнехта» разрушают это

единство и т. и. В обстановке осадного положения, военной цензуры, системы доносов и неслыханного шпионажа Либкнехту и его единомышленникам было не легко вести полемику на нескольких фронтах сразу.

Лозунг «единства» в те времена особенно ловко эксплуатировался социал-шовинистами и центристами. Социал-шовинисты орудовали с помощью лозунга «единства всей оппозиции внутри с.-д.». Борьба против этих лозунгов неизбежно сопряжена была с большими трудностями, ибо политически неискушенные слои рабочих особенно легко поддавались этой лживой проповеди «единства». И вот Либкнехт специально разъясняет рабочим эту проблему.

Нелегальные «Письма Спартака» помещают в это время статью «Насущный вопрос социализма», разбирающую специально вопрос об «единстве оппозиции».

«Что такое «оппозиция»? Новый идол вместо только что поваленного.

«Что такое «концентрация»? Новая ложь вместо только что изобличенной.

«Что такое «единство»? Новый гнет «дисциплин» вместо только что преодоленного.

«Нет, трижды нет!»

Да, единство было бы возможно, если бы «оппозиция» была единой в принципах и тактике, способной и готовой к действию. Но она не такова... Общая работа! — Поскольку есть согласие во взглядах — да! «Концентрация сил» без взаимного понимания, без принципиального единения — нет! Под гнетом военной диктатуры и «гражданского мира», в сумерки богов и в дни потопа менее, чем когда-либо, допустимо такое «единство».

Не «единство», но «ясность» превыше всего! Не мягкость и терпимость (внутри самой оппозиции), но беспощадная критика, проникающая до последнего уголка. От беспощадного вскрытия и обнаружения разногласий к принципиальному и тактическому единению, а тем самым к способности к действию и тем самым к единству, — таков должен быть путь... Неужели на пороге нового Интернационала будет происходить новое затушевывание, новое замазывание расхождений. Неужели новый Интернационал получит в наследство «самое злое, самое застарелое проклятие, которое погубило прежний Интернационал?»

«Тогда уж лучше назад, в старое болото. Оно не глубже нового!»

В то же время «Письма Спартака» печатают тезисы, излагающие

программу группы Либкнехта — Люксембург в *положительном* виде. В предисловии говорится, что они приняты большим числом товарищей из всех частей Германии и что эти тезисы «представляют собой применение Эрфуртской программы к современным проблемам международного социализма». Вся программа была изложена в 12 тезисах. Главнейшие их практические выводы гласили:

«Центр тяжести классовой организации пролетариата лежит в *Интернационале*.

«Обязанность выполнять постановления Интернационала стоит впереди всех других обязанностей рабочих организаций».

Эти два вывода особенно часто цитировал впоследствии Карл Либкнехт. Для него они действительно стали руководством к действию.

Сильные и слабые стороны этих тезисов исчерпывающе разобраны в непревзойденных работах Ленина, посвященных критике брошюры Юниуса и самим тезисам группы «Интернационал». К этим классическим работам Ленина мы и отсылаем читателя, желающего пристальнее ознакомиться с «нашими разногласиями» тогдашнего времени...

К весенней сессии рейхстага Либкнехт опять в Берлине.

В марте 1917 г. Роза Люксембург, вспоминая обстановку весны 1916 г., писала из тюрьмы Луизе Каутской:

«Бедный Карл (т. е. Карл Либкнехт) уже давно живет как бы «галопом»; постоянно вынужден торопиться, вечно спешить на свидания с бесконечным количеством людей, на заседания комиссий и т. п.; постоянно он обложен пакетами, газетами; карманы полны записок и бумажек; постоянно перескакивает из авто в трамвай, из трамвая в вагон железной дороги; и душа и тело покрыты уличной пылью... Таков Карл, хотя внутренне он на редкость глубоко поэтическая натура и может радоваться любому цветку, как ребенок. Я принудила его (весной 1916 г.) пойти со мной два раза погулять и полюбоваться наступившей весной. Как он ожил тогда! И вот теперь передо мной на столике в моей тюремной камере его портрет — Соне (жене Либкнехта) пришла блестящая мысль подарить мне его ко дню рождения — и каждый раз при взгляде на него сердце мое сжимается болью». (*Роза Люксембург, «Письма к Карлу и Луизе Каутским», нем. изд., стр. 202*).

Эти слова Розы дают некоторое представление о жизни и работе Карла весной 1916 года.

23 марта 1916 года ему удастся — впервые за время войны — получить слово в рейхстаге. Но при первых же его словах господа «законодатели» подымают неистовый крик, свист и улюлюканье. Особенно

стараятся «товарищи» из «социал-демократической» фракции. Слово Либкнехту «предоставили», но говорить на деле не дали.

18 центристов голосуют в пленуме рейхстага против военных кредитов. Их исключают теперь из с.-д. фракции рейхстага. Либкнехт и его друзья выпускают по этому поводу нелегальный листок к членам партии под заголовком «Уроки 24 марта». В нем они говорят:

«События в рейхстаге 24 марта, приведшие к исключению из официальной социал-демократической партии 18 депутатов, являются ярким симптомом неправильности политики, которую с 4 августа 1914 г. повели партийные верхи. Во многом можно упрекнуть депутатов Гаазе, Ледебура и их друзей, но уж во всяком случае не в недостатке долготерпения и излишке решимости, резкости и последовательности. Эти 18 депутатов вот уже почти два года терпеливо сносили иго фракционного большинства. Они допустили, что фракция 4 раза голосовала от имени германского рабочего класса за военные кредиты.

«Они не смели протестовать против этой неслыханной измены социализму чем-либо другим, кроме бегства из зала заседаний, т. е. собственным исключением, в момент важнейших истерических решений. Когда, наконец, при сороковом миллиарде они решились 21 декабря 1915 г. голосовать в рейхстаге против кредитов, они поторопились дать такое объяснение своему отказу, которое (вспомним указание на «достаточно защищенные границы» Германии) является уступкой основной позиции социал-шовинистского «большинства» и ударом по делу международной солидарности с французскими, бельгийскими, русскими и сербскими товарищами... Больше того: они поддержали большинство с.-д. фракции, когда оно, в союзе с буржуазными партиями, *хотело* выбить оружие «мелких запросов» из рук Карла Либкнехта. Наконец, сии спокойно смотрели, как выставили из фракции Карла Либкнехта и Отто Рюле точно таким же способом, как теперь выставляют самих Гаазе, Ледебура и товарищей; они спокойно оставались в официальной фракции, не солидаризируясь с Либкнехтом и Рюле...

«Таким образом, эти 18 депутатов в течение почти двух лет и до последнего времени были в лоне фракции не оппозицией, а поистине только тенью оппозиции...

«Половинчатые люди не могут в 24 часа стать львами...

«Товарищи! Партия — это не чиновники, депутаты или редакторы, партия — это массы организованных пролетариев, это дух социалистической классовой борьбы. Партия — это вы. Поэтому бодро за дело, чтобы отвоевать назад партию, которую кучка предателей,

занимающих высокие должности, превратила в агентуру империализма. Не миритесь с выходкой изменников 24 марта. Скажите громко, что не признаете больше фракционное большинство Давида — Гейне — Носке за представителей социал-демократии, требуйте громко от изменников сложения опороченных ими мандатов.

«Прекратите платить ваши взносы этому комитету!..»

«Отвоевание партии» все еще остается лозунгом группы «Интернационал»; она все еще считает преждевременным выкинуть лозунг создания новой, подлинно-пролетарской партии. В этом все еще коренная слабость позиции группы.

8 апреля 1916 г. Либкнехт вновь пробует говорить с трибуны рейхстага, но как только он заявляет, что «попытается изложить, почему именно он предлагает всему населению Германии принципиально перестать платить какие-бы то ни было налоги правительству осадного положения, правительству войны», — в «высокой» палате начинается настоящий дебош. Либкнехта сталкивают с трибуны, у него вырывают из рук его заметки и тут же разрывают их в клочки, сбивают его пенснэ и ревут, как оглашенные. Угрозы сыплются со всех сторон.

На этом «фронте» физическая победа осталась, конечно, за противниками Либкнехта. Пятьсот против одного да еще подкрепленные парламентскими приставами, применяющими совсем не парламентские методы воздействия на пролетарского бойца, — они храбры. Они заткнули рот Либкнехту и продолжали осыпать его злобной бранью в течение всего заседания. Выходя из рейхстага, он встречал в кулуарах только перекошенные физиономии и полные ненависти взгляды.

Но скоро Карл Либкнехт возьмет реванш — на Потсдамской площади Берлина...

*

В Берлине в это время готовилась первомайская демонстрация — первая революционная демонстрация в Германии с начала мировой войны. Ее вдохновителем, организатором, знаменосцем, руководителем был Карл Либкнехт. Вся подготовительная работа велась, разумеется, нелегально. Либкнехт ушел в нее с головой. Он прежде всего написал соответствующий нелегальный листок «Все на маевку» и вместе с Тышко руководил нелегальным напечатанием его. Листок раздавался сначала только рабочим-активистам с приложением к каждой прокламации нескольких маленьких

листочков со следующим текстом: «Кто против войны, приходи 1 мая, в 8 час. вечера, на Потсдамскую площадь. Хлеба. Свободы. Мира!» Перед самым 1 мая листки стали распространять шире — и с громадным успехом.

Организация спартаковцев обратилась сначала к так называемой группе Ледебура и предложила ей устроить демонстрацию совместными силами. Те отказались. В качестве главного «мотива» отказа выставлялось то соображение, что у массы нет-де соответствующего настроения, что «ничего из этой затеи не выйдет и мы попадем только в смешное положение». Другой «мотив» был тот, что спартаковцы изготовили свою прокламацию и выпустили-де ее, «не посоветовавшись» предварительно с «остальной оппозицией». Словом, люди *не хотели* пойти на демонстрацию. Тогда спартаковцы решили итти одни.

Карл Либкнехт заявил своим ближайшим товарищам, что он пойдет лично на Потсдамскую площадь и станет во главе ее практического руководства. Товарищи запротестовали, будучи уверены, что его арестуют, а может быть его постигнет кое-что и похуже. Либкнехт поставил вопрос ребром: он пойдет *во что бы то ни стало!* Товарищи стали возражать еще более решительно. Где это видано, чтобы главнокомандующий шел лично на первую линию огня под верную пулю неприятеля? Когда это слыхано, чтобы в такой трудной обстановке организация жертвовала ради одной демонстрации самым популярным вождем, самым необходимым человеком? Но Либкнехт спокойно отвечал на это, что товарищи неправы. Вся обстановка именно такова, что *необходимо пойти ему*. Слишком много разочарований было у масс именно в связи с личным поведением вождей. Теперь под неприятельский огонь в первый раз должен повести рабочих именно тот руководитель, которого они больше всех других знают и с чьим именем больше других связывается движение. Если он не пойдет, враги закричат, что рядовых рабочих послали под расстрел, а вожди остались дома. Итти надо ему и он *пойдет*. Потери окупятся. Демонстрация получит большое значение для всей дальнейшей борьбы не только немецкого, но и всего международного пролетариата. Организация должна назначить руководителем демонстрации именно его.

И Либкнехт *пошел* на Потсдамскую площадь. В солдатских сапогах, в поношенной куртке солдата рабочего батальона явился он на место сбора рабочих и сначала не был узан толпой. Но когда через несколько мгновений его узнали, энтузиазму не было предела.

Потсдамская площадь и прилегающие улицы уже к 7 часам были переполнены пешей и конной полицией. Ровно в 8 часов на площади собралась густая толпа демонстрантов, среди которых было очень много

молодежи и женщин; вскоре начались горячие стычки с полицией. «Синие» и главным образом их офицеры стали вскоре чрезвычайно нервничать и принялись толкать и теснить собравшихся.

В эту минуту во главе толпы в центре Потсдамской площади раздался ясный, звучный голос Карла Либкнехта: «Долой войну! Долой правительство!» Тотчас же его окружила целая куча полицейских, которые отделили его кордоном от толпы и увели Под стражей на Потсдамский вокзал. Вслед арестованному понеслись крики: «Да здравствует Либкнехт!»

Полицейские немедленно ринулись в толпу и стали производить новые аресты. После увода Карла Либкнехта полиция, подстрекаемая, своими начальниками, которые вели себя самым грубым образом, начала вытеснять толпу в боковые улицы. Таким образом, сформировались три больших процессии демонстрантов, — в Кетнерштрассе, в Линксштрассе и в Кениггретцерштрассе, — которые медленно и при непрерывных стычках с полицией подвигались вперед. Возгласы: «Долой войну!», «Да здравствует мир!», «Да здравствует Интернационал!» раздавались друг за другом и повторялись тысячами людей. Но громче всех подхватывала толпа возглас: «Да здравствует Либкнехт!» Весть об его аресте быстро распространилась среди демонстрантов. Тысячи видели его во главе демонстрации и слышали его зажигающие призывы. Ожесточение и боль за любимого вождя, когда массы узнали, что он в когтях полиции, наполнили все сердца. Протесты были на устах у всех. Особенно активно вели себя женщины, громко проклиная полицию, войну, правительство. До 10 часов продолжалась демонстрация, причем толпа в трех главных колоннах на боковых улицах все время пыталась вновь слиться, но каждый раз сдерживалась кишевшей повсюду иседавшей полицией. Революционные возгласы сменялись пением рабочей марсельезы и марша социалистов. Только в половине одиннадцатого, а местами еще позже, демонстранты постепенно разошлись в очень приподнятом настроении. Число демонстрантов, по самым скромным расчетам, достигало десяти тысяч.

Какой страх нагнала демонстрация на правительство, — видно из того, что вся прилегающая к Потсдамской площади местность была до полуночи буквально наводнена конной полицией, а на плацу Потсдамского вокзала, где расположилось главное командование, беготня взад и вперед патрулей, нервная суетня не прекращалась почти до часу ночи. (Заимствуем это описание из «Спартакоских писем» № 6 и отчасти из буржуазных газет.)

Обстановка ареста Либкнехта на Потсдамской площади зафиксирована в полицейском протоколе почти «художественно». Вот эта полицейская запись:

«Находившиеся поблизости полицейские Беккер и Ратке схватили неизвестного им по имени оратора, чтобы отвести его в полицейское управление. Обвиняемый оказал сопротивление, отбиваясь руками, откидывая назад верхнюю часть тела и упираясь ногами об землю. Полицейским пришлось прямо «поднять на воздух» задержанного, чтобы повести его дальше. Еще пока его отводили в полицейское управление, обвиняемый опять воскликнул: «Долой войну! Долой правительство!» Вскоре после ареста обвиняемого толпа разошлась. Во время описанных происшествий через Потсдамскую площадь прошло несколько сот солдат, большую часть с вокзала или на вокзал, но участия в демонстрации они не принимали; отдельные из них по-видимому хотели было задержаться, но военные патрули заставляли их проходить дальше».

Аналогичные демонстрации первого мая 1916 г. были устроены друзьями Либкнехта в Дрездене, Пирне, Йене, Штутгарте, Магдебурге, Брауншвейге, Лейпциге, Киле, Бремене и Дуйсбурге. В Ганау 1 мая на общем собрании рабочих членов с.-д. партии демонстративно вынесена была резолюция приветствия Карлу Либкнехту.

За три дня до маевки Карл Либкнехт, который не сомневался, что в лучшем случае он попадет с Потсдамской площади прямо в тюрьму, написал (28 апреля 1916 г.) письмо президенту рейхстага, представляющее собою последний «парламентский» акт депутата-солдата.

«Господин президент!

Рейхстаг распущен на каникулы до 2 мая. По газетным сведениям, имеется намерение открыть пленарные заседания еще позже. Я протестую против этого и требую немедленного созыва, парламента..

Конфликт с Америкой, а вместе с тем и вопрос дальнейшего расширения, обострения и продления войны вступил в критический фазис. Правительство собирается и этот существенный для немецкого народа вопрос решить в темном кабинете тайной дипломатии, в то время как на шее народных масс затянута веревка осадного положения. Империалистические спекулянты, наживающиеся на войне, снова пускают в ход свое влияние, готовясь навязать народным массам новые жертвы, новые страдания.

Германское правительство, апеллирующее к американскому народу, надо заставить выслушать также мнение германского народа, который требует мирного разрешения конфликта, немедленного прекращения злополучной подводной войны против торговых судов, немедленного открытия мирных переговоров на основе отказа от аннексий.

Хотя большинство рейхстага и представляет собой только охранный корпус милитаризма и ширму для военной диктатуры; хотя оно, оставляя далеко за собой даже русскую Думу, ввело для самого себя неслыханное осадное положение с целью подавления всякого серьезного оппозиционного выступления внутри рейхстага, я считаю своей обязанностью требовать:

— чтобы правительство в экстренно созванном пленарном заседании рейхстага представило общественному мнению весь материал относительно конфликта и изложило свои соображения и намерения, — что даст возможность требовать окончательного и немедленного снятия осадного положения, дабы германский народ мог при решении конфликта положить на чашу весов свое веское слово.

С почтением

Карл Либкнехт».

Раньше чем отправиться на Потсдамскую площадь, Либкнехт позаботился, чтобы это письмо пошло в нелегальную типографию и отпечатано было листком для рабочих.

*

Как только за героическим вождем спартаковцев закрылись ворота тюрьмы, германский рейхстаг (о котором «Письма Спартака» прекрасно сказали, что он превратился в «свору собак» после того, как из него выбыл единственный человек, защищавший принципиальную политику интернационалистического социализма) поставил на повестку вопрос о лишении Карла Либкнехта депутатского иммунитета. 11 мая 1916 г. вопрос этот обсуждался в этом, с позволения сказать, органе народного представительства. Не стоит передавать здесь всех прений. Но отрезок из речи с.-д. вождя Ландсберга — будущего «революционного» министра в 1918–1919 гг. — мы все же должны здесь привести.

«— Милостивые государи, говорил Ландсберг, обращаясь к рейхстагу, — в лице Либкнехта вы имеете дело с человеком, который утверждает, что апелляцией к массам юн хотел принудить наше правительство пойти на мир, хотя он прекрасно знает, что наше правительство перед целым светом уже не раз заявляло о своей готовности к миру... Милостивые государи, как относимся мы к этой войне — это вы знаете. Для нас это — война за родину, за очаг... Таково настроение всего народа. Это настроение нельзя

поколебать листком бумаги (т. е. прокламацией Либкнехта)... Как смешно все это предприятие! Что сказать о человеке, вообразившем, что посредством демонстрации на Потсдамской площади, посредством нелегального листка он может делать высокую политику и оказать какое-то влияние на судьбы мира! Мы окажем лучшую услугу нашему государству, если отнесемся с трезвым спокойствием к той болезненной нервозности, которая сквозит из всей затеи Либкнехта, из каждой строки его прокламации» (Стеногр. отчет герм. рейхстага, 1916 г., стр. 1027–1028)⁷

Сколько ни твердили о «трезвом спокойствии» эти предатели, именно ими все больше овладевала «болезненная нервозность». Они не могли не почувствовать, какой удар нанес им всем на Потсдамской площади Карл Либкнехт 1 мая 1916 г.

Обстановка сложилась так, что 1 мая 1916 г. героический «солдат» Карл Либкнехт был виден с Потсдамской площади рабочему классу всего мира, солдатам-фронтовикам на всех полях бойни, угнетенному и измученному человечеству всей Европы.

Конечно, легко могло случиться, что пуля настигла бы Карла Либкнехта уже в 1916. г. на Потсдамской площади. Это было бы величайшим несчастьем для мирового пролетариата. Но подстрелить Либкнехта в момент ареста на площади «они» не решились, ибо свидетелей из числа рабочих на площади и вокруг нее присутствовало слишком много. В самой же тюрьме «они» также не решились еще убивать такого всемирно-известного человека, как Либкнехт. Сначала правительство пыталось пойти по той же дорожке, по какой пошел с.-д. депутат Ландсберг в рейхстаге. Оно стало изображать демонстрацию на Потсдамской площади как малозначущий эпизод, в котором принимало участие якобы всего несколько сот человек. И вот первый бой, который должен был выдержать Карл Либкнехт в самой тюрьме, был бой за то, чтобы установить, так сказать официально, действительные размеры демонстрации.

«Описание майской демонстрации в донесении полиции достойно Фуше и Штибера, — пишет Либкнехт в заявлении, направленном им в суд берлинской королевской комендатуры. — Истина искажена в нем даже больше, чем в отчетах иностранных газет, которые мне удалось добыть. В демонстрации оказывается участвовало только «несколько сот» человек — по «точным» данным рейхстага, человек 200—да и то по большей части женщин и подростков! Через площадь проходило несколько сот солдат, «невидимому», с намерением задержаться; однако ж, всего демонстрантов было только 200 человек! И с этими двумя сотнями человек, «по большей части женщин и подростков», сильный наряд полиции вместе с военными

патрулями не могут справиться в течение двух-трех часов! Возникает необходимость на несколько часов оцепить площадь. Демонстранты разделяются на три процессии. Итого выходит на каждую процессию по 60 человек!»

Так высмеивает Либкнехт официальную версию.

На деле в демонстрации участвовало, по меньшей мере, 10 тысяч человек.

Либкнехт знал, — и в этом он не ошибался, — что первомайская 1916 г. демонстрация против войны на Потсдамской площади получает первостепенное историческое значение. Вот почему он прежде всего старался о том, чтобы было установлено действительное число ее участников и зафиксирована вся вообще конкретная обстановка демонстрации. В «Письмах Спартака», в бернской газете интернационалистского направления («Berner Tagwacht») и в заявлении Карла Либкнехта в суд комендатуры фактическая сторона демонстрации была описана со всей подробностью. Всем своим дальнейшим поведением Либкнехт позаботился о том, чтобы с достаточной полнотой было установлено и ее великое политическое значение.

Да и слишком много живых свидетелей собственными глазами наблюдали события на Потсдамской площади первого мая 1916 г. Ведь и самое место демонстрации было выбрано не случайно. Либкнехт и его друзья выбрали Потсдамскую площадь как крупнейшую артерию города, как место, находящееся поблизости к зданиям рейхстага и ландтага. Народу кругом было много. Через несколько часов после самих событий десятки тысяч людей из уст в уста передавали о случившемся — одни с симпатией, другие с проклятиями. Попытки правительства изобразить демонстрацию как малозначущий эпизод вызвали недоумение даже у многих противников Либкнехта. Во всяком случае, то, чего не доделал Либкнехт на площади, он доделал в тюрьме. Знамя, поднятое на демонстрации, не было свернуто и в каменном мешке, куда упрятали великого знаменосца.

— *Главный враг находится в собственной стране.* И этот враг — «своя» буржуазия, «свой» империализм. — Эту «формулу» Либкнехт употребил в листовке 1915 г.

Эту превосходную формулу Либкнехт скоро перечеканил в прямой призыв:

— *Поверните свое оружие против своих классовых врагов внутри страны!* — Эти слова ему удалось незадолго до его ареста прокричать из зала рейхстага рабочим и солдатам всех стран через головы империалистов. В первую минуту рейхстаг онемел от «негодования», когда раздали эти

слова Либкнехта. А затем депутаты зарычали, как собаки. Особенно «выходили из себя» вожди социал-демократии.

Но тут уж поистине подтвердилось, что «слово не воробей»... Простые, но и великие слова были сказаны с такой трибуны, откуда хорошо слышно.

«Именно теперь получает еще большее значение, чем в начале войны, тот лозунг, с которым обратилась к народам наша партия осенью 1914 года: превращение империалистской войны в гражданскую войну за социализм. Карл Либкнехт, осужденный на каторгу, присоединился к этому лозунгу, когда сказал с трибуны рейхстага: обратите оружие против своих классовых врагов внутри страны». Так писал В. И. Ленин в статье «Поворот в мировой политике».

— Главный враг — в собственной стране!

— Поверните штыки против собственных угнетателей!

С этими лозунгами переступил Либкнехт порог каторжной тюрьмы.

*

Карла Либкнехта, в буквальном смысле слова, физической силой оторвали от рабочей массы. Раньше, чем посадить его в тюрьму, пришлось насильно вырвать его из братских рядов берлинских рабочих, вышедших вместе с ним на Потсдамскую площадь.

Но вот Либкнехт посажен. Рейхстаг лишил его депутатской неприкосновенности. Ближайших друзей его арестовали. Теперь Либкнехт сидит за семью замками в подследственной тюрьме. Там с ним обходятся хуже, чем с преступником, совершившим самое тяжкое уголовное преступление. Днем и ночью камера его охраняется специальным нарядом из надзирателей и шпионов. Рядом с тюрьмой постоянно дежурят (Спрятанные в укромном месте конные и пешие отряды полиции.

Казалось бы, что может сделать при таких условиях один человек, попавший в лапы вооруженных до зубов врагов, засаженный в каменный мешок и изолированный от всего мира? Карл Либкнехт доказал, что — *очень многое!* Из обвиняемого он на следующий же день обратился в обвинителя, да еще какого страстного грозного обвинителя! Не только во время «суда», — о нем речь будет особо — но, — и во время следствия он забросал империалистов и социал-шовинистов таким количеством обвинительного материала, едкой критики, злых реплик, ядовитых эпиграмм, метких насмешек и издевательств, что следователям оставалось

только беситься от злобы.

Несмотря на всю строгость режима, Либкнехту удается установить сношения с волей, обеспечить себе доставку газет и других нужных материалов. Каждый день отправляет он судебным следователям новые заявления, представляющие собою целые статьи и обвинительные речи. С первой же минуты после того, как щелкнул за ним замок его тюремной клетки, он ставит себе задачу не оправдываться, не стараться облегчить свою вину, а продолжать наступать на врага, призывать все громады на его голову, обрушивать на него новые разоблачительные материалы, бить империалистов и их слуг по голове, не давая им ни отдыха ни срока. Каждый номер газеты, каждая военная сводка, каждое сообщение из рабочих кварталов, каждое заседание рейхстага, каждая новая книжка, каждая новая речь Вильгельма и его министров, его слуг, его «социал-демократов», — все это является материалом для почти ежедневных «заявлений» Либкнехта следственным властям. Карл Либкнехт точно издает в своей клетке ежедневную газету пролетарских интернационалистов. И какими-то неисповедимыми путями эти либкнехтовские документы через глухие стены тюрьмы, через все многочисленные решотки пробивают себе дорогу на волю к рабочим, к братьям по классу, рождая там горячий энтузиазм, великую гордость за своего передового бойца.

«Следствие» продолжалось два месяца. 28 июня 1916 г. Либкнехта судили и приговорили «только» к двум с половиной годам строгого тюремного заключения. Военный прокурор остался недоволен приговором и перенес дело в новую инстанцию. Прокурора поддержало все буржуазное «общественное мнение», включая писак из «Форвертса». 23 августа Либкнехта судили во второй раз и на этот раз приговорили к четырем годам и одному месяцу арестантских отделений и лишению гражданских прав. В октябре приговор окончательно вошел в силу.

Буржуазия до сих пор не может простить правительству Вильгельма II «слабости», якобы проявленной в отношении Карла Либкнехта. Либкнехта, — считают иные буржуа, — надо 'было немедленно расстрелять, а не создавать ему новую популярность через судебный процесс. «Во Франции Клемансо в аналогичных случаях не останавливался перед смертными казнями», ропщет еще в 1925 г. Вольфганг Брейтгаупт, один из буржуазных историков германской революции. «Государственная необходимость требовала немедленной образцовой расправы. Вместо этого оппозиции дали возможность изобразить государственное преступление Либкнехта как акт политического героизма. Судебный процесс состоялся только через

несколько недель и был поставлен так, что народ смотрел на Либкнехта только как на политического еретика. Осудить Либкнехта только на четыре года тюрьмы было второй громадной ошибкой. Либкнехту этим создали ореол мученика. Благодаря этому он стал примером в глазах других революционеров» (*Wolfgang Breithaupt* «*Volksvergiftung*» 1914–1918», S. 47). На самом деле у правительства Вильгельма II решимости для расправы с «внутренним врагом», конечно, было достаточно. Если оно не расстреляло Либкнехта, то потому, что от такой расправы ожидало для себя еще более худых последствий, чем от «мягкого» приговора.

Между маем и октябрем лежит вся эпопея борьбы Либкнехта с его судебными преследователями. В течение этих месяцев он написал ряд блестящих документов, преисполненных такой горячей и благородной страсти, такой силы убежденности и такого блеска изложения, что они одни обеспечивали бы Карлу Либкнехту горячую благодарную память в сердцах мирового пролетариата, если бы даже Либкнехту ничего другого не удалось сделать для социалистической революции. На этой эпопее борьбы из-за стен тюремной камеры и в застенке военного суда необходимо остановиться подробно.

*

3 мая 1916 г., через два дня после ареста, Либкнехту удастся отправить первую записочку на волю к жене. Первое, о чем просит Либкнехт в этой записке, помеченной «Северная военная тюрьма», — это следующее:

«Ни в коем случае не обращайтесь к другим адвокатам, кроме Те-деля (брат Либкнехта), а также не проси никого из коллег по рейхстагу. Я не желаю их услуг, даже если то будет с самыми лучшими намерениями. *На этом я настаиваю.* Если ты с кем-нибудь уже говорила, то немедленно возьми обратно свою просьбу».

Либкнехт, конечно, прекрасно знает, что его ждет очень суровая кара. Можно было ожидать самого худшего. Но первая его просьба: никаких «услуг» со стороны «коллег» по рейхстагу! Т. е. никакой помощи от — тех, кто являются врагами или полуврагами. О социал-шовинистах большинства нет и речи. Но Либкнехт не хочет и помощи со стороны таких «полудрузей», как депутаты из центристского меньшинства (имеются в виду, вероятно, Гаазе и К.). Отказавшись от всякой подобного рода помощи, Карл Либкнехт сам вступает в единоборство с военными следователями.

Сначала председатель суда королевской комендатуры в Берлине фон

Бен подписывает приказ об аресте Либкнехта только «за неисполнение служебного приказа». Но 3 мая 1916 г. тот же фон Бен подписывает еще новый приказ, в котором говорится, что солдат рабочего батальона Карл Либкнехт подлежит предварительному заключению (потому, что над ним «тяготеет подозрение, что во время войны, ведомой против германской империи, он умышленно оказывал содействие враждебной державе».

Третьего же мая «солдат Либкнехт» из стен своего каземата дает первый урок своим «обвинителям». Он отправляет им первое заявление, которое является первой же пощечиной империалистам.

Кто обвиняет меня, Либкнехта, во всевозможных преступлениях? Германское правительство! А что такое это правительство?

— «Германское правительство по своей общественной и исторической сущности есть орудие угнетения и эксплуатации трудящихся масс внутри страны; во внешней же политике оно служит интересам юнкерства, капитализма и империализма!»

Ну, а кто такой «солдат Карл Либкнехт»? Чью политику проводит он?

— «Политика, которую я провожу, предписана мне постановлением международного съезда социалистов в Штутгарте (1907), который обязал социалистов всех стран, если они не сумеют помешать войне, содействовать, по крайней мере, всеми средствами скорейшему ее окончанию и использовать созданную ею конъюнктуру для скорейшего упразднения капиталистического строя»..

«Во время войны такого рода манифестации и пропаганда являются вдвойне священным долгом каждого социалиста» — пишет Либкнехт, цитируя как раз то место из штутгартской (1907 г.) резолюции, которое принято было по предложению Ленина и Розы Люксембург.

«С самого начала войны всюду, где я только мог, я вместе с другими открыто отстаивал и проводил эту политику и, в целях наиболее успешного ее проведения, поскольку это было возможно, вступил также в сношения и с моими единомышленниками в других странах.

«Напр., поездка в Бельгию и Голландию в 1914 — г., рождественское письмо 1914 г. в Лондон, в «Labor Leader», съезды в Швейцарии, в которых, к сожалению, по независящим от меня обстоятельствам, не мог принять участие, и пр.

«Политики этой я буду и впредь держаться, чего бы это мне ни стоило...»

«Вскоре, как я надеюсь и во имя чего решил работать и впредь, эта политика станет политикой рабочего класса всех стран, и тогда этот класс будет иметь достаточно силы, чтобы сломить империалистскую волю

[ныне правящих классов и по-своему установить отношения между народами».

Подпись: «Солдат рабочего батальона Либкнехт».

8 мая 1916 г. Либкнехт решает, что одной пощечины мало для этих господ, и посылает вдогонку вторую.

К уголовному делу, возбужденному против него, он имеет сделать еще следующие замечания:

«Государственная измена» для социалиста-интернационалиста—< слово, абсолютно не имеющее смысла. Он не знает такой враждебной державы, которой бы ему могло прийти на ум «оказать содействие»-Ко всякому чужому капиталистическому правительству он относится так же революционно, как и к своему собственному. Сущность его стремлений — не в «оказывании содействия враждебной державе», а в том, чтобы при международном взаимодействии с социалистическими силами других стран совместно низвергнуть все силы империализма.

«Он борется во имя международного пролетариата против международного капитализма, ловит его там, где находит и где может сильнее поразить его, — т. е. в собственной стране. На родине своей он борется во имя международного пролетариата с собственным правительством и с господствующими классами как представителями международного капитализма.

«Всякий раз, как представлялся случай, я нападал на иностранные правительства в их собственных странах, открыто, лицом к лицу, а в Германии одновременно нападал на немецкое правительство, когда ожидал от этого за границей успеха в социалистическом смысле. Никогда бы я этого не делал, если бы это содействовало втравливанию народов в войну.

«За мою борьбу против царизма и царистской политики германского правительства я годами терпел преследования германских властей. Перед самым началом войны я — вопреки всем парламентским традициям — был выдан злобствовавшим и негодовавшим на меня прусским ландтагом адвокатскому суду чести, и этот суд, уже во время войны — в ноябре 1914 г. — вынес мне обвинительный приговор. Я представляю материал, из которого видно, как я при существующих обстоятельствах отношусь к нападкам на «враждебные» правительства.

«Социалист рассматривает кооперацию социалистов всех стран как нечто цельное; по принципу разделения труда он *сознательно* работает в своей стране, служа общей цели, *сознательно* признает свою собственную борьбу и борьбу социалистов прочих стран взаимно дополняющими друг друга.

«В таком смысле и в такой форме выступает против капиталистической войны социальная революция рабочего класса», — «докладывает» господам военным следователям «солдат рабочего — батальона Карл Либкнехт».

Обвинительный акт посвятил значительное место тому обстоятельству, что еще 1915 г. Либкнехта хотели «изъять» из армии за «Неблагонадежность». Составитель обвинительного акта выражает предположение, что это, быть может, тоже оказало влияние на поведение Либкнехта 1 мая 1916 г. В заявлении от 22 мая 1916 г. Либкнехт считает нужным опровергнуть это предположение. «То, что я сделал и в чем меня обвиняют, я сделал бы при всяких обстоятельствах, почитая это своим политическим долгом, если бы и не возбуждался вопрос об изъятии меня из рядов армии».

К концу мая для Либкнехта выясняется, что в «сферах» решили не перетягивать струну и не предъявлять Либкнехту обвинения в уже совершенной государственной измене, а только — в «покушении» на государственную измену. Первое каралось по ст. 58, а второе — по ст. 57. Статья 58 требует смертной казни. По ст. 57 можно приговорить и к одной тюрьме. В заявлении от 29 мая 1916 г. в суд берлинской военной комендатуры Либкнехт пишет: «Теперь я узнаю, что предполагается предъявить ко мне обвинение лишь в *покушении* на государственную измену и только на основании § 57. Я желал бы теперь же заявить, что для меня эти ограничения состава обвинения непонятны... Не понимаю, почему обвинение не поддерживается в ранее намеченном объеме». Это заявление Либкнехт повторяет несколько раз и во время следствия и на самом суде.

3 июня 1916 г. Либкнехту был прочитан обвинительный акт в окончательном виде. В тот же день Либкнехт отправляет в суд берлинской королевской комендатуры свой контр-документ, содержащий обвинительный акт против германских империалистов.

«Государственная измена была всегда привилегией правящих классов, князей и аристократов и является одной из самых аристократических традиций этой касты. Подлинные государственные изменники пока еще сидят не на скамье подсудимых, а в конторах металлургических заводов, фирм, ведающих вооружением армии, в больших банках, в усадьбах юнкеров-агариив; они сидят на Мольткебрюке, на Вильгельм-штрассе и Унтер ден Линден, в министерствах, во дворцах принцев королевской крови и на тронах.

«Подлинные государственные изменники в Германии — это

ответственные и безответственные члены германского правительства, бонапартисты (С нечистой социальной совестью; это те политические и капиталистические охотники за наживой и игроки *ва-банк*, те финансисты и любители всякого рода ажиотажа, которые исключительно ради своей выгоды, под защитой полуабсолютизма и тайной дипломатии, вызвали эту войну самым преступным образом. Государственные изменники — это те люди, которые ввергли человечество в хаос столкновения варварских сил, превращают Европу в груды развалин и пустыню и окутывают ее атмосферой лжи и лицемерия, в которой истина слепнет и задыхается»...

В обвинительном акте Либкнехта обвиняют в «пособничестве враждебным державам». На это Либкнехт в своем документе отвечает:

«...Обвинение попадает в хорошую компанию «Аксъон франсэз» и «информаций» таких газет, как «Матэн» и «Фигаро», хотя там меня — *iocus regit actum*^[7] — столь же справедливо, как и в немецком обвинении, клеймят агентом германского правительства. Обвинение идет по стопам французского, австрийского, итальянского, турецкого, русского и шведского «правосудия», преследующего моих единомышленников во всех этих странах, как государственных изменников, и присудившего к тюремному заключению моих друзей Хеглунда, Ольелунда и Хедена за их высокополезную пропаганду массовой стачки против войны, несколько недель тому назад в Швеции.

«Я исполнил свой долг, как и впредь неуклонно буду исполнять его, и оправдываться мне не в чем».

И действительно, отзывы, которые давались об «антипатриотических» выступлениях Либкнехта в прессе Антанты, были весьма любопытны с точки зрения классовых оценок. С одной стороны, газетам Антанты очень хотелось использовать выступления Либкнехта против Германии — ведь во время войны все средства хороши: и щекотать Польшу обещаниями независимости, и подымать Ирландию на восстание против Англии, и раздувать слухи о стачках у неприятеля, о недовольстве «его» рабочих и т. п. Но с другой стороны, газеты Антанты боялись много говорить о выступлениях Либкнехта против германских империалистов, ибо они чувствовали и сознавали, что пример будет заразителен, что рабочие и солдатские массы легко переведут слова Либкнехта с «немецкого» языка на французский, английский и т. д.

Крайне характерны были оценки либкнехтовских выступлений, дававшиеся в наших русских национал-либеральных изданиях — «Русской мысли», «Речи» и др. Струве и К° решительно предостерегали против попыток использования речей Либкнехта, направленных к разоблачению

германского империализма, видя в них «интернациональный яд». Наиболее «сознательные» (в классовом смысле) русские национал-либералы — именно потому, что они жили и подвизались в стране, где социальная почва была более всего накалена и где революция была близка — отметили попытки мелкого «использования» выступлений Либкнехта против германского империализма и открыто подчеркивали (во время войны!) солидарность интересов империалистов всех стран (в том числе и германских) *против* Либкнехтов всех стран. В «Русской мысли» Изгоев писал, что «малочисленные единомышленники Карла Либкнехта и Розы Люксембург являются людьми, не имеющими чувства долга перед своей родиной... Надо оказать, что поведение германской социал-демократии законно и разумно, как законно и разумно поведение с.-д. Франции, Бельгии и Великобритании. Наоборот: К. Либкнехт и Р. Люксембург совершают объективно крупную ошибку, обнаруживая отсутствие представления о времени и месте» («Русская мысль», 1915, IV, стр. 12). Вот она, «международная солидарность» буржуазии всех стран во время самой войны!..

О себе самом К. Либкнехт в упомянутом контр документе говорит: «*Мне не в чем оправдываться. Я просто заявляю, что я — социалист-интернационалист и стою за политику, которую уже много лет веду совершенно открыто. Я не беру назад ни единой буквы из моей брошюры, из лозунгов: «Долой правительство! Долой войну!»*, из моего заявления от 3 мая, из всего, что было мною сказано в парламенте и что вызывало яростный вой моих врагов. Оправдываться мне не в чем».

Вот как разговаривал Карл Либкнехт со своими врагами, находясь у них в плену.

6 июня 1916 г. Либкнехт вносит письменное предложение об освобождении его из-под стражи:

«Предлагаю отменить приказ о взятии меня под стражу от 3/V с. г. Следствие закончено, следовательно освобождение мое из предварительного заключения не может нанести ущерб его интересам.

В интересах воинской дисциплины не вижу надобности держать меня в тюрьме.

О побеге не может быть и речи. Вряд ли кому придет в голову парадоксальная мысль, чтобы у меня могло явиться желание уклониться от суда.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*».

7 июня это ходатайство об освобождении было отклонено.

10 июня Либкнехт посылает в суд новый дополнительный разбор

предъявленного ему обвинительного акта, подвергая осмеянию каждую фразу его и не оставляя от него камня на камне.

«Обвинение оспаривает империалистический характер войны и наличность немецких завоевательных планов. Пусть оно справится об этом у антрепренеров марокканской политики и «тигрового прыжка» в сторону Агадира — в германском генеральном штабе, у германского кронпринца, у г. фон Тирпица, у статс-секретаря Вольфа, в Дейче Банк и прочих крупных банках, у представителей металлургической промышленности... Справьтесь также у баварского короля с его династическими стремлениями и, первым делом, — у «адмирала Атлантического океана» и у имперского канцлера».

В этом заявлении Либкнехт открыто проповедует братание солдат на фронте. Разве авторам обвинительного акта не известно, пишет Либкнехт, что «начальникам нередко приходится с револьвером в руках гнать солдат в бой? Что не только отдельные и мелкие части, но сплошь и рядом крупные воинские части отказываются, далее принимать участие в этой кровавой бойне, в штурмах и т. п.; что в позиционной войне у немецких солдат очень часто завязываются почти товарищеские отношения с противником, что против этого братания приходится издавать специальные приказы по армии и что с ним борются частыми переводами воинских частей с одного места на другое?».

Не забудем, *когда и где* Либкнехт пишет эти слова: *в 1916 году*, — в *военной тюрьме Вильгельма Второго!*

«Обвинение укоряет меня в «уничжительном отношении к нашим храбрецам». Это я-то унижаю их! Тем, что призываю их выйти из своего теперешнего недостойного состояния? Тем, что я беспощадно раскрываю им глаза на те бессовестные злоупотребления, которые проделывают над ними их правители, и на то, как унижают их правящие ими при помощи трехстепенной системы выборов?»

«Могу ли я почитать своим долгом служение империализму, объединившему в себе все силы, враждебные пролетариату?..

«Я, принципиально отвергающий классовое общество, войну и милитаризм, не признаю никаких заповедей и запретов, которые идут вразрез с моим политическим и общественным долгом, в том числе и заповеди: «Убивай ближнего»...

«Я знаю, что со мною мыслит заодно множество пролетариев на фронте и в тылу, на родине, и что число их все растет. Канцлер недавно пригрозил, что «с тем, кто стоит за Либкнехтом, народ сведет счеты после войны», — я же уповаю, что народ сведет счеты совсем не с нами, а с

другими, — и, надо надеяться, полностью и не дожидаясь конца войны...»

Таков. этот замечательный документ, каждое слово (которого — вызов империалистским разбойникам и призыв к братьям по классу.

В заявлении от 11 июня 1916 г. Либкнехт просто «дразнит» цепных псов вильгельмовской юстиции: «Еще раз повторяю выраженное мною 29 мая удивление по поводу того, что обвинение вдвойне ослаблено. Как ни старались доказать, что я только *пытался* совершить преступление, но на самом деле не совершил его, это совершенно не удалось».

«К чему такая сдержанность после того, как найдено было возможным предъявить ко мне обвинение по § 89 угол. ул. и § 57 воен. ул.? Еще раз требую, чтобы обвинение было последовательным и держалось по крайней мере приведенных им пунктов обвинения» — кончает это заявление Либкнехт.

20 июня Либкнехта под конвоем троих (агентов уголовного сыска и члена военного суда в закрытом наглухо автомобиле везут на его квартиру, чтобы дать ему возможность разыскать материал, в котором он нуждался для судебного процесса. На завтра же Либкнехт пишет новое заявление суду, где в ярких красках описывает поведение «охраны» на квартире у обвиняемого и заодно предсказывает, что самый процесс судьи, конечно, захотят вести (при закрытых дверях.

«Причины этого прятанья от света вполне понятны. Сам я чувствую потребность в свете, но меня не запугают и мраком» — кончается это заявление.

21 же вечером он посылает обширное «дополнительное» заявление, в котором вновь «дразнит» судейских псов. «Посмотрим, соберется ли наконец обвинение с духом и признает ли «государственную измену» *совершенной*». Далее следует подробное описание голода, свирепствующего в дорогом отечестве, переполненных тюрем, издевательств над солдатами. И все это — в самом резком, в самом бичующем тоне...

*

Наконец, приближается день «суда».

Либкнехт знает, что суд будет «закрытым», что говорить не дадут, а сказанное во всяком случае не будет (застенографировано. И вот он изготовляет специальное письменное заявление военному суду, написанное просто, ясно, вразумительно, — так, чтобы его понял каждый рабочий. Из

него необходимо привести побольше выдержек.

«Брошюру «Идите на майский праздник» и летучку (того же содержания) я раздавал в Берлине и его окрестностях в конце апреля и 1 мая с. г. Брошюра выпущена в двух изданиях с вымышленным названием типографии.

«Вне Берлина сам я не раздавал листовок, но знал, что они раздаются, и был очень доволен этим. Ответственность за распространение я принимаю на себя.

«Точно так же принимаю на себя всю ответственность за содержание брошюры и летучки; касательно происхождения их отказываюсь давать сведения.

«На Пасху я был и Иене. Подробностей сообщать не желаю.

«Солдатам я брошюр не раздавал. Но ничего не имел против такой раздачи, ждал и желал, чтобы брошюры и летучие листки попали также и в руки солдат.

«В демонстрации на Потсдамской площади принимало участие около 10 тысяч человек, которые были разделены полицией на три процессии и оттеснены в Линк-Кетенер и Кениггретцерштрассе.

«Были там и солдаты.

«Я неоднократно кричал: «Долой правительство!», «Долой войну!» Даже и после того, как меня арестовали.

«При аресте я упирался, так как вовсе не желал, чтобы полицейские кулаки помешали мне принимать участие в демонстрации.

«Знаю, что о демонстрации и брошюре известно за границей, и это отвечает моему желанию.

«В начале февраля 1915 г. — при вступлении моем в ряды армии— в 5-м военном округе мне был объявлен начальником округа запрет принимать участие в революционных собраниях, устно и письменно вести революционную пропаганду и произносить революционные лозунги, а также запрещение носить военную форму и выезжать из Берлина. На этот запрет сослался в конце марта 1915 г. подполковник фон Линштедт, командир рабочего батальона № 45, к которому я был направлен; я сказал ему, что приказ мне известен. Несколько раз об этом приказе упоминал в марте и апреле 1915 г. также и мой ротный командир, лейтенант Генеке.

«Все это было мне известно, так же как я помнил мое солдатское положение, когда совершал вменяемые мне в вину поступки.

«Я нарушил запрет, так как он шел вразрез с моим политическим и общественным долгом...

«Ослабить, сломить и заменить властью социалистического

пролетариата власть капиталистического правительства и господствующих классов Германии, как и всех прочих стран, во всех областях, в том числе и в первую голову их *военную* власть, — такова политическая цель международного социализма...

«Упрек в государственной измене я отшвыриваю в лицо тем, кто постыдно вызвал и ведет эту самую разбойничью из всех разбойничьих войн в своих личных интересах, экономических и политических, при потворстве бессовестного правительства, — тем, кто виновен в обнищании всей Европы, на чьих руках кровь миллионов: германскому правительству, немецким империалистам; тем, кто состоит в одной компании с худшими провокаторами войны во враждебных нам государствах, — тем, у кого и в данный момент нехватает духу сделать логические выводы из их же собственного обвинения, которое они взвели на меня...

«Каково бы ни было решение суда, я останусь при своих политических взглядах, останусь социалистом-интернационалистом.

«И свою политическую борьбу, свою международно-социалистическую борьбу буду неуклонно вести по мере своих сил, — а приговор можете мне выносить, какой хотите.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*».

Этот документ, обращенный к суду, помечен 26 июня 1916 г. 28 июня Либкнехт считает необходимым дополнить его еще одним документом, центром которого является подчеркнутое изъяснение его пораженческих взглядов.

«Я стремлюсь к ослаблению и распаду именно *военной* силы германской империи, поскольку она является военной силой капиталистического правительства и господствующих классов, Германии и служит им для достижения империалистских военных целей и для политического и экономического угнетения масс. Я, конечно, одинаково стремлюсь к ослаблению и распаду военной силы и других капиталистических государств»...

Волнение среди передовых рабочих Германии в связи с предстоящим! судом над Либкнехтом достигло необычайного напряжения. Спартаковцы выпускают ряд листовок — под заглавиями: «Что с Либкнехтом» «Голод» и др.

В ряде мест Германии происходит значительное количество стачек и демонстраций. В ряде мест рабочие сами выпускают коротенькие, писанные от руки листки и листочки, иные из которых с гениальной простотой формулируют лозунги пролетариев.

«Да здравствует Либкнехт — долой резню!»

«Мира, воли, хлеба!»

«С четверга прекратить работу!»

Этими тремя строчками исчерпывается одно из воззваний, писанных самими рабочими.

Другой листочек гласит:

«К борьбе, к протесту! Оставляйте работу, покидайте заводы и фабрики!

«Встань, рабочий, бросив сон.

И пойми, как ты силен.

Без мозолистой руки

Не хотят стучать станки.

Да здравствует Либкнехт!»

Вот как для самых широких слоев рабочих имя Либкнехта слилось со всеми их страданиями, со всей их борьбой.

28 июня 1916 г. происходит «суд» над Либкнехтом.

Это судилище в сухих официальных протоколах суда берлинской комендатуры описано так (комбинируем эти протоколы с «Вольфовским» отчетом и рядом других материалов).

Состав суда («военного суда, созванного по распоряжению председателя суда берлинской комендатуры», как гласит приговор):

Судьи: 1. Майор Ретер — председательствующий. 2. Член военного суда Шрейер — ведущий заседание. 3. Товарищ военного судьи, доктор Риттгаузен. 4. Капитан фон Узедом. 5. Поручик Хильгенберг.

Представитель обвинения: член военного суда, доктор Керренс.

Письмоводитель военного суда: Кейхель.

Председатель суда первой инстанции (суд берлинской комендатуры): берлинский комендант генерал от кавалерии фон Бэн; его заместитель, внесший апелляцию 1 июля, генерал-лейтенант фон Зеебах. Зал заседаний закрыт. Вход по билетам. Небольшое помещение для зрителей битком набито. В помещении много военных.

Начало дела в 9(4 утра. После приведения ведущим заседание к присяге офицеров, назначенных судьями, обвиняемый допрошен о его личности. Затем представитель обвинения читает постановление о предании суду. В связи с этим он ходатайствует об исключении публичности на время судебного разбирательства, а вместе с тем об обсуждении его ходатайства в тайном заседании.

Председательствующий. Имеет ли кто возражения?

Обвиняемый. Я ждал этого бегства от гласности.

Ведущий заседание. Сейчас Вы должны приводить доводы по существу предложения представителя обвинения.

Обвиняемый. Как труслив немецкий милитаризм, немецкое военное правосудие! Даже обсуждение об исключении публичности должно вестись при закрытых дверях. Я требую публичности. Имейте достаточно мужества для этого.

Председательствующий. Такие речи недопустимы. Прошу публику очистить помещение для зрителей.

Публика выходит. Представитель обвинения в тайном заседании обосновывает свое ходатайство о закрытии дверей на все время судебного разбирательства. Он опирается при этом, между прочим, и на то, что даже германское народное представительство (рейхстаг) решило избежать полной публичности прений в заседании 11 мая.

Обвиняемый. Протестую против того, чтобы рейхстаг, этот покорнейший и наиболее жалкий из всех парламентов, не исключая и русской Думы, назывался народным представительством.

Председательствующий. Я не могу терпеть подобного оскорбления.

Обвиняемый. Я должен иметь право говорить без прикрас в настоящем политическом деле, где мне приходится отвечать за мои еще более резкие политические нападения на правительство и государственные учреждения.

Председательствующий. Что имеете вы сказать по поводу ходатайства представителя обвинения?

Обвиняемый. Повторяю, что я ждал этого бегства от публичности. Правительство цензуры, осадного положения и нечистой социальной совести, правительство, спекулирующее пищевыми продуктами, правительство трехклассного избирательного права «для героев отечества», правительство, на котором тяготеет кровавая вина за эту разбойничью войну, — это правительство имеет все основания прятаться в темноту. Милитаризм, же никогда не мог выносить света. Мне скрывать нечего — ни поступков, за которые я подвергаюсь преследованию, ни моей политики. Политика классовой борьбы и солидарности рабочего класса всех стран требует публичности. Я требую ее во имя международного социализма.

Суд удаляется для совещания и после открытия дверей объявляет, что публичность на время судебного разбирательства отменяется.

Обвиняемый. Поздравляю господина Бетмана-Гольвега.

Председательствующий. Прошу очистить помещение для зрителей.

В публике встает присяжный поверенный *Теодор Либкнехт*. Я прошу

разрешения присутствовать на судоговорении для супруги обвиняемого, для госпожи Розы Люксембург, лучшего личного и политического друга обвиняемого, и для себя, брата обвиняемого.

Председательствующий. Кто желает просить о допущении присутствовать при судоговорении, пусть выйдет вперед и доложит мне.

Почти все слушатели сделали такие заявления.

После краткого обмена мнений между ведущим заседание и председателем, первый объявляет, что разрешается присутствовать только некоторым находящимся в зале заседания по обязанностям службы (ведомство военной печати и т. п.) офицерам.

Присяжный поверенный Теодор Либкнехт (возбужденно). Я хорошенько не понял. Удалены ли также я и жена обвиняемого?

Председательствующий. Так решено.

Обвиняемый кричит вслед своей жене и своему брату, пока они с остальной публикой оставляют зал: — Уходите и посмейтесь над всей этой комедией!

Председательствующий. Обвиняемый, желаете ли вы высказаться по поводу обвинения.

Обвиняемый. Я объявляю следующее (ср. заявление от 28 июня). Я изложил свое объяснение письменно и передаю его теперь суду. Отказываюсь от всяких свидетелей и иных доказательств.

Затем (происходит чтение брошюры «Идите на майский праздник» и листовки, а также отзывов иностранной печати о демонстрации и брошюре. Последние, как написанные на иностранном языке, переводятся переводчиками. При этом выясняется, что приложенные к актам письменные переводы ведомства военной печати частью весьма неточны, частью прямо извращают текст. Так, по переводу, сделанному в ведомстве военной печати, «Ля Фронтьер» от 11 мая назвала манифестацию на Потсдамской площади чествованием французской республики, в действительности же речь идет о чествовании французской революции.

Обвиняемый. Устанавливаю, что эти отзывы иностранной прессы выбраны ведомством военной печати с тенденциозной партийностью, которая — мягко говоря — не может быть превзойдена. Не буду входить в подробности.

Защитник. Мы отказываемся представить свой газетный материал, который гласит совершенно иначе.

Представитель обвинения. За выбор отголосков прессы ответствен я.

Обвиняемый. Тем хуже. Тогда мои слова одновременно относятся к представителю обвинения и председателю суда. Повторяю, что я

отказываюсь от всяких свидетелей и доказательств.

Защитник. Я тоже не нуждаюсь в дальнейших доказательствах.

Председательствующий. Полагаю, что и мы также не нуждаемся в них.

После короткого перерыва слово берет представитель обвинения. Его суждения совпадают с обвинительным актом. В конце своей часовой речи он требует за попытку военной измены и неповиновения *шести лет каторжной тюрьмы и пяти лет лишения чести.*

Защитник в немногих словах, оспаривает наличие военной измены.

Суд удаляется для совещания. После часового перерыва, во время которого восстановлена публичность, объявляется приговор: *два года шесть месяцев и пять дней каторжной тюрьмы.* Прежде чем ведущий заседание приступил к обоснованию приговора, представитель обвинения предъявляет ходатайство об исключении публичности и на время объявления оснований приговора.

Обвиняемый. И это еще! Так мало доверия к цензуре! Так много страха перед народом. Но вам не удастся спрятаться.

Суд удаляется для короткого совещания и объявляет об отклонении ходатайства представителя обвинения. Следующее затем устное обоснование приговора состоит из немногих фраз. Закон не допускает иного наказания, кроме каторжной тюрьмы. Так как обвиняемый поступил согласно своим политическим убеждениям, то суд признал достаточным минимальное наказание, требуемое законом, и не коснулся гражданских прав.

Заседание закрыто в 4 часа.

*

Наконец, приговор вынесен, Либкнехт присужден к двум годам шести месяцам и трем дням тюремного заключения.

Буржуазия остается «недовольна судом». Член военного суда Керренс подает апелляцию. Он мотивирует эту апелляцию так.

Ввиду того, что обвиняемый действовал умышленно и сознательно в ущерб своему отечеству, и притом в такое время, когда оно находилось в самом затруднительном положении, «ясно, что действия его вытекают из бесчестного отношения к своему долгу гражданина, что является показанием к лишению гражданской чести».

При определении наказания за противодействие административным

властям «не принята в должной мере в расчет опасность выступления обвиняемого среди возбужденной толпы...»

В своей «апелляции» член военного суда Керренс назвал поведение Либкнехта «бесчестным». На это «обвиняемый» откликается 6 июля 1916 г.

«Я восстал против правящих классов Германии, чтобы спасти народ, вырвав его из грабительских лап. Я сорвал личину с империалистов, выставляющих себя благодетелями народа, чтобы народ увидел, кто его настоящие враги, и отшатнулся от них. Я веду борьбу с правительствами и правящими классами всех стран за рабочий класс всех стран.

«Но ненависть, клянущая меня, зовя бесчестным, составляет мою гордость, и слово это и я произношу в свою очередь:

«Бесчестным я зову того, кто оказывает содействие политике обмана масс и массовой резни и строит козни против меня под прикрытием цензуры и во мраке закрытых заседаний; бесчестным я зову того, кто старается запутать смысл своих намерений и моей борьбы обманчивыми шутовскими речами об «отечестве». И бесчестен, если только он не шут, тот, кто зовет меня бесчестным.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*».

10 июля 1916 г. вновь арестовывают Розу Люксембург. Либкнехт узнает об этом 17-го. И в тот же день он пишет все в ту же «королевскую комендатуру» — на деле же рабочим всего мира через голову последней — новое заявление. Этот документ настолько характерен для Либкнехта и настолько прекрасен сам по себе, что мы приведем его весь полностью.

«Берлин, 17 июля 1916 г.

В суд берлинской королевской комендатуры.

К уголовному делу против меня.

Мне сообщили, что 10 июля арестована мой друг Роза Люксембург. Агенты военного сыска обманом заманили ее и посадили в тюрьму, где она при своем слабом здоровье окончательно захиреет в скверном воздухе и без движения.

В феврале 1915 г. ее втиснули вместе с воровками и проститутками в зеленый фургон и год продержали в тюрьме. Теперь хотят окончательно уничтожить ее, эту женщину, в тщедушном теле которой живет такая пламенная великая душа, такой смелый блестящий ум, и которая будет жить в истории человеческой культуры.

Не допускают никаких официальных сообщений, о забастовках. Прячут позор. Боятся народной массы. Подлое дело силится защитить себя подлыми средствами.

И эти душители свободы, эти палачи истины — это «германская

империя»! Это они тянутся в нынешней войне к скипетру владычества над миром. Победа в их руках была бы гибелью для немецкого народа и тяжким испытанием для человечества.

Но сила, которую пытаются одолеть в Розе Люксембург, могущественнее кулачного права осадного положения. Она разрушит стены тюрьмы и восторжествует.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*».

На всякое сколько-нибудь значительное событие Либкнехт откликается из своей камеры, как только до него доходит соответствующая весть. В конце июля он из клочка газеты узнал, что морской полевой суд в Брюгге 17 июля 1916 г. приговорил к смерти (и расстрелял) английского капитана Фрайта за то, что он, будучи капитаном английского торгового корабля, 28 марта 1915 г. пытался потопить немецкую подводную лодку № 33. 29 июля 1916 г. Либкнехт пишет по этому поводу специальное заявление суду, которое оканчивается словами: «Мне нет надобности заявлять, что я снимаю с себя всякую ответственность за этот приговор и его исполнение, покрывшее новым позором имя Германии».

И так день за днем Либкнехт на основании все новых и новых материалов разоблачает германских империалистов, зло издевается над ними, открыто агитируя за поражение «своей» буржуазии. «Как же тут не кричать: Долой правительство! Долой войну! Долой правительство империализма и трехстепенного избирательного права, в руках которого победа, — повторяю это, — была бы гибелью немецкого народа и тяжким испытанием для человечества!» — так заканчивается заявление Либкнехта от 16 августа 1916 г.

За несколько дней до второго суда над Либкнехтом он узнает, что арестован его друг и единомышленник Франц Меринг. Полный негодования, он пишет из своей тюремной камеры новый замечательный документ, превосходно зная, что, посылая господам судьям такое «заявление», он доводит их ненависть до белого каления.

«Берлин, 17 августа 1916 г.

В Берлинский королевский окружной суд.

К уголовному делу против меня:

Самые славные свои победы немецкий милитаризм одерживает в сражениях на родине; но о них не говорят газеты.

Самые славные свои победы он одерживает в битвах с немцами, — голодными, жаждущими свободы, требующими мира. Ежедневно он одерживает победы над безоружными, над женщинами, стариками и детьми, — но в честь этих побед не звонят колокола.

И пленных он берет тысячами, — но о них тоже ничего не говорится в донесениях генерального штаба.

10 июля он стремительной атакой опрокинул Розу Люксембург. В настоящее время он торжествует новую победу, которую будут воспевать наши потомки: смелым натиском ему удалось одолеть 70-летнего Франца Меринга, под ударами которого некогда дрожал Бисмарк, и забрать его в плен.

Наконец-то! Официальный и официозный немецкий мир может вздохнуть свободнее. Наконец-то! Франц Меринг давно это заслужил. И по делом ему.

Зачем он не кадил богам империализма? Зачем остался он верен прежним алтарям — алтарям социализма? Зачем, невзирая на свой преклонный возраст, ринулся в бой за святыню интернационала?

По делом ему!

Ибо, хотя он и учитель немецкого народа, — но не из тех, кого выпускает конюшня г. фон Тротта в Зельце. Ибо, хотя он и светило немецкой науки, мастер немецкой публицистики, страж и ревнитель немецкой культуры, — но он не из лейб-гвардии Гогенцоллернов. Ибо он разрушитель борусских легенд, а не придворный летописец. Борец за угнетенных, а не наемник власть имущих. Человек, а не лакей.

В такое время, когда официальные представители немецкой науки читают панегирики варварству и торгуют своей музой, — когда жить спокойно и находиться на свободе может лишь тот, кто обрек себя на внутреннее рабство и умильно виляет хвостом перед военной диктатурой; в такое время, когда «социал-демократы» Ганзены безмерно счастливы, если им разрешают бежать рядом с немецкою государственною каретой и подбирать крохи со стола министров, — когда «социал-демократическим» Шлюку и Яу из милости разрешено в течение нескольких часов поваляться на мягких дворцовых диванах, — в такое время, когда отступники «социал-демократы» свободно греются на солнышке, — в такое время *таким* людям, как Франц Меринг, подобает быть не на свободе, а в тюрьме. Ибо тюрьма — единственное место, где в наши дни в Германии порядочный человек может чувствовать себя свободным. Самое почетное место и 70-летнему Францу Мерингу — в тюрьме.

Но работа еще не вся закончена. Еще имеются в Германии тысячи и десятки тысяч мужчин и женщин, которые кричат:

Долой правительство!

Долой войну!

Вперед же, к новым подвигам, превосходительный фон Кессель.

Вперед, к новым славным победам — над голодными, жаждущими свободы, требующими мира. Над женщинами, детьми и стариками. Чтобы по всей Европе разнеслись отголоски неувядаемой славы Германии!

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*».

Пройдут десятилетия и столетия, а такие произведения либкнехтовского пера, как его письма из тюрьмы по поводу ареста Розы Люксембург и Франца Меринга, будут читаться и перечитываться, и будущие поколения будут горды за человека, читая их...

23 августа 1916 г. предстоит второе слушание дела Либкнехта. Утром того же дня он отправляет письменное заявление суду, в котором открыто формулирует лозунги гражданской войны. *«Цель войны, к которой я стремлюсь, заключается в том, чтобы все империалистические государства — их правительства и правящие классы — были, побеждены массой собственного народа...»*

Второе разбирательство дела происходило при еще более герметически закупоренных дверях и было совсем коротко. Тут уже судьи на вполне «законном» основании могли ограничиться формальными моментами.

Обвиняемому почти не давали говорить, ибо прекрасно знали, что каждое его слово будет новой пощечиной германскому империализму. Но последнего заключительного слова все-таки нельзя было лишить обвиняемого. Эта последняя его речь на суде вскоре была выпущена спартаковцами нелегальным листком под названием *«Не сомневаюсь!»* Обвинитель признает, что обвиняемый держался благородно и действовал из идеальных мотивов, движимый мирозерцанием, от которого он, обвинитель, само собою разумеется бесконечно далек. Однако, для своих идеальных целей обвиняемый избрал средства, которые должно признать бесчестными. Неверно и предосудительно утверждение, что война вызвана среднеевропейскими державами в интересах горсти помещиков и капиталистов. Обвинитель требует шести лет и шести месяцев арестантских отделений и лишения гражданских прав сроком на десять лет.

Обвиняемый. Прежде всего я повторяю мое требование, чтобы мои объяснения были включены в приговор только в той точной форме, как я их письменно изложил и, представил. Вы и я, мы принадлежим к разным мирам и говорим на разных языках. Я хочу защитить себя от того, чтобы вы, не понимающие моего языка, принадлежащие к лагерю моих врагов, не исказили моих слов в вашем собственном смысле.

Обвинитель назвал те средства, к которым я прибежал, и мое

утверждение об исторической сущности и возникновения войны предосудительными. Между тем, он, знакомый со всеми документами процесса, знает, какое изобилие фактов и оснований стоит за моим утверждением. Он сам вместе с господином судьей отклонил мое предложение представить доказательства моего утверждения об истории происхождения войны. Как же мне назвать после этого его поступок? Я не скажу здесь больше ни одного слова об этом, потому что этот суд не место для моих выступлений. Но виновники войны, эти поджигатели в Берлине и Вене, — они предстанут в свое время перед судом, которого совсем не ожидают.

Председатель выказывает намерение прервать обвиняемого.

Обвиняемый. «Каторга!», «Лишение прав чести!» Что же! Ваша честь — не моя честь. Но я говорю вам: ни один генерал не носил с такой честью свой мундир, как я буду носить арестантский халат.

Я здесь для того, чтобы обвинять, а не защищаться.

Не гражданский мир, а гражданская война — мой лозунг. Долой войну! Долой правительство!

Обвинитель протестует против оскорблений со стороны обвиняемого и ссылается на отношение народа к обвиняемому.

Обвиняемый. Подумайте только! Обвинитель называет меня бесчестным, требует шести лет и нескольких месяцев каторги и десятилетнего лишения прав; я отвечаю ему несколькими словами слишком справедливой критики, и он — он, требующий для меня немногого: всего шести лет каторги и десяти лет лишения чести, — выходит из себя! Обвинитель призывает против меня весь народ, — прекрасно, но зачем только на словах, зачем только здесь, в отрезанном от народа пустом зале заседания, который прячет вас от народных масс? Снимите с народа оковы и наручники осадного положения. Соберите и созовите народ и фронтовых солдат здесь или где хотите, и стань* те перед ними, перед их судом, с одной стороны, вы все, господа судьи, обвинитель и также все те господа из генерального штаба, военного министерства и военного бюро печати, — все, кто хотите. А с другой стороны, стану я или кто-либо из моих друзей. На чьей стороне окажется народ, когда завеса обмана будет сорвана с его глаз, — на вашей или на моей стороне? — Я в исходе не сомневаюсь!

*

Приговор «суда» известен: 4 года и 1 месяц каторжной тюрьмы с

зачетом. одного месяца предварительного заключения.

Шла вторая половина 1916 года. Империалистская бойня входила в самую важную свою стадию. Либкнехта решили похоронить на 4 года под темными сводами каторжной тюрьмы. Но он уж заранее предупредил своих гонителей, что хотя он и любит свет, но его не запугают и мраком. «Будь философом. Что такое четыре года? Будь бодрой, и все, даже самое важное, станет пустяком *Sub specie aeternitatis*^[8] не только общечеловеческой, но и личной жизни» — писал Либкнехт своей жене из тюрьмы. Сам он был бодр и жаждал новых схваток с ненавистным врагом.

29 августа 1916 г. Либкнехт подает кассационную жалобу на приговор королевского окружного суда в Берлине. Торопиться в каторжную тюрьму из «предварительного» заключения не стоило.

«Оспариваю все содержание приговора и требую отмены его целиком». Конечно, Либкнехт не делает себе никаких иллюзий и знает, что приговор будет подтвержден, что освободить его может только революция. И всю свою дальнейшую «защиту» он ведет в том же духе, что и прежде.

3 сентября 1916 г. Либкнехт пересылает в кассационную инстанцию шесть «заметок» (собственно, целых статей), которые «были почти целиком написаны еще перед главным разбирательством второй инстанции, но вполне закончены только теперь. Мы не можем здесь передавать содержание этих «заметок». Приведем только названия этих обширных статей: 1 О причинах войны. 2. О бонапартизме как причине войны. 3. О полуабсолютизме и камарилье. 4. О тайной дипломатии и режиссерстве. 5. О целях войны. 6. Апология канцлера или — более чем Париж за менее чем обедню.

Читатель, знакомый уже с методами «защиты», которые применял Карл Либкнехт, легко представит себе, как «защищался» он и в названных статьях. Все эти 6 статей и сейчас представляют собою прекрасное чтение для самых широких масс. Любой же буржуа, читая их, и теперь будет испытывать судороги, как если бы его поджаривали на раскаленной сковороде...

Вскоре после второго разбирательства дела Либкнехта происходила имперская конференция с.-д. партии. Чтобы подкупить рабочих, эти лицемеры вынесли — резолюцию... приветствия Карлу Либкнехту. Единомышленник последнего тов. Дункер, присутствовавший на конференции в качестве представителя оппозиции, тут же выразил протест против этого лицемерного «приветствия». Сам же Либкнехт, узнав о происшествии, пишет официальное заявление в королевский окружной суд:

«К уголовному делу обо мне».

«Зубатовы и Потемкины социал-демократической партии вынесли на своей конференции, происходившей под знаком «войны до конца», резолюцию «выражения симпатий» по моему адресу.

«Эту манифестацию презренной демагогии можно было предвидеть.

«Я с презрением отклоняю ее от себя.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*».

В ожидании вызова в кассационную инстанцию Либкнехт отправляет в «суд» еще несколько аналогичных документов. Когда ему становится известным, что с воли вновь ходатайствуют об его освобождении на поруки, Либкнехт пишет в суд: «Хорошо известно, что ' я непричастен к ходатайству о моем освобождении... и жду отрицательного постановления только как подобающего политического удовлетворения». Это «удовлетворение» Либкнехт, конечно, получил.

*

На заседание имперского военного суда от 4 ноября 1916 г. на Либкнехт, ни его защитник (брат его) не явились, считая смешным участвовать в жалкой комедии, исход которой известен заранее. Приговор в окончательной форме вошел в силу. В начале декабря 1916 г. Карл Либкнехт был переведен в «исправительную» каторжную тюрьму в Люкау (городишко в прусской провинции Бранденбург).

«Перевезли меня втихомолку, — пишет Либкнехт в первом письме из Люкау, 11 декабря 1916 г. — В 8 часов утра я был на Ангальтском вокзале, откуда скорый поезд доставил меня через час в Укро, а еще через пятнадцать минут я был в Люкау, где находится исправительная тюрьма; от вокзала до нее — минут десять ходьбы... Меня приписали к сапожной мастерской, но работаю я в своей камере. В первые две недели ничего сдавать не надо, в следующие две требуется изготовить треть нормы, затем — две трети и, наконец, после шести недель ученичества надо производить полную норму. Теперь я, значит, «сапожный ученик».

«Во всяком случае, обо мне не беспокойтесь, — по своему обыкновению добавляет Либкнехт. — Из 1 460 дней уже прошло 38, т. е. приблизительно одна тридцать восьмая часть или «корень» из упомянутого числа» — шутит он.

Настроение Карла Либкнехта в первые дни пребывания в каторжной

тюремные Люкау на положении «сапожного ученика» хорошо рисует его стихотворение, написанное там в конце декабря 1916 г.:

*Лишили меня вы земли, но отнять вы не можете небо, —
И пусть хоть полоска одна утешает мой взор
Сквозь прутья решетки,
Зажатые крепко стеной, —
Вполне я доволен:
Я вижу лазури отрадную даль,
Откуда сияющий день мне украдкой свет посылает.
Иль птички случайная трель
Каскадом внезапно прольется.
Мне хватит полоски одной,
Чтоб черного видеть грача-болтуна,
Товарища жизни тюремной моей,
Иль тучки бегущей
Причудливый край.
Да, пусть это будет одна хоть полоска, —
Но прошлую ночью мелькала мне в ней,
Царицею мира, из дальней вселенной
Одна из прекраснейших звезд.
В моем каземате она мне сияла
Теплее, светлее и ярче, чем вам,
Живущим на воле, и след раскаленный
Она начертила во взоре моем.
Лишили меня вы земли, но отнять вы не можете небо, —
И пусть хоть полоска одна утешает мой взор
Сквозь прутья железной решетки,
Она даже тело мое
Порывами вольной души насыщает,
И ныне — свободней я вас,
Мечтающих кельей тюремной
И цепью острожной меня погубить.*

С такими настроениями Карл Либкнехт встречает 1917 год в тюрьме...

VII. 1917 ГОД. В КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

О, буря, мой товарищ,
Твой слышу громкий зов!

*Из стихотворения К. Либкнехта, написанного
в каторжной тюрьме.*

*...Aequam temento rebus in arduis servare mentem.
[Перевод: помни, что и в трудном положении
присутствие духа тоже необходимо!.*

*Слова Горация, цитируемые Карлом
Либкнехтом в первом письме из каторжной
тюрьмы.*

ПЕРВАЯ забота Либкнехта в каторжной тюрьме — успокоить близких друзей, оставшихся на воле. После первого посещения Либкнехта в Люкау семья вынесла очень тяжелое впечатление: свидание через решетку, тюремный халат и пр. — все это пугало и угнетало. Карл заметил это тяжелое впечатление и первое же письмо (от 10 января 1917 г.) посвящает этой теме.

«Вы не должны тревожиться... Что страшного в этой решетке? Какая разница между ней и тюремной одеждой или стриженной головой?... Несмотря на все это, мы остаемся и останемся такими, какие мы есть. «Aequam temento rebus in arduis servare mentem» (помни, что и в трудном положении присутствие духа тоже необходимо). В этих словах Горация заключается житейская мудрость не только стойков, но и эпикурейцев... Вы все держались до сих пор молодцами, и я этим гордился. Не теряйте же этого настроения. А когда станет тяжело, стисните зубы и все, все будет хорошо... Борьба, а вместе с ней — настойчивость и гордость, что бы ни случилось!.. «Nil admirari si fractus illabatur orbis impavidum ferient ruinae» (ничему не удивляйся! Даже если бы даже земной шар начал распадаться на куски, храни спокойствие!).

Несомненно, что слова эти были направлены по сути дела не только к

близким — жене, детям, — но и к товарищам, оставшимся на воле. Либкнехт знал, что теперь, когда вырваны из рядов и он, и Роза, и Меринг, теперь, когда война вошла в самую зверскую стадию, борьба спартаковцев становится особенно трудной. Он знал, что близкие товарищи сильно обеспокоены его собственной судьбой. И он считал своим долгом ободрить и успокоить друзей, звать их продолжать работу, «хотя бы земной шар стал распадаться на куски». Это была единственная форма, в какой он мог в легальном письме (а нелегальных сношений из Люкау еще не было) обратиться к бойцам-единомышленникам.

В каторжной тюрьме на первых порах жилось особенно трудно. Очень угнетала невозможность заниматься умственным трудом. Сапожная работа отнимала все время. «Мой сапожник предложил мне работать быстрее, угрожая в противном случае отнять у меня закройку» — пишет Либкнехт в письме к родным около ноября 1917 г. Так продолжалось до начала 1918 г. В марте 1918 г. в тюрьме произошел «огромный переворот» — было упразднено сапожное ремесло. «Моя будущность покрыта мраком. Надеюсь, что меня не заставят плести корзины» — пишет Карл. Он радуется «безработице» и надеется получить возможность почитать. Но эта надежда не оправдывается. С апреля месяца Либкнехта заставляют клеить бумажные картузы. Несколько недель, пока он мог свободно читать в тюрьме, он называет чудным временем.

«Свободное от занятий чудное время продолжалось, к сожалению, недолго. Пока что я — ученик. Моя рабочая норма: 1 000 штук в день. Клея картузы, я усердно считаю: раз-два-три, раз-два-три, стараясь таким образом себя подзадорить и развлечь. Работа сравнительно чистая и приятная. Для чтения у меня теперь совсем мало времени: с шести часов утра до трех четвертей восьмого вечера остаются, кроме двух перерывов в течение дня, всего несколько промежутков по пятнадцать-двадцать минут, которые уходят на то, чтобы поесть и прибрать «хозяйство». Но вечера становятся более длинными, и я использую их по мере сил: я охвачен такой жаждой, что выпил бы, кажется, море...»

Сначала Либкнехту в камере не давали достаточного света, так что немногие свободные вечерние часы пропадали. Только в ноябре 1917 г., на 373-й день своего заключения, Либкнехт с радостью может сообщить: «Сегодня я должен тебе сообщить о весьма приятном обстоятельстве: мне разрешено собственное освещение. В настоящее время положение такое: с понедельника до пятницы газ закрывают в половине седьмого, по субботам — в шесть, а по воскресеньям — без четверти семь. Так как освещение разрешено приблизительно до десяти часов, то я могу иметь 17½ плюс 4

плюс 4½ = 26 «светлых» часов в неделю».

И все же ни одного раза, никогда и ни при каких обстоятельствах у Карла не вырвалось ни одной жалобы на личные невзгоды в каторжной тюрьме. Все мысли — только о других, о близких, о друзьях, о деле, о борьбе. «Подумай, сегодня минуло уже 100 Дней из 1 460— как быстро они прошли. *Скоро все изменится, все переменится*» (11/II 1917). Это предчувствие скрытых перемен живет в нем очень глубоко. И в клетке каторжной тюрьмы Либкнехт чувствовал всеми фибрами своей души наступающий перелом к революции. Как никто другой в его стране, Карл Либкнехт выразил именно этот перелом, начавшийся в Германии. Как никто, кроме Ленина, он с необычайной силой выразил начавшийся *перелом к мировой пролетарской революции*. Предчувствие революционного подъема сказалось в нем со стихийной силой. Именно это предчувствие окрашивало собой все тогдашние выступления Либкнехта. Именно это и давало ему новые и новые силы. Весной 1917 г. Либкнехт написал в тюрьме стихотворение (раньше он стихав не писал), в котором вылилось именно это настроение:

*О, буря, мой товарищ,
Твой слышу громкий зов.
Но не могу ответить:
Я все еще в цепях.
Мой дух — такая ж буря,
Он — часть тебя самой, —
И снова день настанет,
Когда я разобью
Проклятые оковы
И с ревом понесусь
По вольному простору;
Помчусь вокруг земли,
Все страны облечу я,
Обвею всех людей,
Взметну сердца и души:
Ведь буря — я, как ты.*

Именно зов бури, зов надвигающейся революции явственно слышит в это время Либкнехт, — зов революции, надвинувшейся уже вплотную в России, надвигавшейся в Германии, надвинувшейся было почти во всей

Европе. В России этой «буре» суждена была победа — благодаря прежде всего тому, что там была *партия большевиков*, закаленная в боях в течение десятилетий, а не отдельные только группы бойцов, не отдельные великие мятежники, как Либкнехт. В Германии и в ряде других европейских стран «буря» эта *не победила* — благодаря прежде всего контрреволюционным усилиям «Зубатовых и Потемкиных» официальной социал-демократии. Либкнехт и его друзья смогли спасти честь революционного знамени германского пролетариата, смогли поднять рабочий авангард и повести его на первые бои с империализмом, но дать победу, закрепить победу пролетарской революции в Германии при отсутствии большевистской партии они не могли...

Сохранившиеся (частью) письма Карла Либкнехта из каторжной тюрьмы в Люкау представляют собою драгоценнейший материал, по которому можно судить о внутреннем состоянии этого поистине замечательного человека. Эти письма писались в обстановке, когда для Либкнехта это была единственная возможность вообще высказаться, поделиться думами и настроениями — в обстановке страшной мировой трагедии, которую он так близко принял к сердцу и с исходом которой он так тесно связал» свою собственную судьбу. При таких условиях самые глубокие, самые интимные переживания неизбежно должны были прорываться в этих письмах. Только сознание того, что письма эти, быть может, будут читаться и чужими — врагами — заставляло сдерживать чувство.

Отвечая сыну, Карл Либкнехт в письме от 11 /II 1917 г. восклицает: «Долой мировую скорбь! Чем грозней и серьезнее судьбы, тем больше надо стойкости. И помни всегда об одном: ты не без отца, хотя он и сидит в исправительной тюрьме». «Моя жизнь, несмотря на все, была до сих пор счастливой именно тогда, когда мне приходилось всего сильнее бороться и «страдать». То же самое испытываешь и ты. В этом — *наша война*» — пишет он сыну же 18/III 1917 г. Когда в одном из писем к Карлу Либкнехту жена его заговорила о страданиях последнего в тюрьме, он отвечает: «Зачем говоришь ты о «страдании»? От чего я действительно страдаю, ты прекрасно знаешь». Либкнехт страдает в эту пору от того, конечно, что, слыша «зов бури», он не может броситься с головой в борьбу... Он все еще в плену и он знает, что рабочий класс истекает кровью, что рабочих продолжают обманывать и отвлекать от борьбы. Всем своим существом он чувствует приближение революционной грозы. «Мой дух — такая-ж буря, он — часть тебя самой». Конечно, запертый в железную клетку орел не может иногда не тосковать. Но дух его велик и свободен...

Чудесны странички либкнехтовских писем, в которых он изображает удовольствие, испытываемое им, когда к окну тюремной камеры подлетает голубь, птичка, когда он видит из окна порхающую бабочку. Замечательно, что эти странички почти Совершенно совпадают с аналогичными страничками из тюремных писем Розы Люксембург.

«Что мне за дело до болтовни какого-нибудь французского романа или до того, что говорят люди. Долетающее до нас воркование дикого голубя, — вот что жизненно и интересно. Знаком ли тебе этот замечательнейший из лесных звуков, это жалобно-томное гууур-гу, гу, гу, гууур-гу-гу, гууур-туту-гу, которое несмотря на голоса иволги и черного дрозда и на раздающиеся вблизи веселые переливы чижа, поддерживаемого забликом, разносится, чаруя, далеко вокруг, в то время как клин-клирр, клин-клирр синицы, зи-зи-де, зи-зи-де золотого подорожника и крики ласточки звучат от поры до времени в отдалении, словно голоса гастролеров; ласточки, впрочем, усердствуют главным образом по вечерам, описывая в воздухе стремительные, как вихрь, круги. Иногда, на одно мгновение, в поле моего зрения пропорхнет маленький друг, но когда я плотно прижимаюсь к решетке, чтобы его увидеть, я различаю лишь пару веток. Болтовни галок уже больше не слышать: они живут теперь en famille^[9], парочками... Я думаю, что в лесах и кустарниках Ивара водится, наверное, множество птиц, а также диких голубей».

«За моим окном суетятся птицы, — пишет Либкнехт в другом письме, — и никогда в жизни я не наслаждался от зари до вечера (я встаю рано — еще до петухов) такой очаровательной и разнообразной музыкой, как теперь»...

Мрачно и душно в Люкау. Глухо и тоскливо в каторжной тюрьме, где Либкнехту приходится заниматься сапожным ремеслом и выделыванием бумажных картузов. Проклятой бойне пока не видно конца. А все думы великого революционера посвящены, конечно, ей, этой нескончаемой резне, в которой гибнет цвет рабочего класса всего мира. «Война и многообразное несовершенство мира тебя мучают и печалят, — пишет он своему сыну-подростку. — Без сомнения, они должны омрачать каждого из нас. Но из этого мрака есть спасительный выход, правда — только один: твердая решимость сделать целью своей жизни устранение существующих зол. Не должно быть жизни, предоставляющей итти всему так, как оно идет; нужна только такая жизнь, которая готова пожертвовать собою для других» (письмо от 18/III 1917 г.).

Тяжело полоненному орлу в тюрьме. Каждая его мысль принадлежит борьбе рабочих. Каждая капля крови зовет туда, где уже закипают первые

революционные бои. Жадно ловит он каждую весточку с воли. А ему в это время приходится в тюрьме заниматься исследованием о «законах движения».

Внутренний вид тюрьмы в Люкау.

«С моей главной работой («законы движения») произошла заминка. Основная ее часть в первоначальном наброске уже давно готова, но еще (несколько хаотична. Теперь надо приводить ее в порядок, объединять, разрабатывать. Такой труд привлекает меня всегда гораздо менее, чем духовное зачатие произведения, его рождение и первый рост» — пишет он в письме от 10 июня 1917 г. Карл Либкнехт ищет забвения от тех мыслей, которые не дают ему спокойно жить, и не находит его. Сломить железные решетки еще нельзя — он это знает. А вольное сердце так жаждет свободы... Если не зажать его в кулак, то будет плохо: не вынести этих мук, не справиться с этой страстной мучительной жаждой выйти на волю и приобщиться к борьбе рабочих против их врагов. «Терпение и терпение» — говорит себе на каждом шагу Либкнехт. К себе лично он при данной обстановке должен обращаться с этим призывом. Но другим, не закованным в цепи, не замурованным в каменном мешке каторжной тюрьмы, другим, находящимся на воле, он дает иные советы. Рабочим,

которых их социал-шовинистские вожди заклинаят еще «потерпеть», пока кончится война, Либкнехт в маленькой записочке (от 9 дек. 1917 г.) передает другой завет:

— *Терпение — добродетель рабов. Для уничтожения рабства необходимо удвоенное нетерпение!*

В это же время в другой тюремной клетке томится Роза Люксембург. Все помышления этой великой революционерки тоже принадлежат, конечно, разгорающейся освободительной борьбе пролетариата. «Розу навещай возможно чаще, — пишет Карл своей жене, — пиши ей и заботься об ее здоровье. Скажи ей, как много и с какой любовью я о ней думаю...»

*

Все думы — на воле. А там решается прежде всего вопрос о том, быть или не быть самостоятельной коммунистической рабочей партии, наступил ли уже момент для окончательного разрыва со старой «единой» с.-д. партией, с новым объединением «всей оппозиции», где большинство составляют центристы.

21—23 сентября 1916 г. состоялась всегерманская конференция «старой» с.-д. партии. Группа «Интернационал» еще участвует в ней. Сторонница этой группы Кэте Дункер выступает на конференции с бичующей речью, но на окончательный разрыв группа еще не идет. Друзья Либкнехта в листках и на собраниях напоминают сторонникам Эберта и Шейдемана слова старого Бебеля, которые еще вчера цитировались всеми: «Пока я дышу и могу писать и говорить, иначе не будет: я останусь смертельным врагом этого буржуазного общества и этого государственного порядка, я буду постоянно подкапываться под их жизненные основы и постараюсь устранить их, как только смогу». В ответ на это социал-шовинисты только смеются спартаковцам в лицо. Что раскол неизбежен, это уже ясно и тем, кто раньше не видел этого. Но тем не менее эта операция, одна только могущая принести спасение, затягивается. Летом 1917 г. в статье «Борьба против Легина» Либкнехт из тюрьмы высказывается за раскол: «Расколоть организацию, которая стала путами для классовой борьбы, означает увеличить боеспособность рабочих». Но на воле спартаковцы к расколу еще не созрели. Да и сам Либкнехт ставит вопрос о расколе только еще в общей форме.

В конце марта 1917 г. бременская группа «Arbeiterpolitik», сблизившаяся в ходе войны с В. И. Лениным, выступает с открытым и

настоятельным призывом немедленно образовать «лево-радикальную» (как тогда говорили в Германии — слово «коммунистическую» еще не употребляли) партию, другими словами, приступить к слиянию всех «лево-радикальных» пролетарских ячеек, сгруппировавшихся в «Союзе Спартака», у бременских «лево-радикалов», в группе «Интернациональных социалистов Германии» (руководитель их Юлиан Борхардт в Циммервальде близко подошел к позиции В. И. Ленина) и др. Главное условие, которое выдвигалось инициаторами предложения, заключалось в объявлении решительной войны центристской организации «*Socialdejnokratische Arbeitsgemeinschaft*», возглавлявшейся Гаазе, Каутским и Бернштейном, которая созывала свой «учредительный» съезд и считала еще выгодным для себя приглашать на него также левых. Однако оказалось, что столь насущное дело и теперь еще не удалось. Создание самостоятельной партии против социал-шовинистов и центристов все еще, увы, откладывалось, к великому вреду для дела. Самая сильная из пролетарских групп — группа «Интернационал» — все еще считала возможным оставаться в организации «*Arbeitsgemeinschaft*», правда, при условии гарантии за ней известных прав на самостоятельность и свободу действий, т. е. при условии вхождения на правах самостоятельного «Союза Спартака». Действительное объединение всех пролетарских групп германских интернационалистов состоялось только через год с лишним, а образование самостоятельной коммунистической партии Германии — только в декабре 1918 г., после того как революция освободила из тюрьмы Карла Либкнехта и Розу Люксембург...

Рабочее движение в Германии тем временем не стояло на месте. Преодолевая громадные препятствия, рабочие начинали борьбу. Вспышки недовольства имели место уже в 1915 и 1916 гг. В апреле 1917 г. почти одновременно по всей Германии забастовали рабочие амуниционных заводов. В апреле же происходит полная остановка работ в Берлине у металлистов и деревообделочников. Возрастало недовольство и в армии. Во флоте — в Вильгельмсгафене — вспыхнуло восстание матросов, пока самым свирепым образом подавленное правительством. Недовольство все больше разливалось по всей стране...

Карл Либкнехт оставался за семью замками, в каторжной тюрьме в Люкау. Пока он томился там, в России разразилась сначала Февральская, а затем и великая Октябрьская революция.

Как же отнесся заключенный в каторжной тюрьме Карл Либкнехт к русской революции?

VIII. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КАРЛ ЛИБКНЕХТ В КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

...Надо напрячь последний мускул. Пусть брызнет кровь из-под наших ногтей! Пусть потребуются неисчислимые жертвы! Наш величайший, наш святой долг — притти на помощь русским братьям.

Карл Либкнехт из каторжной тюрьмы.

...Только бы не опоздать! Только бы не собраться с силами слишком поздно. Только бы мы не слишком побоялись рискнуть. Только бы наша помощь не пришла слишком поздно...

Карл Либкнехт из каторжной тюрьмы

Я хотел бы притти на помощь русской революции и миру и отдать им тысячу своих жизней, если бы они у меня были.

Карл Либкнехт, 8 сентября 1918 г. из каторжной тюрьмы.

РУССКАЯ революция застала и Карла Либкнехта — и Розу Люксембург в тюрьме. Там, за решеткой, отрезанные от всего мира, получили они первую весть о том, что царизм пал. Легко представить себе, как зажгла эта весть обоих узников. Либкнехт, судя по его письмам этого времени, еще больше заметался — как лев в клетке. Вполне законченных определенных высказываний Либкнехта о Февральской русской революции до нас не дошло. С подлинной позицией большевиков в этой революции он был знаком плохо. Когда после июльских дней 1917 г. до Либкнехта дошла весть, что Временное «революционное» правительство обвиняет Ленина и его друзей в сношениях с германским генеральным штабом, Либкнехт

сразу, конечно, понял, что означает подобное обвинение, и передал на волю, что чувствует себя в этом «деле» вполне солидарным с Лениным.

В спартаковской печати первую русскую революцию 1917 г. освещали преимущественно Лео Йогихес (Тышко) и Роза Люксембург, которые ближе знали обстановку в России. И освещение это — разумеется, несвободное от кардинальных ошибок люксембургизма — оказывало известное влияние и на Карла Либкнехта. Но в течение всего 1917 и всего 1918 гг. Либкнехт в тюрьме (а затем и на воле) меньше других спартаковцев разделял люксембургские ошибки в вопросах русской революции и легче схватывал тактику большевиков, инстинктом чувствуя правоту последних. Об этом существует красноречивое показание такого свидетеля, как покойная Клара Цеткин. С этим свидетельским показанием читатель познакомится ниже.

В журнале «Spartakus» № 4 (апрель 1917 г.) Роза Люксембург в статье «Новое-Ватерлоо социализма» рисует положение в следующих полных горечи строках: «Международный рабочий класс как политический фактор вторично сказался бессильным в вопросах обострившейся войны, захватившей, можно сказать, и Новый свет. Мы переживаем второе Ватерлоо социализма. Роман Золя «Человек-зверь» заканчивается потрясающей картиной поезда, машинист и истопник которого сорвались с паровоза, обнявшись в смертельной схватке. Поезд мчится среди ночи, не управляемый никем и не встречающий никаких препятствий, проносится к ужасу замкнутых пассажиров мимо всех станций и несется все более бешеным ходом навстречу неминуемой катастрофе где-нибудь в неведомой дали. Таковую же картину представляет собой современное капиталистическое общество, после того как 4 августа свалился призванный историей машинист, международный пролетариат».

Очень горькие слова!

И далее: «...даже русская буржуазия, этот последний отпрыск капитализма, отягощенная всеми пороками позднего рождения, ослабленная всеми плодами древа исторического познания, напуганная судьбами всех своих старших сестер, — даже эта буржуазия собирается в настоящий тягчайший момент с силами, чтобы выполнить последний остаток революционных задач, поставленных историей перед буржуазией».

«Только международный и прежде всего германский пролетариат отказывается до сих пор от своих задач, отказывается по всей линии, отказывается полностью, упрямо, не извлекая никаких уроков из пинков, ударов кнута и скорпионов истории».

Из этих слов вытекает, что по крайней мере часть спартаковцев

сначала смотрела на Февральскую революцию 1917 г. как на более или менее шаблонную буржуазную революцию «обычного» типа и еще не отгадывала той роли, которую в самом близком будущем предстояло сыграть российскому пролетариату. Великая Октябрьская пролетарская революция для этой части спартаковцев была изрядной неожиданностью.

Когда Октябрьская революция произошла, общие симпатии спартаковских рабочих, конечно, были на стороне большевиков. В письме от 27/VI 1918 г. Клара Цеткин писала об этом В. И. Ленину, а Владимир Ильич в письме от 26/VII 1918 г. отвечал ей: «Нас всех радует чрезвычайно, что Вы, товарищ Меринг и другие «товарищи спартаковцы» в Германии «головой и сердцем с нами». Это дает нам уверенность, что лучшие элементы западно-европейского, рабочего класса, несмотря на все трудности, все же придут Нам на помощь». Вся основная масса спартаковских рабочих сразу почувствовала, что дело идет о первой великой социалистической революции, и она всей душой была с большевиками. Но полного понимания всей тактики большевистской революции в организации спартаковцев не было, и в силу всего люксембургского прошлого — не могло быть.

Германские социал-шовинисты и центристы на деле вели пропаганду против русской революции *уже и до Октября*, ибо они поняли, что русская революция начинает развиваться в социалистическую и оказывает громадное влияние на рабочих Запада. События июльских дней 1917 г. «Фортвертс» использовал в этих же целях: «В России из братских споров возникло братоубийство. Это должно служить нам предостережением. Русские товарищи теперь, может быть, поймут, почему мы не последовали их совету сделать по их примеру революцию. Они теперь, может быть, поймут, что мы не хотели подготовить немецкому народу такую судьбу, какую переносит сейчас русский народ. Мы должны достигнуть демократии другим путем, и мы уже стоим на нем. Мы не сомневаемся ни на один момент, что после войны мы будем иметь в Пруссии всеобщее избирательное право и парламентарную систему» («Фортвертс» от 27/VII 1917).

Спартаковцы (и в том числе Роза Люксембург) решительно разоблачали эту гнусную агитацию против русской революции. Они всей душой были на стороне русской революции и убеждали рабочих других стран поддержать ее. Но большевистского понимания движущих сил русской революции у них не было.

В большой статье «Жгучие вопросы современности», помещенной в августовском номере «Писем Спартака», Роза Люксембург пишет, что

русский пролетариат находится в безысходном положении: всеобщего мира он собственными силами добиться не может; сепаратного мира заключить он тоже не может, ибо это означало бы поддержать немецкий империализм; вести войну активно или пассивно значило бы поддержать антантовский империализм. Во всех случаях русский пролетариат «осужден быть в действительности мячиком империализма, и всякая его тактика, какую бы он ни захотел проводить, в конечном счете пойдет на пользу империализму.

«Это звучит, как парадокс — и, однако, это так: нет ни одной правильной тактики, которой бы сейчас мог придерживаться русский пролетариат» («Spartakusbriefe», II, S. 110).

Особенно выразительна следующая оценка, данная Розой Люксембург в письме из тюрьмы к Луизе Каутской от 24/XI 1917 г.:

«Радуешься ли ты победам русских? Удержаться в этом шабаше ведьм им, конечно, не удастся. Но не потому, что экономическое развитие России отстало — как статистически подсчитал твой мудрый супруг (т. е. Карл Каутский). А потому, что социал-демократия в высокоразвитых странах состоит из трусливых собак и что эти социал-демократы будут спокойно смотреть, как русская революция гибнет. И все-таки такая гибель лучше, чем «остаться жить за отечество». Это все же событие всемирно-исторической важности, память о котором будет жить в веках». (Письма Розы Люксембург к Карлу и Луизе Каутским, нем. изд., стр. 210.)

Эти слова Розы показывают, что по ее первоначальной оценке, по свежим следам событий, Октябрьской революции ничего другого не оставалось, как с честью погибнуть — раз «трусливые с.-д. собаки» ее не поддерживают. Вот к каким губительным ошибкам приводил ход идей люксембургизма.

У Карла Либкнехта тоже в это время нет еще большевистской оценки движущих сил русской революции. Но пробуждение германского пролетариата он больше всего ставит в связь именно с русской революцией и уже вскоре после падения царизма он приступает к пропаганде идеи советов в Германии.

Особенно большие ошибки делали сторонники люксембургизма в эпоху Брестского мира^[10]. Тогдашние ошибочные писания сторонников этого лагеря очень полезно будет напомнить и здесь, ибо это были ошибки абсолютно искренних революционеров. По ним лучше всего судить о том, как вопреки пессимистическим оценкам даже многих искренних друзей русской революции эта последняя развернула такое богатство сил, которое тогда никому и не снилось.

В № 11 журнала «Спартак» (сентябрь 1918 г.) помещена статья «Русская трагедия». Она горячо и страстно бичует германское с.-д. большинство за предательство по отношению к русской революции. Она закликает германских рабочих прекратить бездействие и поспешить на помощь русской революции:

И в то же время статья находит только такие «оправдания» для мнимых ошибок Октябрьской революции: «Дело в том, что такова логика ложной объективной ситуации: каждая социалистическая партия, которая взяла бы сейчас в России власть, должка была бы держаться ложной тактики, потому что она только часть международной армии пролетариата, а главные силы этой армии бросили ее на произвол судьбы».

Этого мало. Статья «обобщает» свою ошибочную установку и подводит такой итог: «Провести пролетарскую диктатуру и социалистический переворот, в одной отдельной стране, окруженной империалистическими странами, в которых господствует тупая реакция, и обуреваемой кровопролитнейшей мировой войной, — это задача квадратуры круга».

А выход из этого положения, рисующегося автору в совершенно трагическом свете, находится только такой: «Есть только один выход из трагических сетей, в которых запутана Россия: резолюция в тылу германского империализма, восстание германского народа как сигнал к международному революционному вмешательству в войну. Спасение русской революции в этот роковой час есть в то же время спасение чести германского пролетариата и международного социализма».

«Германские рабочие, — заканчивают спартаковцы, — хладнокровно смотрят на то, как русскую революцию рвут на части, окружают со всех сторон, морят голодом. Пусть же они хотя бы в последний— двенадцатый час спасут ее от самого страшного — от морального самоубийства, от союза (Allianz) с германским империализмом». («Unterirdische Literatur im revolutionären Deutschland während des Krieges» von Ernst Drahn und S. Leonhard, 1920, стр. 111–112).

А в октябре 1918 г. в № 12 того же журнала в статье «Узел международного положения» можно было прочесть такие строки: «Германская революция имела бы перед собой теперь совсем 'иные, гораздо более благоприятные условия, чем русская революция, одинокая, изолированная, выданная с головой еще торжествующему империализму, бессильно истекающая кровью в его железном ошейнике».

Теперь читаешь эти строки и вспоминаешь, какое это было трудное время. Подумайте только! Так писали лучшие люди международного

социализма в 1918 г. Столь безысходным и столь трагическим казалось тогда положение нашей революции даже *таким* деятелям рабочего движения. Не вправе ли тем более гордиться большевизм, что он-то видел и в самую трудную минуту правильную дорогу и твердо шел вперед к цели, невзирая ни на какие трудности? Не вправе ли гордиться Великая пролетарская революция в СССР тем, что она нашла в себе силы справиться со всеми, даже самыми чудовищными, препятствиями, какие нагородила история на ее пути?..

Читая эти строки, особенно наглядно видишь, какие гигантские опасности для дела пролетариата таит в себе непонимание того, что вполне возможна победа социализма сначала и в одной отдельно взятой стране и какое великое дело сделал Ленин, еще задолго до Октября теоретически обосновавший возможность победы социализма и в одной отдельно взятой стране, и как велика заслуга т. Сталина, отстаившего и в этом учение Ленина и развившего его дальше.

Вот куда (приводило даже лучших людей международного социализма неверие и непонимание возможности победы, социалистической революции и построения социалистического общества сначала и в одной отдельно взятой стране. Роза Люксембург горячо ненавидела контрреволюционную социал-демократию, но вместе с тем сна в важнейшем вопросе оставалась в плену социал-демократических идей. Если бы пролетарский авангард в России поддался подобным настроениям, он погубил, бы пролетарскую революцию Наверняка.

Эти ошибки люксембурпианства частью разделял и Карл Либкнехт, пока он, отрезанный от всего мира, сидел за семью замками в каторжной тюрьме в Люкау. Он слал горячие приветствия Великой пролетарской революции. Он был всей душой на ее стороне. Он в любую секунду готов был отдать за нее жизнь. Но он смертельно боялся, что она может пойти на неправильный путь и погибнуть.

*

11 ноября 1917 г. Либкнехт в письме из тюрьмы пишет:

«Великий революционный процесс (и социальный и экономический), происходящий в России и охвативший ее от самых низов и до поверхности, процесс, выражением которого является политическая революция, затрагивающая весь строй государства и его правительственный механизм, — этот процесс не только не завершается, а находится в своем начале, имея

перед собой безграничные перспективы, гораздо большие, чем во время Великой французской революции. Социальная революция, опасность которой исковеркала в Германии революцию буржуазную, в России, повидимому, уже сильнее этой последней, по крайней мере на некоторое время и в Наиболее деятельных центрах этой страны. Правда, русский капитализм не одинок, имея поддержку в капитализме англо-франко-американском. Уже одна задача — найти временное и частичное решение вопроса о войне — требует титанической работы... То, что я узнаю об этих событиях, до того отрывочно и поверхностно, что я должен довольствоваться догадками. Ни в чем не ощущаю я так сильно моей нынешней духовной изоляции, как в вопросе о России».

Тут заметно уже больше понимания совершающегося в России, нежели в статье «Новое Ватерлоо социализма». Однако Либкнехт тоже еще отдает обильную дань тем настроениям спартаковцев, которые охарактеризованы вышеприведенными цитатами.

В письме от 9 дек. 1917 г. Либкнехт полон тревоги по поводу мирного предложения, сделанного только что образовавшимся русским советским правительством — как бы оно не сыграло «на руку мерзавцам Шейдеманам и Давидам». Ему кажется, что советское правительство делает ошибку, желая во что бы то ни стало «избегнуть Сциллы быстрого падения». И он еще и еще раз обращается с призывом к германским рабочим: «Подлому использованию русской революции в интересах центральных держав надо противодействовать всем'и, решительно всеми средствами».

14 декабря 1917 г. Либкнехт пишет уже более спокойно:

«Ленин и его друзья должны все-таки стремиться только к тому, о чем я тебе писал. Чем больше я об этом думаю, тем яснее становится для меня этот вопрос, тем спокойнее делается на душе и тем плодотворнее или, по крайней мере, не такой безнадежной представляется мне их тактика, которая способна очистить атмосферу на великом мировом болоте (и, прежде всего, здесь) своим освободительным веянием. Но необходимо, конечно, чтобы все это произошло и здесь, именно все. Каждый солдат должен помнить, что каждая капля пота и крови, которую он проливает по приказу Гинденбурга, поддерживает эксплуататоров и завоевателей — в ущерб избирательному праву, во вред миру».

В марте 1918 г. Либкнехт пишет: «Как резко дует мартовский ветер. Пахнет 1871-м годом, Парижем, 48—49-ми годами и 1917-м в России, к которой теперь можно буквально применить слова: *Que veut cette horde d'esclaves, de traitres, de rois conjures* («Что надо этой банде рабов, изменников и королей-заговорщиков», — этими словами Начинается

второй куплет марсельезы). И Либкнехт кончает: «Это чувство всецело мною владеет, шумит и горит в моем мозгу».

Великая пролетарская революция «всецело владеет» Либкнехтом, «шумит и горит» в его мозгу, владеет всем его сердцем. Поэтому он так и тревожится ее трудностями. Сначала он посылает из тюрьмы ряд небольших статей, заметок, тезисов, набросков полукритического характера, но каждый раз не забывает прибавить товарищам: «Я страшно мало информирован, пишу это только условно, только как материал для размышлений». Затем горизонт постепенно проясняется. Либкнехт счастлив, что тучи рассеиваются. Заметки, статейки и письма идут нелегально из тюрьмы все чаще. Для этого используются невинные книги, возвращаемые на волю, пустые пакеты, белье и т. д. И все об одном — о русской революции, о том, что германские рабочие должны помочь во что бы то ни стало.

В заметке «Итог Бреста» (весна 1918 г.) он пишет из тюрьмы: «Итог Бреста отнюдь не ноль, даже если русским навяжут самый brutальный договор. Русские делегаты сделали из Бреста революционную трибуну на весь мир» (*Karl Liebknecht*, «Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlass», 1921, стр. 51).

«Все, все будет зависеть теперь от германского пролетариата. Надо напрячь последний мускул. Пусть брызнет кровь из-под наших ногтей! Пусть потребуются неисчислимые жертвы! Наш величайший, наш святой долг притти на помощь русским братьям» (*там же*, стр. 56).

В мае Франц Меринг начинает в газете («*Leipziger Volkszeitung*») серию статей под общим заглавием «Большевики и мы». Он говорит в них о всемирно-исторической заслуге большевиков и призывает к укреплению власти большевиков. А в особом письме к большевикам от имени группы «Спартак» Меринг заявляет:

«Я пишу это письмо, чтобы исполнить желание, неоднократно высказанное в кругах группы «Интернационал», и сказать русским друзьям и товарищам, что мы связаны с ними узами горячей и глубокой симпатии и что в них, а не в призраках «старой испытанной тактики» мы видим сильнейших борцов нового Интернационала».

Небольшая заметка, переправленная Либкнехтом из тюрьмы нелегально в начале мая 1918 г., показывает, что он уже все лучше и лучше уясняет себе положение. Он пишет:

«Одно необходимо нашим русским друзьям, русским советам: прежде всего как можно скорее создать себе реальную военную силу... Им надо прежде всего обеспечить себе возможность длительного существования,

выиграть время» (*там же*, стр. 102). (Постепенно Либкнехт излечивается от ошибок люксембургизма и «левого» коммунизма. И теперь он знает «одной лишь думы власть»: он не перестает страстно звать германских рабочих на помощь русской большевистской революции — звать, будить, толкать. Пусть осторожничают теперь другие, пусть другие хныкают — боясь выступить слишком рано и рискнуть слишком многим. Либкнехт не устает теперь призывать:

«Только бы не опоздать! Только бы не собраться с силами слишком поздно! Только бы мы не слишком побоялись рискнуть. Только бы наша помощь не пришла слишком поздно!»

Волнение Либкнехта, его страстные призывы не медлить, броситься в огонь, идти на помощь русской революции тотчас же, — все это передается в берлинские рабочие кварталы. Социал-шовинисты и центристы это чувствуют и они прекрасно знают, откуда именно идут эти призывы. Нападки на Либкнехта в «Форвертсе» и других газетах становятся все более бешеными. В письме от 16/VI, 1918 г. Либкнехт пишет по этому поводу жене: «Только что мне передали газеты... Я уже принял небольшую грязевую ванну. Бррр. Дитя мое, меня часто берет сомнение — достаточно ли ты закалена, чтобы противостоять этим ежедневным нападкам на все то великое, благородное и святое, что отличает наше время; достаточно ли ты сильна, чтобы переносить изо дня в день торжество трусов, ничтожества, скотов и лакеев, чтобы терпеть все низкое и жалкое. Теперь — это самое трудное».

Чем больше Либкнехта забрасывают грязью в подлых с.-д. газетах, тем яснее ему, что призывы из тюрьмы доходят туда, куда они адресованы. Либкнехт, как и Ленин, слышит звуки одобренья не в сладком рокоте хвалы, а в диких криках озлобленья.

Только бы не опоздать!

Почти в каждой записочке Либкнехт посылает горячие приветствия «большевистской миссии» (полпредству), появившейся в Берлине и тоже являющейся мишенью для самых злостных нападок.

21 октября 1918 г. Карла Либкнехта под давлением революционных масс освобождают из тюрьмы. На Ангальтском вокзале в Берлине его встречает восторженная демонстрация рабочих. Первые его слова — слова приветия пролетарской революции в России. Первый его «визит» — к зданию советского представительства. Благоговейно обнажает он голову перед красным знаменем с советским гербом. Он целует это знамя. Он обнимает русских товарищей. И обращаясь тут же к растроганной до слез толпе революционных рабочих и солдат, он говорит все на ту же тему:

— *Только бы не опоздать! Только бы не сделать слишком мало! Только бы поскорей подать руку русской революции!..*

*

Наша большевистская революция называла имя Либкнехта среди имен самых любимых своих героев. Большевистская революция вполне поняла положение Либкнехта, хотя Либкнехт не сразу вполне понял положение большевистской революции. Но с момента, когда Либкнехт вышел на волю и смог получить всю необходимую информацию, взаимопонимание установилось полное. В лице Карла Либкнехта большевистская революция получила в Германии столь пламенного истолкователя, такого верного друга, такого преданного и авторитетного для всех честных тружеников представителя, какого только могла себе желать...

Выйдя на волю, Роза Люксембург тоже отказалась от многих своих ошибочных взглядов на русскую революцию (аграрная политика большевиков, вопрос о терроре, национальная политика). Ход развития германской революции хотя и в другом варианте, тоже целиком подтверждал правильность большевистской тактики. Через три года после убийства Розы Люксембург один из бывших ее единомышленников Пауль Леви, разойдясь с коммунистами и ренегировав в лагерь с.-д., вытащил старую рукопись Розы (писанную в тюрьме в сентябре.1918 г.) против большевиков и издал ее, хотя не мог не знать, что, выйдя из тюрьмы, Роза отказалась печатать эту рукопись, ибо под влиянием уроков революции сама пересмотрела свои взгляды. Клара Цеткин, интимный друг и Розы, и Карла, и Йогихеса Тышки, выступила главным свидетелем по этому делу — ибо все трое были уже к этому времени убиты, а письменных распоряжений, конечно, в той обстановке остаться не могло.

Кто знает Клару Цеткин, кто знает весь этот кружок революционных корифеев, тот не усомнится, что каждое слово такой «свидетельницы» должно рассматриваться как полновесная правда.

И вот, в этом свидетельском показании есть одно место, которое должно безусловно войти в биографию Карла Либкнехта.

Летом.1921 г, — Клара Цеткин, находясь в Москве, узнала, что Пауль Леви намерен печатать упомянутую рукопись Розы Люксембург. Уезжая в Германию, она виделась с В. И. Лениным и сделала ему заявление, о котором В. И. по свежим следам сообщал пишущему эти строки в следующих словах:

«Мой вчерашний разговор с Цеткиной перед ее отъездом я считаю, ввиду ряда ее заявлений, таким важным, что необходимо сообщить его Вам.

«Она опасается, как бы кое-кто из друзей Леви не вздумал издать рукопись Розы Люксембург против большевиков, написанную, кажется, в тюрьме в 1918 году. Если кто это сделает, она намерена заявить в печати, что вполне уверена в нелояльности такого поступка. Она-де всего ближе знала Розу Люксембург и уверена, что она сама признала эти взгляды ее «ошибочными, признала после выхода из тюрьмы недостаточную свою осведомленность.

«Кроме того, Лев Иопихес, ближайший друг Розы Люксембург, за два дня до своей смерти в подробной беседе с Цеткиной сказал про эту рукопись Розы Люксембург, что Роза Л. сама признала ошибочность ее. Цеткина хотела по моей просьбе написать это Вам» (письмо *Ленина* от 29/VII 1921 г.).

Когда П. Леви напечатал рукопись Розы, Клара Цеткин выполнила свое намерение. Она выпустила брошюру «Роза Люксембург и русская революция» (русское изд. Гиз, 1924), где подробно рассказала, как было дело. По поводу позиции Карла Либкнехта в вопросах русской революции после его выхода из тюрьмы Клара Цеткин пишет:

«Кроме того, имя Карла Либкнехта — исторический символ! — не простояло бы и 24 часов рядом с именем Розы Люксембург, в заголовке «Роте Фане», если бы между обоими выдающимися борцами не существовало одинакового, вполне сходного отношения к основным вопросам пролетарской революции. Это единомыслие, невзирая на различные оттенки в деталях, служило фундаментом прочной, преданной личной дружбы и революционного братства по оружию, которое соединяло Розу Люксембург: и Карла Либкнехта до самой их трагической смерти. А отношение Карла Либкнехта к русской революции всем известно» (указ. сочинение, стр. 100).

Да, отношение Карла Либкнехта к русской революции действительно всем известно. Известно также отношение русской революции к Карлу Либкнехту. И Ленин и вся партия большевиков и весь революционный рабочий класс России видели уже в это время в Карле Либкнехте лучшего представителя лучшей части германского и всего мирового пролетариата.

IX. ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОСЛЕДНИЕ ТРИ МЕСЯЦА ЖИЗНИ КАРЛА ЛИБКНЕХТА

...Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции.

В. И. Ленин в директивном письме от 1 октября 1918 г.; перепеч. в XXI Ленинском сборнике.

...Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней нет революционной партии...

Конечно, могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью.

Ленин, 9 окт. 1918 г. в статье «Пролетарская революция и ренегат Каутский»).

...Передайте немедленно Карлу Либкнехту, наш самый горячий привет. Освобождение из тюрьмы представителя революционных рабочих Германии есть знамение новой эпохи, эпохи победоносного социализма, которая открывается теперь и для Германии и для всего мира. От имени Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков)

Ленин, Сталин, Свердлов.

Телеграмма через советского посла в Берлине от 23 окт, 1918 г.

21 ОКТЯБРЯ 1918 г. Бауэр и Шейдеман — тогда еще с.-д. — статс-секретари императорского правительства — сочли за благо освободить Карла Либкнехта из тюрьмы. На деле, их к этому принудило давление рабочих. Шейдеманы и Эберты прекрасно знали, что Либкнехт их смертельный и опасный враг. Но они так же прекрасно знали, что если они не выпустят его сегодня, то массы освободят его сами завтра, и тогда еще яснее будет, что с.-д. вожди спасают буржуазию и хотят держать в цепях лучшего друга рабочих.

21 октября 1918 г. революционная рабочая масса приняла в свои объятия своего героя и любимца. И с этого дня до той минуты, когда Карлу Либкнехту после поражения январского восстания пришлось укрыться от преследований расвирепевшей социал-демократической сволочи, он все время жил и дышал вместе с революционной рабочей и солдатской массой.

Бухарин был в Берлине в день, когда Карл Либкнехт прибыл туда, освобожденный из каторжной тюрьмы. Вот как описал этот очевидец прибытие Либкнехта в столицу:

«Я помню хорошо день его освобождения. Не успел он выйти на платформу, где собрались десятки тысяч рабочих, как первым криком, вырвавшимся у него, был крик: «Долой правительство!» А первым вопросом, обращенным к друзьям, был вопрос: «Каковы ваши планы?» И уже в этот же день Либкнехт — на тележке, среди бушующего моря голосов. Его энергичная фигура, бледное лицо исстрадавшегося на каторге человека то здесь, то там мелькало среди обнаженных сабель черных шуцманов. Он сразу пошел в бой, не теряя ни минуты, не щадя ни себя, ни своих близких. Ибо это был К. Либкнехт.

«Помню я его клятву на вечере в русаком посольстве. Там были Гаазе и Барт и Оскар Кок. Там был старик Меринг, наш любимый старый друг, который плакал, как дитя, когда снова увидел своего бесстрашного Карла. В речи Либкнехта была вся его программа, это — смертельная ненависть к капиталу, к его агентам, к соглашателям, к людям золотой середины, к героям слов и разговоров. И все — и друзья и полувраги — почувствовали: к нам пришел тот, кого недоставало. Революционный ураган близок.

«Либкнехт прямо и определенно поднял вопрос о восстании, в котором он должен принять участие сам, вместе с массами и впереди масс».

В течение первых трех месяцев германской резолюции в Германии не было человека, который *лично* пользовался бы большей любовью, большим доверием и большей популярностью, чем Карл Либкнехт. Но именно — только лично. Его партия не могла пользоваться таким доверием по той простой причине, что ее еще не было. Коммунистическая партия Германии

сложилась только в конце декабря 1918 г. И вот в этом-то и была вся Трагедия.

К началу развязки в конце 1918 г. «действительной революционной партии у немецких рабочих не оказалось, вследствие опоздания с расколом» — писал впоследствии Ленин (т. XXVI, 485). Это — во-первых. Во-вторых же, роковую для революции роль сыграло то, что громадная часть революционно настроенных рабочих доверяла еще центристской партии «независимых». «Между спартаковцами И шейдемановцами — колеблющиеся, бесхарактерные каутскианцы... на словах независимые, на деле зависящие целиком и по всей линии сегодня от буржуазии и шейдемановцев, завтра ют спартаковцев, частью идущие за первыми, частью за вторыми, люди без идей, без характера, без политики, без чести, без совести, живое воплощение растерянности филистеров» (Ленин, т. XXIII, 497).

Спартаковское движение представляло собою именно только «движение». Ему нехватало организации, «головы», нехватало партии. Мало того. Программа союза «Спартак», составленная Розой Люксембург и одобренная всеми спартаковскими вождями, специально подчеркивала, что союз этот есть сознательная часть пролетариата, но не партия^[11]. Один из самых близких соратников Розы Люксембург В. Пик свидетельствует, что мысль Розы была понята именно так: сознательная часть пролетариата, и о — не партия. (См., «Воспоминания» Пика в жури. «Борьба классов», 1932, т. I, стр. 36). И это писалось в декабре 1918.

С.-д. «большинство» имело старую крепкую организацию, имело в своих руках с.-д. профсоюзы и опиралось на тысячу связей с буржуазией, с офицерским корпусом старой армии. А тут еще между спартаковским движением и контрреволюционными с.-д. партией и профсоюзами, «посередине» — «независимая» партия, которая достаточно охарактеризована в вышеприведенных словах Ленина. В каждую критическую решающую минуту — классический пример: январское восстание 1919 г. — независимые «обволакивали» спартаковцев, образовывали «буфер» между ними и с.-д. большинством, втягивали спартаковское движение в «переговоры» с с.-д. правительством и, в конце концов, в союзе с основными силами буржуазии (германской и всей мировой буржуазии) спасли капитализм, раздавили начинавшуюся было пролетарскую революцию в Германии. Только на этом фоне становится понятней и личная судьба великого революционера Карла Либкнехта.

В самом деле. Личная популярность Карла Либкнехта среди революционных масс рабочих, солдат, матросов была беспредельна. Только

ото и позволяло ему иногда заменять собою одним целым Центральный комитет и брать на свои собственные плечи дела, которые были посильны только целым организациям.

7 ноября 1918 г. союз «Спартак» выпускает первое воззвание за подписями Карла Либкнехта и Эрнста Мейера. Оно обращено к берлинскому гарнизону и открыто направлено против официальной социал-демократии. Его лозунги:

1. Немедленное освобождение всех заключенных, в том числе и военных.

2. Свержение всех династий и полное уничтожение обособленности отдельных германских стран.

3. Создание советов рабочих и солдатских депутатов, Немедленные выборы депутатов на заводах и в воинских частях.

4. Немедленное установление связи с остальными советами рабочих и солдатских депутатов в Германии.

5. Правительство из уполномоченных советов рабочих и солдатских депутатов.

6. Немедленно связаться с международным пролетариатом, в особенности с рабочей республикой в России!

9 ноября 1918 г., когда Эберты и Шейдеманы шныряют и вынюхивают, нельзя ли спасти еще монархию, Либкнехт с небольшой группой матросов занимает берлинский дворец и с балкона его провозглашает революцию. Когда к вечеру этого дня Либкнехт появляется перед огромной массой собравшихся рабочих и солдат, перед которыми до него выступали уже десятки рабочих, встает пожилой солдат, подымает небольшое красное знамя и при нескончаемом энтузиазме всех собравшихся провозглашает:

— Да здравствует первый президент германской республики, Карл Либкнехт!

Масса воспринимает в этот день такой лозунг, как нечто само собою разумеющееся. Кто же, как не Карл Либкнехт, достоин быть первым (Президентом Германской социалистической республики!

Либкнехт на этот возглас отвечает:

— Товарищи! Так далеко мы еще не ушли. Но президент ли я или нет, задача сейчас в том, чтобы крепче объединиться. Только тогда дело будет прочно. Да здравствует свобода, счастье, мир! (Заимствуем описание этого эпизода из книги Эбергарда Бухнера «Революционные документы», стр. 134. Бухнер приводит этот эпизод на основании газетных отчетов, составленных по свежим следам событий).

Карл Либкнехт на трибуне.

А когда 11 ноября собирается Берлинский совет рабочих и солдатских депутатов, Либкнехта лично приветствуют горячо и с великим энтузиазмом, но предложений его группы не принимают. И Либкнехт остается тут почти один. Его речи внимают сначала благоговейно. Его самого готовы носить на руках, в буквальном смысле слова. Но когда он в конце речи требует убрать с дороги Эберта и К°, толпа отвечает возгласами: «*Единство, единство, единство!*» (Там же, стр. 156). И когда спартаковцы пробуют провести в первый Исполком Розу Люксембург, они терпят поражение.

«Объединительный угар» был более чем естественен в первые дни и часы революции. Чтобы ему противостоять, нужна была своя строго организованная, вполне самостоятельная, сплоченная» и закаленная партия. А ее-то у спартаковцев и не было. В этой обстановке крики «единство, единство» шли на пользу Эбертам и Носке, на деле раскалывавшим рабочих и предававшим их буржуазии. А Либкнехт, лично

являвшийся кумиром революционных масс на улице, — в Совете был бессилён против пигмеев вроде Барта, Дитмана и К°.

8 и 9 ноября Либкнехт развивает особенно лихорадочную деятельность. Большинство вождей спартаковцев ещё не освобождено из тюрьмы, и Либкнехт с двумя-тремя товарищами заменяют целый Центральный комитет. Первые его речи 9 ноября на площади перед дворцом с грузовиков запечатлены только в отчетах репортеров газет. Но и эти краткие отчеты представляют громадный интерес.

«— Час революции пробил. Мы заставили их кончить войну. В эту минуту мир стал неизбежен. Старое умерло. Власть Гогенцоллернов, обитавших в этом дворце в течение столетий, низвергнута. В настоящую торжественную минуту мы провозглашаем свободную германскую социалистическую республику. Мы шлем отсюда привет нашим русским братьям, которых 4 дня тому назад предательски изгнали из Берлина»^[12].

В другой речи на той же площади Карл Либкнехт говорил:

«— Товарищи, члены партии! Я провозглашаю здесь свободную социалистическую республику Германии — единую, обнимающую все германские земли. Капитализм превратил Европу в одно сплошное кладбище. Теперь господство капитализма будет сломлено. Мы приглашаем наших русских братьев вернуться назад в Германию. Прощаясь с нами, русские товарищи сказали нам: «Если вы в течение месяца не добьетесь того же, чего добились мы, — то мы должны будем серьезно на вас рассердиться». Но прошло всего 4 дня, и мы совершили революцию... Мы протягиваем им братскую руку и зовем их вместе с нами довести до конца дело мировой революции. Кто из вас стоит за создание свободной социалистической республики в Германии, за доведение до конца дела мировой революции, — тех я прошу поднять руку и поклясться в верности красному знамени.

Подымается лес рук».

Таков отчет «Фоссише Цейтунг» за 10 ноября 1918 г.

Либкнехта освободили из тюрьмы 21 октября. Розу Люксембург Революция освободила из Бреславльской тюрьмы только 10 ноября. Лео Иогихеса товарищи освободили из Моабитской тюрьмы только 9 ноября. Поздно вечером 10 ноября впервые мог собраться штаб спартаковцев. Это совещание (состоявшееся в помещении редакции «Локаль-Анцейгер») впоследствии описал в своих воспоминаниях Вильгельм Пик. На нем господствовала радость по поводу того, что все снова собрались вместе, что спартаковцы смогут теперь возобновить свою работу, что вернулись вожди. Но «радость, — вспоминает Пик, — была все же омрачена. Слова

Карла Либкнехта, сказанные им несколько часов назад в цирке Буша рабочим и солдатам: «Контрреволюция находится среди вас», — были слишком справедливы.

Леон Тышко (Иогихес).

Как бы то ни было, штаб спартаковцев теперь собрался, «и Либкнехт действовал уже не один.

10 ноября 1918 г. стала выходить «Роте Фане», которую редактировали Карл с Розой. Редакция находилась в одном конце города. В другом конце города находилось помещение Союза красных солдат, основанного 11 ноября. Между этими двумя пунктами каждый день носился, как вихрь» Либкнехт. ЦК союза «Спартак» заседал в самых различных частях города, избегая преследований, начавшихся в результате с.-д. травли с первых же дней революции. Не было того дня, когда Либкнехт не выступал бы на нескольких митингах. Не было той ночи, когда бы он мог сколько-нибудь достаточно выспаться. Он отдавал себя нарастающему движению целиком

и без остатка. Он надрывался на работе сверх всяких сил.

Карл Либкнехт неутомим в своей агитации за *большевицкую* революцию, против правительства Эберта. Он отправляется по казармам к тем воинским частям, на которые больше всего опиралось с.-д. большинство. Вот один из эпизодов этих дней, описанный в «Форвертсе». Дело идет о 3-м пехотном батальоне, расквартированном в Берлине. Редакции «Форвертса» жалуются на Либкнехта офицеры и унтер-офицеры названного батальона.

«В понедельник 11 ноября после обеда весь батальон принес присягу на верность новому правительству Эберта-Гаазе. Выбранные батальоном офицеры с радостью присоединились к этому акту. В батальоне царили образцовые тишина и порядок. Но 14 ноября перед обедом здесь появился Карл Либкнехт и во дворе казармы устроил солдатский митинг. В речи своей Либкнехт призывал прогнать все начальство и самыми радикальными мерами бороться против всякого начальства вообще. Результатом этой речи было то, что выборные офицеры тотчас же покинули казармы. Солдаты, воспользовавшись беспорядком, стали требовать от унтер-офицеров, чтобы они сорвали с себя погоны и т. п. Унтер-офицеры единодушно протестуют против такого вторжения и просят послать оратора, который успокоил бы солдат и положил бы конец расколу в батальоне» («Форвертс», 15 ноября 1918 г.).

Знакомые жалобы! В таких же словах «жаловались» меньшевики и эсеры на большевиков в первую фазу Февральской революции. Этой одной заметки врагов было бы достаточно, чтобы убедиться, что Карл Либкнехт и в эти дни мужественно и до конца выполнял свой долг пролетарского революционера.

20 ноября происходила первая гражданская панихида по жертвам революции, павшим в ноябрьские дни. На кладбище среди других ораторов выступал и Либкнехт. Буржуазные и с.-д. газеты жуют его за то, что он «даже и здесь» Внес диссонанс'. «Карл Либкнехт решительно требовал проведения всех мер, необходимых для того, чтобы Германия превратилась в социалистическую республику» — сообщает берлинский «Локаль-Анцейгер» от 21 ноября 1917 г. А венская с.-д. «Рабочая газета» сообщает, что Либкнехт вообще выступил на кладбище «вне программы». «Руководители собрания не хотели выступления Либкнехта. На могилах жертв революции Либкнехт заявил, что, по его мнению, революция находится уже в величайшей опасности, и он требовал принятия всех мер, дабы в Германии действительно восторжествовала социалистическая революция» («Раб. газета» от 22 ноября 1918 г.).

19 и 20 ноября Либкнехт выступал на заседании Берлинского совета рабочих депутатов, где Эберта встречали еще «бурными овациями». Речь Либкнехта «Форвертс» передает, конечно, очень глухо. Либкнехт-де требовал «принятия всех мер, дабы помешать реставрации власти капиталистов» и встретил при этом «оживленное одобрение» («Форвертс» от 20 ноября 1918 г.).

В конце ноября на Либкнехта начинают нападать за то, что он «захватил» в свои руки все радиостанции. «Солдаты и телеграфисты и радиоработники радиостанций являются лейб-гвардией Либкнехта. Уже с 9 ноября он ведет их за собой» — говорит «Франкфуртер Цейтунг» от 2 декабря 1918 г. Соединенные штаты Америки, — с «ужасом» сообщает эта газета, — констатировали, что правительство Эберта «не в состоянии гарантировать, что служба связи действительно находится в его руках».

Травля против Либкнехта не прекращалась и теперь ни на одну минуту — слишком он был опасен буржуазии и контрреволюционной социал-демократии. Уже с первых же дней существования «Роте Фане» в редакцию стали вламываться контрреволюционные отряды. Один из таких отрядов вломился в ночную редакцию газеты спартаковцев и стал обыскивать несгораемый шкаф, где, как сказали обманутым солдатам, должны храниться «русские миллионы». Солдатам внушали мысль, что стоит только «обезвредить» спартаковцев — и в Берлине наступят мир и покой; среди солдат-фронтовиков сеяли слухи, будто спартаковцы действуют, как бандиты, будто Либкнехт свирепствует, как «атаман шайки разбойников». Вот один из плакатов, выпущенных против Либкнехта уже в ноябре:

Погромный плакат с призывом к убийству Карла Либкнехта

(за подписью: Солдаты-фронтовики).

Первый месяц после освобождения Либкнехта из тюрьмы пробежал в бесконечных митингах, в постоянном общении с народными массами, в первых свиданиях с вышедшими из тюрем товарищами, в первых совещаниях, посвященных вопросам о создании самых элементарных предпосылок собственной организации, которая имела бы разветвления по всей стране.

16 декабря 1918 г. в Берлине открылся I Всегерманский съезд рабочих и солдатских депутатов. Он находился целиком в руках социал-предателей. С тяжелым чувством перелистываешь теперь протоколы этого съезда.

Съезд открывает Рихард Мюллер, председатель берлинского исполкома. Выбирается мандатная комиссия. В нее входит и «товарищ» Цергибель (тот самый!). После избрания бюро встает один матрос и

вручает председательствующему Роберту Лейнерту предложение:

— Принимая во внимание чрезвычайные заслуги Карла Либкнехта и Розы Люксембург перед революцией, — советский конгресс приглашает их на свои заседания в качестве гостей с совещательным голосом.

Голосуется. *Отклонено!*

За стенами конгресса бушует море демонстрантов. Через некоторое время в зале появляется делегация от демонстрантов. Ей вынуждены предоставить слово. Демонстранты требуют:

1) Германия должна быть объявлена единой социалистической республикой.

2) Вся власть — Советам рабочих и солдатских депутатов.

3) Центральный совет избирает исполком, который должен являться высшим законодательным и исполнительным органом.

4) Немедленно отстранить Совет народных уполномоченных, возглавляемый Эбертом.

5) Разоружить контрреволюцию, вооружить рабочих, образовать красную гвардию.

6) Немедленно обратиться к рабочим всех стран с призывом приступить к созданию Советов рабочих и солдатских депутатов.

Съезд молча выслушивает эти требования и... переходит к очередным делам.

С докладом от имени правительства народных уполномоченных выступает Дитман.

Левый независимый Брасс требует ареста генералов, разоружения офицеров и принятия мер против газет, призывающих к убийству вождей «Спартака». Ему отвечает с.-д. министр Ландсберг, который заявляет: «Не надо нервничать. Не надо нервничать и тогда, когда вы читаете призывы убить Либкнехта. Нельзя арестовывать генералов. Неужели вы хотите, чтобы было утеряно чувство безопасности?».

Через некоторое время в зале вновь появляется делегация от революционных рабочих Берлина. Ее возглавляет Пик. Делегация вновь провозглашает лозунг: «Вся власть советам!» Результат — тот же...

Хозяином конгресса является Эберт. Все свои шаги он предварительно согласовывает с представителем высшего белого офицерства — генералам Тренером. Литературный порученец Гренора майор Фолькман в книге «Германия в вихре революции» теперь рассказал подробно, как Эберта дергали за ниточку контрреволюционные генералы, а Эберт дергал за ниточку президиум «советского» съезда. Все было разыграно на съезде, как по нотам. Съезд советов превращен был в покорное орудие буржуазии.

После выступлений Шейдемана и Гильфердинга конгресс 21 декабря закрывается. Эберт и К° вскоре похоронят советы по первому разряду...

16 декабря 1918 г., в день открытия Всегерманского съезда советов, Либкнехт на большом митинге говорил:

— В настоящее время у нас не социалистическая республика, а капиталистическая... В правительстве Эберта — Шейдемана по документальным данным сходятся все нити контрреволюции... Мы требуем от Съезда советов, чтобы он взял в свои руки всю политическую власть и провел социализм. Съезд не должен передавать власти Учредительному собранию, которое не является органом революции. Мы требуем от Съезда советов, чтобы он протянул руку нашим братьям в России и пригласил бы делегатов от русских. Мы хотим мировой революции и объединения пролетариев всех стран под властью рабочих и солдатских советов («*Pote Фане*», 17 дек. 1918 г.).

Эта позиция встречала горячее сочувствие со стороны самой революционной части рабочих. Однако она не имела за собою большинства рабочих. Мало того; и то меньшинство рабочих, которое сочувствовало ей, совершенно не было организовано.

С начала декабря Либкнехт и его друзья стали готовиться к собственному совещанию спартаковцев, на котором должен был решиться вопрос об образовании самостоятельной коммунистической партии. В начале же декабря спартаковцы имели первое крупное военное столкновение с бандами Носке из-за нападения последних на красных моряков.

Однако и сейчас еще не были окончательно изжиты колебания в вопросе о создании самостоятельной коммунистической партии. По свидетельству В. Пика, еще и теперь «ни Исихес, ни Роза Люксембург не хотели мириться с этой мыслью. Они больше стремились к тому, чтобы отколоть рабочих *внутри* независимой с.-д. партии от руководства и повести их за спартаковцами». Решено было предъявить «независимым» ультиматум с требованием немедленного созыва съезда партии, на котором спартаковцы собирались дать вождям независимых решающий бой. Независимцы ответили отказом, сославшись на «транспортные затруднения» и на то, что нужно заняться «избирательной кампанией». Тогда в последних числах декабря 1918 г. была созвана общегерманская конференция спартаковцев, сначала заседавшая тайно. На ней (большинством против трех голосов) и было решено — немедленно образовать свою собственную коммунистическую-партию. После этого конференция превратилась в съезд, заседавший уже открыто.

30 декабря открылась I учредительная всегерманская конференция спартаковцев. Обаяние спартаковцев за это время выросло гигантски. Но организация была крайне слаба. Собралось 100 Делегатов. Либкнехт делал доклад «О кризисе в независимой с.-д. партии». Это и был, собственно, главный доклад, ибо по этому пункту и решался вопрос об окончательном разрыве спартаковцев с партией независимых. По предложению Карла и Розы, решено было выйти окончательно из объединения независимых и создать овею самостоятельную коммунистическую партию под названием: «Коммунистическая партия Германии (союз Спартака)». По предложению Либкнехта, была отправлена специальная телеграмма РКП большевиков с торжественным заявлением о солидарности германских спартаковцев с русскими большевиками.

Одну из главных своих задач Либкнехт в это время попережнему видел в агитации за русскую революцию, за русских большевиков. В этой агитации с.-д. правительство стало видеть особенно большую опасность для себя. Оно отказалось, как известно, от транспорта хлеба, посланного нашим советским правительством для передачи немецким рабочим. Оно изгнало русское советское посольство из Берлина. Все эти акты предательства Либкнехт пригвоздил к позорному столбу. Он агитировал все шире и шире за союз революционной Германии с Советской Россией, вызывая этой идеей все более сильный энтузиазм среди рабочих масс. Этого больше всего боялись Эберты и Шейдеманы. Чтобы отразить атаки Либкнехта, они пустили в ход версию, что соглашение с Советской Россией означает немедленное возобновление войны Антанты против Германии. Войны же массы в этот момент боялись больше всего на свете.

Вот один небольшой с.-д. плакат против Либкнехта, распространявшийся в сотнях тысяч экземпляров:

Плакат против Либкнехта как агента советской России».

Либкнехт — агент России!

Приверженцы Либкнехта за кого сражаетесь вы?

Боретесь ли вы только за идеалы Либкнехта или отдаете себе отчет за кого жертвуете вы своей жизнью?

Знаете ли вы, почему Радек поспешил в Берлин?

Знаете ли вы для чего и почему многие русские советские представители пребывают в Берлине?

Для того чтобы они могли использовать Германию как плацдарм военных действий за русские большевистские идеи и идеалы.

«Мы совершили революцию, чтобы покончить с войной, Спартаковцы хотят совершить новую революцию, чтобы начать новую войну», — так гласит один из плакатов, выпущенных свободными (т. е. с.-д.) профсоюзами.

Либкнехт открыто заявлял, что он только горд считаться «агентом» великой пролетарской революции и что до последнего своего вздоха он будет бороться за братский нерасторжимый союз социалистической Германии с Советской Россией.

Карл Либкнехт исполнил это обещание до конца.

*

На рубеже от 1918 к 1919 году в Германии провозглашено было наконец образование самостоятельной коммунистической партии. Ее признанными вождями были Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Но не успел еще закрыться учредительный съезд партии, как надвинулись решающие январские бои. Контрреволюционная социал-демократия, действовавшая в полном контакте с генералами Вильгельма II, с контрреволюционным офицерским корпусом (в числе этих офицеров были многие нынешние столпы гитлеровской партии), считала для себя стратегически выгодным вызвать *скорее* спартаковцев на решающий бой и утопить движение в крови рабочих. С точки зрения классовых интересов буржуазии этот план был стратегически правилен. Вся обстановка сложилась так, что рабочие Берлина не могли не принять боя, а молодая компартия во главе с Либкнехтом не могла не пойти в этих боях вместе с рабочими. Известная уже нам роль независимых доделала остальное. Буржуазия вместе со своей социал-демократией одержала верх в январских боях. В числе их трофеев были головы Карла Либкнехта и Розы Люксембург...

Декабрьский съезд союза «Спартак», постановивший образовать самостоятельную коммунистическую партию в Германии, был, конечно, крупным шагом вперед. Однако это не значит, что тут же сразу и на деле создалась однородная, вылитая из одного куска партия. И тем менее это значит, что партия сразу стала подлинно большевистской. Дальнейшие

события доказали, что до этого было еще очень далеко. На самом этом съезде была принята программа (проект был написан Розой Люксембург), в которой говорилось, напр., следующее:

«Союз «Спартак» отказывается взять власть только в силу того, что Шейдеманы окажутся банкротами, а независимые — загнанными в тупик в результате своего сотрудничества с ними. Союз «Спартак» никогда иначе и не возьмет власть, как в результате ясной, недвусмысленной воли огромного большинства пролетарской массы в Германии, не иначе как в силу сознательного согласия этой массы с перспективами, целями и методами борьбы союза «Спартак».

Сравните это более чем сбивчивое заявление с известным историческим заявлением, которое сделал В. И. Ленин в июне 1917 г. на первом Съезде советов, где преобладали меньшевики и эсеры!

Далее на спартаковском съезде много спорили по вопросу о том, надо ли участвовать в выборах в Национальное собрание. И вопреки советам Карла Либкнехта и Розы Люксембург большинство (62 против 23) высказалось против участия.

Партия еще не устоялась. Многие еще находилось в ней в процессе брожения. В ее ряды вошли и незрелые «ультра-левые» элементы, вскоре потом порвавшие с ней. В нее вошли и элементы, не изжившие еще остатков с.-д. идей и, как оказалось потом, надолго застрявшие на ошибках люксембургизма.

И вот в таком-то состоянии союзу «Спартак» предстояло выйти на бой в январские дни 1919 г. и принять сражение, которое получило решающий характер на целый исторический период.

События начали быстро развиваться уже через несколько дней после окончания съезда спартаковцев.

Мы не можем давать здесь сколько-нибудь подробную картину январского восстания. Это слишком большая тема, чтобы исчерпать ее мимоходом. Мы напомним здесь только основные вехи событий, дабы читатель мог видеть роль Либкнехта в них. Дело развивалось так.

В конце декабря 1918 г. под давлением недовольных масс из с.-д. «революционного» (на деле контрреволюционного) правительства съшли независимые Гаазе, Дитман и Барт, проделавши свой очередной зигзаг. Вместо них в правительство Эберта вступили с.-д. «большинства», Носке и Виссель, Эберт и К° приступили к чистке аппарата от независимцев. Пост берлинского полицей-президента занимал левый независимый Эмиль Эйхгорн (впоследствии коммунист). 4 января правительство Эберта решило его сместить. Узнав об этом, берлинское бюро независимых решило

немедленно собраться вместе с «революционными старостами» (своеобразная организация революционных рабочих, руководившая стачками в 1916—18 гг. и примыкавшая в большинстве к независимым, а в меньшинстве — к спартаковцам). На это собрание пришли также Карл Либкнехт и Вильгельм Пик как представители спартаковцев. Полицей-президиум представлял собою серьезную позицию и независимые не хотели ее сдавать. Независимые вместе со старостами приняли решение: 1) предложить Эйхгорну должности своей не сдавать и 2) на 5 января назначить демонстрацию под лозунгом: «Долой насильников Эберта — Шейдемана». Либкнехт и Пик поддержали это решение. Демонстрация по призыву спартаковцев и независимых состоялась и имела грандиозный успех, переросший все ожидания инициаторов. Массы рвались в бой и требовали более решительных действий. К вечеру 5 января состоялось новое собрание революционных старост совместно с берлинским комитетом независимых. От спартаковцев вновь присутствовали К. Либкнехт и В. Пик. На совещание это одна за другой стали появляться делегации от рабочих и войск, требуя развернуть борьбу, не ограничиваться защитой Эйхгорна, а идти до конца — вплоть до свержения правительства Эберта — Шейдемана. Особенно большое впечатление производили заявления представителей революционных войск. Представитель морской красной дивизии Доренбах заявил, что моряки все готовы идти за революционными старостами и требуют 'свержения правительства Эберта Шейдемана. Он же передал сведения из Шпандау, что там находится большая воинская часть с 2 000 пулеметов и 20 орудиями, готовая на то же. Тут же поступило сообщение из Франкфурта на Одере о том, что гарнизон восстал против правительства и готов идти в Берлин на помощь революционным рабочим и т. п.

После долгих обсуждений было решено:

1. Провозгласить борьбу против правительства и вести ее до свержения его.
2. Призвать рабочих к всеобщей забастовке.
3. Поддерживать захват газетного квартала (помещение с.-д. «Форвертса» было уже захвачено демонстрантами пятого числа днем).

Карл Либкнехт, по утверждению участников, заявил, что «при таких обстоятельствах не только должен быть отражен удар против Эйхгорна, но возможно и необходимо свержение правительства».

Приведенное решение (в трех пунктах) было принято всеми голосами против шести правых независимцев (всего участвовало 70 человек). Для руководства всем делом выбрано было бюро из трех лиц с равными

правами: Либкнехт, Ледебур, Шольце.

«При этих обстоятельствах, — пишет в своих воспоминаниях Вильгельм Пик, — мне пришлось составить на пишущей машинке следующий документ:

Товарищи рабочие!

Правительство Эберта — Шейдемана стало немыслимым. Нижеподписавшиеся — революционный комитет, представители революционных с.-д. рабочих и солдат (независимая с.-д. партия и коммунистическая партия) — объявляют его низложенным. Нижеподписавшийся революционный комитет временно принял на себя правительственные дела.

Товарищи рабочие!

Присоединяйтесь к мероприятиям революционного комитета.

Берлин, 6 января 1919 г.

Революционный комитет:

Либкнехт, Ледебур, Шольце».

*

«Само собой разумеется, — пишет Пик, — что этот документ был только средством к цели: убедить колеблющихся солдат присоединиться к восстаний».

ЦК спартаковцев, узнавши о решении, не был вполне согласен с ним и считал преждевременным ставить вопрос о прямом свержении правительства, но практические мероприятия решил поддержать и постановил идти вместе с рвущейся в бой массой.

ЦК независимцев в душе был на стороне правого крыла независимцев. Даже лучшая часть независимцев не отдавала себе отчета в том, что вопрос станет о вооруженном восстании, что надо либо решиться на него, либо на данной стадии решительно тормозить немедленные выступления на улицу.

При таких ауспичиях начиналась борьба, которой суждено было сыграть решающую роль.

Массы поднялись с небывалой силой. Массы — обнаружили чудеса героизма. Массы инстинктом чуяли, что надо идти до конца. Они вышли на улицу в небывалом числе. Они готовы были идти на какие угодно жертвы. Но надлежащего руководства при описанной обстановке быть не могло. Отдельный героический вождь, даже масштаба Карла Либкнехта, не мог

обеспечить руководство в такой обстановке. Тут нужна была сплоченная и закаленная в боях коммунистическая партия. А ее-то и не было. Даже палач Носке вынужден был впоследствии признать, что «если бы эта толпа имела решительных и дельных вождей... она уже утром этого дня могла бы овладеть Берлином».

Эберт принимает парад белогвардейских войск

«То, что произошло в Берлине, — писала «Роте Фане», — явилось, быть может, самым крупным из совершенных пролетарскими массами актов, когда-либо виданных в истории... Пролетарии стояли сплошной массой от Роланда до Виктории, даже до Тиргартена. Они принесли с собой свое оружие, их красные знамена развевались. Они были готовы сделать все, отдать все, даже свою жизнь. Это была армия в 200 000 человек.

«Но тут случилось нечто невероятное. Массы стояли с 9 часов утра. Было холодно и туманно. Вожди же сидели и совещались. Ту ман рассеялся, массы продолжали стоять, вожди же продолжали совещаться. Наступило время обеда. Сделалось холодно и голодно. Вожди все продолжали совещаться. Массы лихорадило от возбуждения— они жаждали сделать что-нибудь... Стало опять туманно и наступили сумерки. Печально начали массы расходиться по домам... Снаружи на

Александровской площади стояли пролетарии с пулеметами и тяжелыми и легкими орудиями, внутри же здания полиции вожди продолжали совещаться. В здании полиции шел подсчет оружия, матросы стояли на всех концах улиц, всюду были толпы солдат, матросов, пролетариев. Вожди все еще продолжали совещаться. Они сидели и совещались целый день и целую ночь, совещались и на другой день на рассвете и потом днем. Опять по улицам двигались бесконечные толпы народа, вожди же все еще совещались»...

«Совещались», «обсуждали положение», вели «переговоры» независимые: за ними, однако, шла организация «революционных старост». Эта организация была недостаточно самостоятельна и независима, чтобы помочь борьбе революционных рабочих, но достаточно влиятельна, чтобы связать по рукам и ногам тех спартаковских вождей, кто понимал положение. Пока шли «совещания» и «переговоры», Носке с белогвардейскими офицерами занимались «делом».

Правительство Эберта решило перейти в наступление. С.-д. большинства вступили в соглашение с генеральской шайкой. Военный министр, полковник Рейнгарт, назначил было главнокомандующим ген. — лейт. Гофмана. Но затем с.-д. передумали и передали эти полномочия Носке. «Кто-нибудь из нас должен же взять на себя роль кровавой собаки» — сказал о себе в этот момент сам Носке (см. его «Мемуары», стр. 56). Стянуты были все белогвардейские военные единицы. Чтобы выиграть время, правительство Эберта через правых независимцев (затягло «переговоры» с «революционными старостами». Маклерами выступали Каутский, Гаазе и К°. Вся задача с.-д. большинства заключалась в том, чтобы внести разброд в среду «левых» независимцев, что в значительной мере и удалось.

Стачка революционных рабочих приняла большой размах. 7 и 8 января происходят уличные бои во многих кварталах Берлина. Рабочие дерутся, как львы. Превосходно ведут себя рядовые рабочие спартаковцы. В это же время шейдемановцы вновь затевают «переговоры». Левые независимцы соглашаются на переговоры. Либкнехт и его друзья — в меньшинстве. Шейдемановцы требуют, чтобы революционные рабочие очистили помещение «Форвертса». Идут торги. Масса чувствует, что руководители колеблются. Это вносит разложение. Шейдемановцы пускают слух, что «соглашение» скоро состоится, что все «объединятся» и «братоубийственная война» прекратится. Комитет трех работает плохо; Либкнехт и в нем в меньшинстве.

Тем временем Эберт — Носке стянули большой кулак

белогвардейских войск, 8 января правительство Эберта заговорило уже более «твердым» языком, угрожая «расплатой» и т. п. Тогда у революционного комитета (т. е. у большинства его) начали открываться глаза. 8-го вечером он выпускает листок: «К генеральной забастовке! К оружию!» В этом документе говорилось:

«...Прикрываясь коварной маской готовности к переговорам, они использовали два дня для поспешного вооружения, для стягивания контрреволюционных войск из других городов, для подкупа и обмана, для разложения революционных войск, для вооружения своих приверженцев и буржуазии, для лихорадочного усиления их военной силы. 14 вчера, в среду вечером, когда они сочли, что достаточно подготовились, они, козыряя своей грубой силой, прервали переговоры.

«Рабочие, солдаты!

«Теперь рассеялся последний туман. Ситуация ясна. Речь идет обо всем: о счастье, о будущем рабочего класса, о всей социальной революции. Перед всей общественностью призвали к оружию Эберт и Шейдеман своих приверженцев и буржуазию против вас, пролетариев. Уже необходимость защиты принуждает вас отплатить той же монетой. Выбора больше нет. Нужно бороться до конца... Покажите подлецам вашу силу. Вооружайтесь, действуйте оружием против ваших смертельных врагов — Эберта-Шейдемана. На борьбу! Выходите из предприятий. К генеральной забастовке, к оружию! На улицу для последнего боя и победы!»

Массы опять откликнулись на призыв, и те предприятия, которые еще работали, прекратили работу. Однако революционное настроение уже спадало. «Переговоры», колебания, обнаруженные 6, 7 и 8 января, внесли дезорганизацию.

8 января, (вспоминает Вильгельм Пик, состоялось заседание ЦК КПГ, «на котором Йогихес и Роза Люксембург подвергли в высшей степени резкой критике руководство этим (январским) выступлением и категорически потребовали от меня и Либкнехта, чтобы мы вышли из комитета действия». Либкнехту было крайне тяжело подчиниться этому решению, так как слишком сильно был он связан с этим комитетом. Но он видел, что и его пребывание в «комитете действия» уже не спасет движения... 10 января ЦК КПГ обратился к функционерам с письменным заявлением, в котором сообщал, что оба представителя компартии отзываются из комитета действия и впредь будут присутствовать на его заседаниях лишь с информационной целью.

10 января правительство Эберта — будто бы «под давлением» маклеров из лагеря правых независимых — вновь снизошло до

«переговоров». Представители независимой партии теперь согласились на освобождение «Форвертса», но правительство и Центральный совет, почувствовав новые колебания в рядах противника, теперь окончательно повели «твердое» политику. Теперь они отклонили миролюбивое соглашение. 10 вечером они арестовывают Ледебура. Белогвардейские с.-д. войска берут штурмом здание «Форвертса». Другие части белогвардейцев, предводительствуемые с.-д. «большинства», берут штурмом полицейский президиум. При этом разыгрываются сцены вроде, например, следующей: «Один 16-летний мальчик, находившийся среди пленных, когда нас привели во двор казармы, воскликнул: «Да здравствует Либкнехт!» Он тотчас же получил от молодого солдата из полка «майских жуков» удар по голове прикладом. Мальчик упал. Санитар хотел оказать помощь, но солдат закричал на него: «Назад! Пусть собака истечет кровью!» «Мальчику было приказано подняться и с поднятыми руками направиться к стенке. Собрав последние силы, тяжело раненый выполнил это приказание. Один молодой стрелок встал на колени и метким выстрелом в затылок пристрелил юношу.

11 января Носке с особо подобранным контрреволюционным отрядом (преимущественно белые офицеры) вошел в Берлин. 12-го правительственные войска занимают Силезский вокзал. Белый террор свирепствует уже во-всю. Революционное рабочее движение пошло на убыль. 13 января революционные старосты и берлинский комитет независимых призывают рабочих кончать стачку. Социал-демократические убийцы науськивают белогвардейские отряды продолжать громить рабочих и физически истребить цвет спартаковских пролетариев. Гибнут сотни и тысячи лучших рабочих. Январское восстание подавлено, утоплено в крови рабочих, буржуазия подымает голову. Она требует мести и еще раз мести. «Око за око — зуб за зуб», — пишет «Дейтше Тагесцейтунг» 13 января. — «Жаль каждой пули, которая не попадает в кровопийц и подлецов»...

Карл Либкнехт и Роза Люксембург, как и ряд других спартаковских руководителей, вынуждены перейти на нелегальное положение. С.-д. печать подымает специальную травлю против Либкнехта и Люксембург. «Форвертс» в прозе и в стихах науськивает на них белые банды, давая «лозунг» — найти Карла и Розу во что бы то ни стало. Белогвардейские офицеры не заставляют себя долго просить. Эту задачу они берут на себя охотно.

Никто в это время не следил с таким вниманием (и таким проникновением) за ходом событий в Германии, как В. И. Ленин. Уже в конце сентября 1918 г. для Ленина становится ясно, что революция в Германии надвинулась вплотную. В директивном письме к местным организациям большевистской партии от 1 окт. 1918 г, Ленин пишет: «Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции». (XXI Ленинский сборник 1933).

В докладе перед ВЦИК 22 октября 1918 г., за две недели до свержения Вильгельма II; В. И. Ленин говорил, что в Германии «неизбежна народная революция, а может быть даже пролетарская революция» (т. XXIII, 219). Народная, а может быть и пролетарская революция! Так сказано у Ленина накануне ноября.

В ноябре 1918 г. в Германии и разразилась эта «народная» революция. Германия провозглашена была «социалистической» республикой. Но социалистической революция на данной стадии не была. С.-д. партия, сменившая у власти свергнутую монархию Вильгельма, с самого начала поставила себе целью сохранение капиталистического режима. Германия покрылась было сетью советов рабочих и солдатских депутатов. Но опять-таки: подлинно советской революция на данной стадии не была. Советы были в руках буржуазной партии социал-демократов, а вскоре они были и вовсе ликвидированы социал-демократами в пользу буржуазной учредилки. Но революция в Германии, как она родилась в ноябре 1918 г., не была и шаблонной буржуазной революцией типа 1848 г. По размаху втянутых в движение масс (как-никак — Советы!), по глубине ненависти народных масс к старому режиму, по высоте подъема революционной волны в рабочем классе это была народная революция. Она могла перерасти в пролетарскую революцию, если бы рабочий класс Германии имел тогда сильную большевистскую партию.

Случилось не так. «Народная» революция не переросла в пролетарскую. Она не пошла вперед. Но она не могла даже и стоять на месте. Она повернула вспять, вошла в колею обычного шаблонного буржуазного демократизма, устранив только монархию, затем в течение определенного периода катилась — и опять-таки с помощью социал-демократии теперь докатилась — до фашизма. Раз в такой революции победил, как выражается в своей книге майор Фолькман, — «союз офицеров императорской армии с вождями умеренной социал-демократии» и раз рабочий класс не в силах был в скором времени взять реванш, — дело ничем другим на данном этапе кончиться не могло.

Когда в феврале 1917 г. в России свергнут был Николай II,

официальная власть перешла к открыто-буржуазному, к заведомо буржуазному правительству князя Львова, «контролируемому» эсеро-меньшевистскими советами. Когда в ноябре 1918 г. в Германии свергнут был Вильгельм II, официальная власть перешла к социал-демократическому правительству «народных уполномоченных», представлявшему две с.-д. «рабочих» партии Германии, «опиравшемуся» на советы. Если судить только по внешности, можно было прийти к выводу, будто ноябрьская революция в Германии шагнула дальше и дело пролетарской революции могло бы считаться более обеспеченным. На деле это было не так. На деле этот «вариант» оказался много хуже для германских рабочих. Германская буржуазия (и социал-демократия) научились на опыте русской революции. Она сочла более выгодным для себя в данном положении передать официальную власть «социалистическому» правительству. Она действовала через более «современный» механизм, нежели русское двоевластие и пресловутая «контактная комиссия» после февраля 1917 г. Реально же дело было в руках «Союза офицеров императорской армии и вождей умеренных с.-д.» Исполнительным органом буржуазии на деле стало «социалистическое» правительство Эберта. Правительство князя Львова не могло и мечтать разогнать советы, а правительство Эберта — Шейдемана сделало это сравнительно легко. И опять-таки — это могло быть сделано только потому, что у германских рабочих не было еще настоящей большевистской партии...

Среди многих причин, определивших победу буржуазии в ноябрьской революции в 1918 г., следующие являются главными:

1. Германская буржуазия и германская социал-демократия, учтя «уроки Октября», поспешили кончить войну и заключили с империалистами Антанты мир, хотя бы и на очень тяжелых для Германии условиях.

2. Буржуазия Антанты, напуганная пролетарской революцией в России, не только дала побежденной германской буржуазии мир, но и на деле помогла ей душить спартаковское движение.

3. Германский рабочий класс не имел еще своей большевистской партии.

4. Германская социал-демократия и с.-д. профсоюзы имели в этот момент безраздельную поддержку и руководство со стороны не только «своей», но и всей международной буржуазии.

Что буржуазный строй спасали офицеры императорской армии — в этом нет ничего удивительного. Но что буржуазный строй спасали социал-демократы — впрочем, в этом тоже нет ничего удивительного, после того

как социал-демократия выродилась в «буржуазную партию», затем в мировой войне стала партией социал-шовинизма, а впоследствии и партией социал-фашизма.

«Союз офицеров императорской армии с вождями умеренной социал-демократии» датирует не с ноября 1918 г., а по крайней мере с начала мировой империалистической бойни.

С этого именно времени надо начинать историю фашизма в Германии. Смешно, в самом деле, когда историю германского фашизма начинают с появления на политической арене Гитлера и вступления его в «национал-социалистическую рабочую партию Германии», состоявшую вначале из 10 человек. Из «Союза офицеров императорской армии и вождей умеренной с.-д.» ничего другого кроме фашизма и не могло родиться — раз рабочий класс не имел во время революции сильной большевистской партии и не в состоянии был покончить с этим «союзом» ни в 1918, ни в 1919 гг., ни в 1923 г., ни даже в 1932 г. И вожди фашизма и вожди социал-фашизма одинаково заинтересованы в фальсификации истории германской революции и контрреволюции. Ни те, ни другие не могут признать, что крестными отцами гитлеровского движения являются Эберты и Носке, без которых невозможны были бы генералы Эппы, Лютвицы, Эргарты и все другие столпы фашизма, ставшие потом «красой и гордостью» гитлеровского движения. В. И. Ленин, с гениальной прозорливостью видит в 1918 году, что ахиллесовой пятой германской революции (да и вообще революции в Европе) будет отсутствие революционной партии, т. е. закаленной партии большевиков. Уже 9 октября, т. е. еще до освобождения Карла Либкнехта из тюрьмы и до начала решающих событий в Германии, Ленин «писал:

«Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней нет революционной партии. Есть партия предателей вроде Щейдеманов, Реноделей, Гендерсонов, Уэббов и К⁰ или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной».

В этом Ленин прозорливо видел величайшую опасность.

«Конечно, — прибавляет Ленин, — могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью» (т. XXIII, 224).

Движение масс в Германии в декабре 1918—январе 1919 г. оказалось очень сильным, но все же недостаточно могучим, чтобы выправить этот недостаток. В последнем счете именно поэтому великая опасность превратилась в великую беду...

Эта великая беда и разразилась над головою германского рабочего

класа. Она унесла в могилу и Карла Либкнехта.

X. СМЕРТЬ КАРЛА ЛИБКНЕХТА

...Побежденные сегодня будут завтра победителями.

*Из предсмертной статьи Карла Либкнехта —
Несмотря ни на что!*

...Кровь лучших людей всемирного пролетарского Интернационала, незабвенных вождей международной социалистической революции закалит новые и новые массы рабочих к борьбе не на жизнь, а на смерть. И эта борьба приведет к победе.

*В. И. Ленин — На смерть Карла Либкнехта и
Розы Люксембург.*

НЕ ЛИШЕНО интереса, что первый раз весть о расстреле Карла Либкнехта и Розы Люксембург — тогда преждевременная — разнеслась в самом начале мировой империалистической войны, в августе 1914 г. Весть эта дошла и до Италии. «Аванти», центральный орган соц. партии Италии, поместил тогда об этом статью. Не имея еще проверенных сведений, «Аванти» в условной форме говорил, что такая участь вполне может постигнуть этих двух бойцов за дело пролетарского интернационализма. Узнав об этой статье, вожди германских социал-шовинистов поспешили отправить в «Аванти» телеграмму следующего содержания:

«Карл Либкнехт, Роза Люксембург живы-здоровы. Члены ЦК германской социал-демократии Мюллер, Шейдеман, Эберт». А в одном из главнейших органов германского социал-шовинизма, в газете «Эхо Гамбурга», помещена была обиженная статья, которая доказывала что «некролог» Либкнехта был-де «инспирирован русскими», заинтересованными в том, чтобы возводить напраслину на германское правительство. Это было объявлено «клеветой на немецкий народ».

Известие об убийстве Карла и Розы оказалось тогда неверны. Замечательно, однако, что молва сразу Назвала именно эти два имени

Замечательно, что именно эти две «кандидатуры» на расстрел всем показались тогда же наиболее вероятными.

В 1915–1918 гг. германские империалисты и их «социал-демократы» довольствовались тем, что пока «только» засаживали Либкнехта и Люксембург в каторжные тюрьмы. Но с конца 1918 г., когда выяснилось окончательно, что именно эти два человека стали призванными вождями всего движения, направленного против контрреволюционного с.-д. правительства, травля против Либкнехта и Люксембург была поставлена на такую ногу, что при неудаче движения революционных рабочих она неизбежно должна была закончиться убийством этих двух наиболее ненавистных всему контрреволюционному лагерю руководителей.

Либкнехт уже с ноября 1918 г. получал массу угрожающих писем. За несколько дней до своей смерти Либкнехт на одном из собраний сказал по этому поводу следующие слова:

«Наши противники, не имея смелости бороться открыто, предприняли шаги, свойственные всем подлым трусам. Они полагают, что, угрожая мне смертью, они могут парализовать мои действия. Глупцы и трусы! Они не знают еще, что идеи социализма бессмертны».

Либкнехт презирал эти угрозы. Его натуре свойственно было действовать тем более смело и беззаветно, чем более трудно становилось положение вообще, чем больше становилась опасность для него лично, в частности.

Когда «победа» в январском восстании начала явно склоняться в сторону с.-д. и белогвардейцев, наиболее влиятельные вожди первых явно поставили себе вполне определенную задачу: во что бы то ни стало затравить Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Те с.-д. вожди, которые были «душою» всего белогвардейского похода против спартаковцев, отлично понимали, что расправа с рядовыми участниками восстания вполне «обеспечена», что об этом позаботятся белые офицеры и солдаты Носке. Они смотрели дальше. Им нужно было во что бы то ни стало обезглавить спартаковское движение на будущее. Им хотелось «на плечах» контрреволюционных войск ворваться в главный центр спартаковцев и «изъять» прежде всего Либкнехта и Люксембург. Вот почему с 6–7 января 1919 г. против этих двух людей во всей антикоммунистической печати начинается такая дикая травля, которую можно сравнить только с той вакханалией лжи и клеветы, какую подняли против В. И. Ленина в июльские дни 1917 г. «Организационная подготовка», проведенная с.-д. вождями, руководившими этим черным делом, осталась в своих подробностях неизвестной. По крайней мере — пока еще неизвестной. Но

«агитационная подготовка» происходила на глазах у всего мира. Стоит теперь только перелистать «Форвертс» за гии дни, стоит только перечитать с.-д. прокламации того времени, чтобы картина была совершенно и безусловно ясна.

С.-д. «большинства» открыто звали на помощь против спартаковских рабочих и «свою» буржуазию и буржуазию Антанты. «Берлинер Тагеблатт» восторженно описывала демонстрации буржуазии, организованные под шефством с.-д. правительства 29 декабря 1918 г. «В первый раз за 70 лет (после 1848 года) на улицах показалось немецкое бюргерство. Со всех сторон шли длинные стройные колонны с развевающимися национальными знаменами. Мужчины, женщины, девушки, буржуа, рабочие, солдаты, ремесленники шли в общих рядах. Это смешение сословий было самым прекрасным во вчерашней крупной победе».

Георг Бернгард, захлебываясь от восторга, писал в «Фоссише Цейтунг», что «немецкий бюргер вчера нашел себя». «Многие тысячи бюргеров, как в простых блузах, так и в дорогих мехах, убедились, что, объединившись, они — сила. Организованная буржуазией совместно с рабочими и солдатами демонстрация, которая вчера в течение шести часов дефилировала перед дворцом рейхсканцлера, показала правительству, какая внушительная масса стоит за ним».

Все эти буржуа «в дорогих мехах» и вся покорная мм пресса уже в конце декабря 1918 г. делали главной мишенью своей травли Карла Либкнехта и Розу Люксембург. С первых дней января 1919 г. травля эта стала еще концентрированной, разнузданной, наглей.

Корреспондент парижской газеты «Матэн» (начальник одной из «союзных» миссий, генерал, лично наблюдавший события декабря—января в Берлине) рассказывает любопытную сценку, как к нему на улице обратился немецкий офицер с окровавленным лицом и в разодранной форме и сказал: «Я беру вас в свидетели того обращения, которому у нас подвергаются немецкие офицеры в Берлине. Я рискую быть убитым. Господами положения в Берлине являются представители революционной сволочи. *Если вы не придете сами занять этот город, мы погибли*». А генерал, представитель Антанты, ответил немецкому офицеру: «Вы проиграли другую войну, постарайтесь выиграть эту; это — ваше дело».

«Моральная» поддержка со стороны буржуазии и военщины Антанты являлась одним из главных факторов победы с.-д. правительства над германским революционным пролетариатом. В своей травле против Либкнехта и Люксембург Эберты и Шейдеманы опирались не только на «своих» буржуа «в дорогих мехах», не только на «своих» белогвардейских

офицеров, называвших немецких рабочих «сволочью», но и на моральное сочувствие союзных «миссий» и генералов Антанты. Кстати сказать, генерал, писавший в «Матэн», тут же свидетельствует, что Либкнехт «был убит предумышленно». Он не сомневается ни минуты, что «смерть Либкнехта была во всяком случае делом, решенным заранее...»

С 13 января с.-д. «Форвертс» начинает распространять известие, будто Карл Либкнехт и Роза Люксембург бежали в Голландию, бросив-де на произвол судьбы «обманутых ими рабочих». С.-д. «поэт» Артур Циклер помещает по этому поводу в «Форвертсе» стихотворение. «Погибло много тысяч рабочих и солдат. А где же Карл, Роза и остальное кумпанство? Они сбежали! Задумайтесь над этим фактом, о, пролетарии!» Таково содержание этого «стихотворения». Пока с.-д. «поэты» кропают эти «стихи», кровавая собака Носке рыщет по следам Карла и Розы, а мясник Эберт каждое утро разжигает белых офицеров полковника Рейнгарта: что, господа, так и не нашли Либкнехта и Люксембург, а еще офицеры!..

Еще утром 15 января в «Роте Фане» появляется письмо Карла Либкнехта и Розы Люксембург, в котором они с негодованием опровергают клевету о мнимом бегстве в Голландию. «Не беспокойтесь! Мы не бежали, Мы не побеждены. Даже если вы нас закуете в кандалы, мы не перестанем существовать. Победа будет за нами. Потому что «Спартак» — это огонь и массы, это душа и сердце, это воля и действие пролетарской революции. «Спартак» — это нужда и жажда счастья, это готовность к бою классово-сознательного пролетариата. «Спартак» — «это социализм и мировая революция», — писал Карл Либкнехт 15 января 1919 г. На самом деле Карл и Роза не оставляю? своего боевого поста ни — на минуту. Они продолжают нести на своих плечах огромную работу. Наемные убийцы рыщут по их следам. Опасность сгущается с каждым днем. Друзья и близкие товарищи настаивают на том, чтобы Карл и Роза скрылись. Они, сожалению, отказываются от этого. Максимум, на что они соглашаются, это — перестать ходить в те места (помещение редакции «Роте Фане» и т. п.), которые слишком хорошо уж известны врагам. Квартиры наиболее известных спартаковцев все уже под негласным надзором. Старший сын Карла Либкнехта арестован вместе с революционными рабочими в помещении «Форвертса». В ближайшие дни арестовываются почти все до единого члены семьи Карла Либкнехта. Карл и Роза переходят с одной нелегальной квартиры на другую, меняя пристанище, но не прекращая работы ни на один день и не теряя бодрости духа ни на минуту. Об этом достаточно свидетельствуют предсмертные статьи обоих.

Лишь после ареста троих руководящих товарищей удалось убедить

Розу Люксембург и Карла Либкнехта в необходимости скрыться от преследований, — свидетельствует Вильгельм Пик. Однако оба ни за что не хотели отказаться от редактирования «Роте Фане». Сперва их удалось устроить на частной квартире в Нейкельне. Однако редакционная работа была сопряжена с многочисленными посещениями, что бросалось в глаза. Пришлось перевести их на другую квартиру — в Вильмерсдорф. Здесь Роза и Карл немедленно возобновили свою редакционную работу.

15 января друзья прячут Карла Либкнехта и Розу Люксембург в Вильмерсдорфе на квартире, которая казалась еще достаточно надежной. Но 16 января на этой квартире их накрывает патруль «гражданской стражи» и отводит их в гвардейскую Кавалерийскую дивизию, действующую под непосредственным руководством Носке. Карла и Розу приводят в гостиницу «Эден», где помещался штаб названной дивизии. Здесь на арестованных с неслыханной грубостью и цинизмом сразу набрасываются белые офицеры добровольческого отряда генерала Люцова.

Офицерская банда чуть не вслух при арестованных совещается, где именно удобнее прикончить Карла и Розу. Убивать их тут же в отеле «Эден» — неудобно, — приходят к выводу белые офицеры. Слишком-де много свидетелей. Будет «излишний шум». И вот, вырабатывается такой стратегический план. Капитан Пфлугк-Гартунг получает приказ в закрытом автомобиле отвезти Карла Либкнехта в Моабитскую подследственную тюрьму. Обер-лейтенант Фогель получает приказ в другом закрытом автомобиле отвезти туда же Розу Люксембург. Вызывают автомобили. В каждый из них садится по несколько белых офицеров под указанной командой руководителей «предприятия». Задержанных рассаживают по намеченному плану в эти автомобили. Сейчас же автомобили окружает большая группа белых правительственных войск, образуя каре. В закрытый автомобиль, где сидит Либкнехт, по приказанию высшего начальства входит гусар Рунге и наносит безоружному Либкнехту несколько сильнейших ударов прикладом по голове. Либкнехт лишается чувств. Тогда Рунге, не спеша, отправляется во второй закрытый автомобиль и ту же зверскую операцию совершает над беззащитной Розой Люксембург. Затем автомобили отправляются в путь. По дороге Карла Либкнехта пристреливают несколькими выстрелами в голову; несколько пуль попадает в область легких и плеча. Убийство совершено в уединенном месте в Тиргартене. Затем убийцы отвозят тело Карла в дежурку вокзала в Зоологическом саду и там сдают его под расписку в качестве «трупа неизвестного лица». Розу застрелил лейтенант Фогель выстрелом в темя. Труп ее завернули в одеяло, привязали тяжелые камни и бросили в канал.

Труп Розы был найден только 1 марта 1919 г. вблизи моста Моккер.

Так оборвалась жизнь двух великих борцов пролетариата...

Фактическими вдохновителями убийства Карла и Розы были Носке и Эберт, организаторами-полковник Пабст и капитан Пфлугк-Гартунг, исполнителями — гусар Рунге и лейтенант Фогель.

Гусар Рунге в 1922 г. совершенно добровольно явился в редакцию «Форвертса» и дал следующие показания, которых скрыть уже не удалось:

«Я стоял на посту в отеле «Эден» 15 января 1919 г. от 7 до 10 ч. вечера. Доктор Либкнехт, когда его привели, был избит егерем Брауном. Ему были нанесены прикладом ружья две раны (трещина) на черепе. Он попросил, чтобы ему дали ваты, но получил отказ. Ему не разрешили также пойти в уборную. При всем этом присутствовал капитан Пфлугк-Гартунг. Когда увозили Либкнехта, его избил матрос Кутновский (это неверно: бил Либкнехта прикладом сам Рунге). Через 10 минут привезли Люксембург... Между тем, пришел один офицер и дал мне приказ: «не выпускать эту банду из отеля». Мне приказали пустить в ход свой карабин и стрелять. Фамилии офицера я не знал. Второй офицер Фогель дал мне тот же приказ. Третий был Пфлугк-Гартунг, который повторил приказ и сказал: «Ваша фамилия будет записана; Мы назначили большую награду — 150 000 марок — за обе головы. Приказы я должен был строго выполнять. Я возразил, что я не пушу в ход ружье. Пфлугк-Гартунг сказал мне в ответ, чтобы в таком случае я использовал приклад. Он сказал: «Розу Люксембург капитан Фогель подведет прямо к вам, а вам останется только бить. Заметьте себе это». Дергер оказал мне, что эти важные, строгие приказы мы должны выполнить».

На следующий день после убийства

В это время была введена Роза Люксембург, которую держал за руки Фогель. По словам прапорщика Вейнгарда, Розу Люксембург еще до того избил прапорщик Гоффман. Я не пустил в ход ружья, но для того, чтобы выполнить приказ, толкнул Розу Люксембург. Она упала или, вернее, Фогель швырнул ее. Тотчас же ее потащили в подготовленный автомобиль. Я не трогал Розы Люксембург. Это дело Дрегера, Яншкова и Першеля. Мне кажется, что Фогель помогал при этом. Офицеры угрожали мне, что если я не выполню приказа, то я должен умереть. Когда автомобиль отъехал, лейтенант Круль вскочил на левую подножку и поблизости от Нюрнбергской улицы, после того как первый раз револьвер дал осечку, пустил Розе Люксембург пулю в голову. Тогда он соскочил с автомобиля и пошел обратно в «Эден». В это время ко мне подошел один офицер и сказал: «Вы очень хорошо сделали свое дело. Пойдите в четвертый этаж и смените там этого болвана, с ним ничего путного не выйдет. Там находится редактор «Rote Fahne» (это был Пик), вы должны его застрелить».

Когда я спросил Пфлугка, от кого исходят приказы, он ответил мне: «Приказы исходят от капитана Пабста. Их следует выполнять»...

...Между тем, возвратились остальные и хвастались, в частности егерь

Фридрих, что он всадил Либкнехту пулю. Фридрих показал мне свой пистолет. Он тоже принимал участие в стрельбе. Я спросил Фридриха, как это произошло. Он ответил мне: побег создан искусственно. Офицеры взяли нож у Либкнехта и порезали лейтенанту Шульцу руку для того, чтобы изобразить дело так, будто Либкнехт напал на них, а потом бежал.

...Люди из отряда говорили также: «Ну, Рунге, Люксембург плавает уже». Я спросил: «Почему вы бросили Розу Люксембург в воду?» На это капитан Фогель сказал: «Она лучшего не заслуживала».

Как бесцеремонно буржуазно-социал-демократический «суд» вел дело об убийцах Карла и Розы — подробно рассказано в книжке «Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург», выпущенной в 1933 г. издательством «Советское законодательство». «Юридическая» сторона дела освещена там исчерпывающим образом.

«Вчера Карл и Роза сослужили последнюю службу пролетарскому делу» — лаконично извещал Ленина об этой мученической смерти Иогихес-Тышко, соратник и друг обоих великих вождей, сам тоже погибший такой же смертью в социал-демократической тюрьме, спустя всего несколько недель...

*

Весть об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург с быстротой молнии облетела весь мир; Весь рабочий Берлин знал об этом убийстве уже через несколько часов. Сотни тысяч сердец кипели негодованием. Правительство Эберта — Шейдемана стало замечать следы. Правительственное радио от 17 января изображало дело следующим образом.

Карл Либкнехт и Роза Люксембург после ареста были посажены в доме одного из родственников Либкнехта, Маркусова. Затем они были препровождены под охраной солдат гвардейской кавалерийской дивизии в отель «Эден», неподалеку от Зоологического сада. Известие об их аресте быстро распространилось. «Около отеля собралась большая толпа, отчасти враждебно настроенная к арестованным». После установления личности, сначала Либкнехт, а потом Люксембург были отправлены на автомобиле окольными путями в дом предварительного Заключения. Несмотря на принятые начальником меры охраны, Либкнехту нанесен был тяжелый удар по голове, у него сильно потекла кровь. Удар нанесен был неизвестным (!) лицом из толпы. Автомобиль тронулся. Чтобы избежать скопления толпы,

автомобиль ехал не по оживленным улицам, а по Зоологическому саду. Однако по дороге произошла порча автомобиля, которая вызвала долгую остановку. «Так как Либкнехт оправился от удара, то начальник позволил вести его дальше пешком, чтобы поискать вблизи другой автомобиль. Пройдя 50 шагов, Либкнехт сделал попытку бежать. Так как, несмотря на повторные окрики, он продолжал бежать, то конвоиры стали стрелять. Один выстрел попал ему в спину. Либкнехт, невидимому, тотчас же умер».

Словом, «убит при попытке бежать» — совсем так же, как, бывало, объясняло царское правительство аналогичные убийства революционеров в России после 1905 года! Во всей этой «версии» с «враждебной толпой», ударом от «неизвестного лица», поломкой автомобиля, попыткой бежать и «повторными окриками» столько же правды, сколько в версии фашистского правительства Гитлера о поджоге германского рейхстага коммунистами в конце февраля 1933 г.

Правительство, — сообщает далее берлинское радио от 17 января 1919 г., — приказало произвести «строжайшее расследование» и «временно арестовало обоих начальников охраны» (были выпущены через несколько дней и награждены по-царски. — Г. З.). Они понесут наказание, если в расстреле Либкнехта будут установлены превышение полномочий или другие нарушения обязанностей со стороны начальников охраны».

Далее правительственное радио сообщает, что газеты не одобряют-де самосуда, но «о Либкнехте говорят, что он сам виноват в своей судьбе, так как сделал попытку бежать. Конвоиры стреляли, исполняя свою обязанность».

Нечего и говорить о том, что вся эта «версия» была продиктована только трусостью перед рабочими, что «временно» задержанные были освобождены и осыпаны милостями, что «следствие» ничего не дало. Подлинные убийцы Карла и Розы — Эберт, Носке и другие вожди с.-д. большинства — не могли, конечно, взыскивать с тех, кто только выполнял их поручения.

Военный министр с.-д. правительства, полковник Рейнгарт на заседании Учредительного собрания в Веймаре в ответ на запрос о ходе следствия выступил с официальным заявлением, что спартаковцы поддерживались-де денежными средствами из России, что они «подняли новую гражданскую войну против подавляющего большинства трудящихся», что белым войскам «было особенно тяжело, вследствие предательских способов борьбы спартаковцев» и т. п. Он, Рейнгарт, очень сожалеет, конечно, что задержанные не смогли быть преданы в руки правосудия. Генерал Лютвиц, которому подчинена гвардейская

кавалерийская дивизия, «вполне разделяет мое мнение и в этом я вижу гарантию, что все будет сделано для расследования дела и для того, чтобы виновные были наказаны». Часть «независимых» с места кричат: «убийцы, убийцы!» С.-д. большинство вместе с буржуазными депутатами аплодируют своему военному министру. Председательствующий депутат центра Ференбах призывает «к спокойствию». Затем учредилка «переходит к следующему пункту порядка дня»...

Чтобы хоть немножко успокоить общественное мнение рабочих с.-д., правительство предложило Исполкому советов рабочих — и солдатских депутатов ввести двух своих членов в «следственную комиссию» по делу об убийстве Карла и Розы. Правительство было даже настолько «либерально», что само предложило выбрать также одного независимца. Но вскоре и сами Советы были ликвидированы. А вошедшие в следственную комиссию Руш и Вегман 16 февраля 1919 г. вышли из этой комиссии, признав свое дальнейшее участие в ней бесполезным (председателем ее был генерал фон Гофман). Даже эти члены комиссии должны были подчеркнуть установленный свидетельскими показаниям факт, что четыре белых офицера, руководившие всем «делом» в «Эдене», сговаривались между собою и приняли решение: «живыми Либкнехт и Люксембург в тюрьму доехать не должны»...

Носке и Эберт — организовали убийство двух великих вождей мирового пролетариата. Их военный министр назначил руководить «расследованием» этого убийства генерала фон Гофмана. А Карл Каутский выступил затем (см. его брошюру «Роза Люксембург, Карл Либкнехт и Лео Иогихес») с «теорией» «англо-русской полярности в рабочем движении» — «теорией», имевшей целью подвести «теоретическую» базу под действия Носке и Эберта. Рабочее движение всего мира, видите ли, расположено «между двумя полюсами»: Англией и Россией. Один лагерь во всемирном рабочем движении, который поумереннее, тяготеет к Англии; другой — к России. Это «крайние». Недаром же «наиболее крайние вожди» в германском рабочем движении были либо сами выходцы из эмигрантских кругов России (Роза Люксембург и Лео Иогихес), либо находились «под сильнейшим влиянием русских идей (Карл Либкнехт)». Эту «ученую» теорию, вероятно, вполне одобрили и полковник Рейнгарт и генерал фон Гофман. Фогель же и Рунге обошлись уж без всякой теории...

Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург острой болью отозвалось в сердцах рабочих всего мира. Не было такого уголка на свете, где рабочие, где люди труда не задумались бы над этой смертью, не отдали бы дани любви этим двум героям пролетарской революции. Особенно всколыхнула эта смерть трудящихся нашей Советской страны. Советская Россия была уже и тогда единственной страной, где над рабочими не стояли ни буржуазия, ни ее социал-демократия, была единственной страной, где подлинно свободные пролетарии могли сказать то, что они действительно думают о Карле Либкнехте. В бесчисленных собраниях и демонстрациях вылились подлинные чувства рабочих. И надо было видеть хоть одну из этих манифестаций, чтобы понять, какое место в сердцах пролетариев занимал Либкнехт, как гордились им, как любили его. В рабочих семьях был действительны.: траур. Рабочие, их жены, их дети были потрясены. На собраниях, посвященных памяти Либкнехта, сотни и тысячи рабочих, закаленных в самых тяжелых боях и знающих, что такое потери, плакали. Десятки тысяч людей, никогда не видавшие Либкнехта, чувствовали, что они потеряли одного из лучших, одного из вернейших своих друзей. Когда с балкона Московского совета 17 января В. И. Ленин и Я. М. Свердлов говорили о смерти Либкнехта, слезы стояли на глазах десятков тысяч пролетариев.

«Сегодня в Берлине буржуазия и социал-предатели ликуют, — говорил В. И. Ленин. — Им удалось убить К. Либкнехта и Р. Люксембург. Эберт и Шейдеман, в течение четырех лет гнавшие рабочих на убой ради грабительских интересов, теперь взяли на себя роль палачей пролетарских вождей. На примере германской революции мы убеждаемся, что «демократия» есть только прикрытие буржуазного грабежа и самого дикого насилия. Смерть палачам!»

Мощным призывом, как набат, говорит «Правда», прозвучала над площадью речь Я. М. Свердлова.

«Как тогда, когда мы приветствовали освобождение Либкнехта, так и теперь наши сердца полны энтузиазма. Как тогда, так и теперь мы не колеблясь идем в бой. Как тогда, так и теперь мы полны решимости бороться до тех пор, пока знамя коммунизма не станет реять над всем миром. Да здравствует всемирная коммунистическая революция! Смерть палачам!»

Весть об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург дошла до В. И. Ленина в дни, когда он работал над своим известным «Письмом к рабочим Европы и Америки». В первой части этого письма Ленин говорит о том, что «с Либкнехтом и спартаковцами идет все, что осталось честного

и действительно революционного среди социалистов Германии, все, что есть лучшего и убежденного в пролетариате, все массы эксплуатируемых, в которых кипит возмущение и растет готовность на революцию» (т. XXIII, 497). Получив ошеломляющее известие об убийстве Либкнехта и Люксембург, В. И. Ленин приписывает к названному письму целую главу, из которой приведем здесь важнейшие места.

«Предыдущие строки были написаны до зверского и подлого убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург правительством Эберта и Шейдемана. Эти палачи, лакействуя перед буржуазией, предоставляли германским белогвардейцам, сторожевым псам священной капиталистической собственности, линчевать Розу Люксембург, убивать выстрелами в спину Карла Либкнехта, с явно ложной ссылкой на его «побег» (русский царизм, подавляя в крови революцию 1905 года, много раз прибегал к подобному убийству с такой же ложной ссылкой на «побег» арестованных), — и в то же время эти палачи прикрывали белогвардейцев авторитетом якобы ни в чем неповинного, якобы выше классов стоящего правительства! Не найти слов для выражения всей мерзости и низости этого палачества, совершаемого якобы социалистами. Очевидно, история избрала такой путь; на котором роль «рабочих лейтенантов капиталистического класса» должна быть доведена до «последней черты» зверства, низости и подлости. Пусть дурачки-каутскианцы толкуют в своей газете «Фрейхейт» о «суде» из представителей «всех» «социалистических» партий (палачей Шейдеманов. эти лакейские души продолжают называть социалистами). Эти герои филистерского тупоумия и мещанской трусости не понимают даже того, что суд есть орган государственной власти, а борьба и гражданская война в Германии идет как раз из-за того, в чьих руках будет эта власть: в руках ли буржуазии, которую будут «обслуживать» Шейдемановы как палачи и погромщики, Каутские как хвалители «чистой демократии», или в руках пролетариата, который свергнет эксплуататоров-капиталистов и раздавит их сопротивление.

«Кровь лучших людей всемирного пролетарского Интернационала, незабвенных вождей международной социалистической революции закалит новые и новые массы рабочих к борьбе не на жизнь, а на смерть. И эта борьба приведет к победе» (т. XXIII, 498).

Вот великие слова, которые должны быть выгравированы на памятнике Либкнехта в будущей свободной советской Германии. Вот незабвенные слова, которые живут в сердце каждого честного рабочего.

Узнав о намерении немецких рабочих в Риге издать полное собрание сочинений Карла Либкнехта и Розы Люксембург, В. И. Ленин 14 февраля

1919 г. посылает этим рабочим специальное приветствие за это (*Ленин*, т. XXIII, 264).

Открывая первый конгресс Коммунистического Интернационала, В. И. Ленин сказал: «Прежде всего прошу всех присутствующих почтить вставанием память лучших представителей III Интернационала: Карла Либкнехта и Розы Люксембург» (все встают). Вместе с первым конгрессом Коминтерна в честь Либкнехта и Люксембург встали передовые пролетарии всего мира. У этих великих могил авангард мирового пролетариата давал клятву довести дело коммунизма до полной победы.

В самом важном документе первого конгресса Коминтерна, в тезисах о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, В. И. Ленин писал:

«Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург является событием всемирно-исторической важности не только потому, что трагически погибли лучшие люди и вожди истинного пролетарского Коммунистического Интернационала, но и потому, что для передового европейского — можно без преувеличения сказать: для передового в мировом (масштабе — государства обнажилась до конца его классовая сущность. Если арестованные, т. е. взятые государственной властью под свою охрану, люди могли быть убиты безнаказанно офицерами и капиталистами, при правительстве социал-патриотов, следовательно, демократическая республика, в которой такая вещь была возможна, есть диктатура буржуазии. Люди, которые выражают свое негодование по поводу убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но не понимают этой истины, обнаруживают этим лишь либо свое тупоумие, либо свое лицемерие. «Свобода» в одной из самых свободных и передовых республик мира, в Герман — кой республике, есть свобода безнаказанно убивать арестованных вождей пролетариата. И это не может быть иначе, пока держится капитализм, ибо развитие демократизма не притупляет, а обостряет классовую борьбу, которая, в силу всех результатов и влияний войны и ее последствий, доведена до точки кипения» (т. XXIV, II).

Эту свою мысль В. И. Ленин развивал затем в десятках речей и статей. Она выражала то, что созрело в сердцах и умах лучших представителей всего современного поколения пролетариев.

*

За день до своей мученической смерти Карл Либкнехт и Роза Люксембург, сидя на конспиративной квартире, писали для органа своей

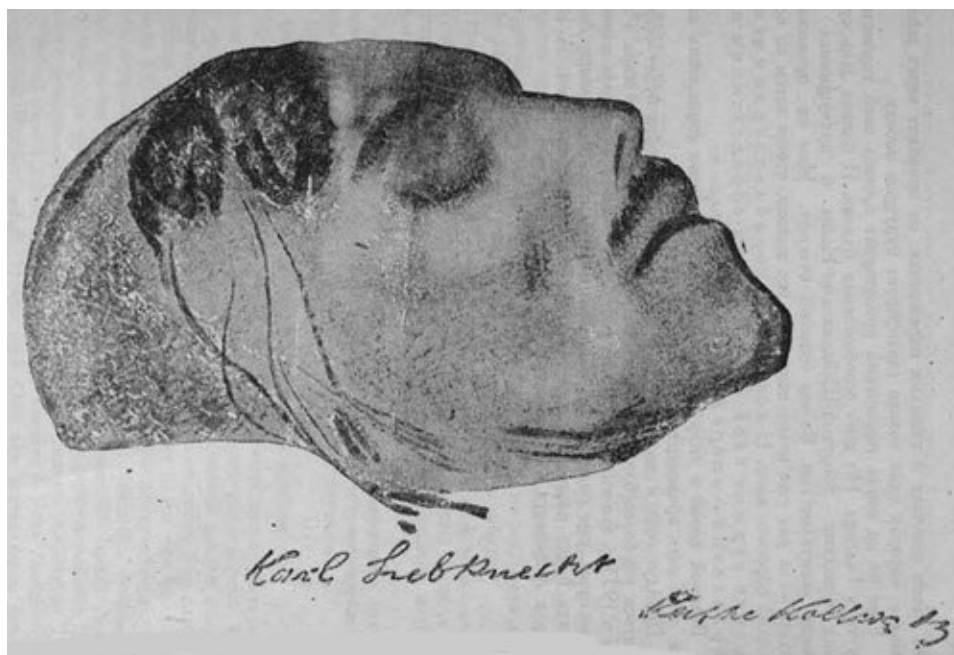
партии об итогах январского восстания. Обе статьи, написанные Карлом и Розой, проникнуты одним и тем же настроением.

Роза Люксембург в статье «Порядок царствует в Берлине» писала: «Руководство спасовало, но руководство может и должно заново создаваться массами и из масс. — Массы были на высоте, они превратили это поражение в звено тех исторических поражений, которые являются гордостью и мощью международного социализма. И поэтому из этого поражения зацветет будущая победа»..

«Спартакисты побеждены! — писал в своей предсмертной статье Либкнехт. — Революционные рабочие Берлина разбиты, пали сотни и сотни наших лучших бойцов, сотни и сотни преданнейших сынов революции заточены в тюрьмы. Да, сейчас это так. Да, революционные рабочие Берлина разбиты, а Эберты, Шейдемаиы, Носке празднуют победу. Эти палачи победили, ибо с ними против нас были генералы и бюрократы, юнкерство и попы, денежный мешок и все вообще реакционное и ограниченное. Они победили с помощью картечи, газовых бомб и пулеметов.

Но есть поражения, равносильные победе. И есть победы, которые хуже поражений.

Побежденные сегодня будут завтра победителями. Побежденные сегодня, они учли уроки поражения. Немецкому пролетариату все еще недоставало революционных традиций, революционного опыта. Учась на своих ошибках и тяжелых поражениях, он проходит через школу опыта, которая одна только гарантирует будущую победу.

Карл Либкнехт. Зарисовка Кете Кольвиц.

Еще не до конца германский пролетариат прошел свой тернистый путь к Голгофе. Но день освобождения близок. И близок день суда над господами Эбертами-Шейдеманами-Носке и прячущимися за ними капиталистами. Волны событий бушуют. Нам не привыкать стать — не раз уже волна подымала нас высоко, чтобы затем со всей силой сбросить вниз. *И все же наш корабль твердо и неизменно держит свой курс в одном определенном направлении — вперед к заветной цели...»*

Великой верой в силу пролетариата, в торжество социализма веет от этих двух предсмертных статей...

Пройдут года и десятилетия, а имя Карла Либкнехта будет становиться все более близким, все более родным рабочим всего мира. Разве в 1933 г. это имя не является еще более родным, еще более широко известным, еще более призывным, чем в 1919 г.? Имена убийц Либкнехта будут покрыты в истории проклятием и презрением. А имя Карла Либкнехта будет сиять в веках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ оценка деятельности Карла Либкнехта невозможна вне рамок исторической оценки *той группы* в германском рабочем движении, к которой он принадлежал и в которой он действовал. И в деятельности такого великого борца человека, каким был Карл Либкнехт, были ошибки. Мировой пролетариат чествует память своих передовых бойцов тем, что умеет отделить их слабые стороны от сильных, умеет учесть уроки прошлого, не повторять ошибок даже таких своих героев, как Либкнехт и Люксембург.

Наиболее глубокая и исчерпывающая оценка группы левых с.-д. в Германии (будущие спартаковцы и потом коммунисты) дана в известном «Письме» И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». Вот эта оценка:

«Да, большевики поддерживали левых с.-д. в Германии лишь с известными серьезными оговорками, критикуя их полуменьшевистские ошибки. Но за это надо их приветствовать, а не упрекать.

Есть люди, которые сомневаются в этом.

Обратимся к наиболее известным фактам из истории.

а) В 1903 г. выявились серьезные разногласия между большевиками и меньшевиками в России по вопросу о членстве в партии. Своей формулировкой о членстве в партии большевики хотели создать организационную узду против наплыва непролетарских элементов в партию. Опасность такого наплыва была тогда более чем реальная, ввиду буржуазно-демократического характера русской революции. Русские меньшевики отстаивали противоположную позицию, открывающую широко двери партии непролетарским элементам. Ввиду важности вопросов русской революции для мирового революционного движения западно-европейские социал-демократы решили вмешаться в дело. Вмешались и левые с.-д. в Германии, Парвус и Роза Люксембург, тогдашние лидеры левых. И что же? Оба они высказались против большевиков. При этом было брошено обвинение по адресу большевиков в ультрацентрализме и бланкистских тенденциях. Впоследствии эти пошлые и мещанские эпитеты были подхвачены меньшевиками и разнесены по всему миру.

б) В 1905 г. развернулись разногласия между большевиками и меньшевиками в России о характере русской революции. Большевики

отстаивали идею союза рабочего класса с крестьянством при гегемонии пролетариата. Большевики утверждали, что дело надо вести к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, с тем, чтобы от революции буржуазно-демократической перейти немедленно к революции социалистической при обеспечении поддержки со стороны деревенской бедноты. Меньшевики в России отвергали идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, политике союза рабочего класса с крестьянством они предпочли политику соглашения с либеральной буржуазией, а революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства объявили реакционной бланкистской схемой, противоречащей развитию буржуазной революции. Как отнеслись к этим спорам левые в германской социал-демократии, Парвус и Роза Люксембург? Они сочинили утопическую и полуменьшеvistскую схему перманентной революции (уродливое изображение марксовой схемы революции), проникнутую насквозь меньшевистским отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства, и противопоставили ее большевистской схеме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В дальнейшем эта полуменьшеvistская схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма.

в) В период перед войной в партиях II Интернационала выступили на сцену, как один из актуальнейших вопросов, вопрос национально-колониальный, вопрос об угнетенных нациях и колониях, вопрос об освобождении угнетенных наций и колоний, вопрос о путях борьбы с империализмом, вопрос о путях свержения империализма. В интересах развертывания пролетарской революции и окружения империализма большевики предложили политику поддержки освободительного движения угнетенных наций и колоний на базе самоопределения наций и развили схему единого фронта между пролетарской революцией передовых стран и революционно-освободительным движением народов колоний и угнетенных стран. Оппортунисты всех стран, социал-шовинисты и социал-империалисты всех стран не замедлили ополчиться в связи с этим против большевиков. Большевиков травили, как бешеных собак. Какую позицию заняли тогда левые с. — д, на Западе? Они развили полуменьшеvistскую теорию империализма, отвергли принцип самоопределения наций в его марксистском понимании (вплоть до отделения и образования самостоятельных государств), отвели тезис о серьезном революционном значении освободительного движения колоний и угнетенных стран, отвели тезис о возможности единого фронта между пролетарской революцией и

национально-освободительным движением и противопоставили всю эту полуменьшевистскую кашу, являющуюся сплошной недооценкой национально-колониального вопроса, — марксистской схеме большевиков. Известно, что эту полуменьшевистскую кашу подхватил потом Троцкий и использовал ее как орудие борьбы против ленинизма.

Таковы всем известные ошибки левых с.-д. в Германии.

Я уже не говорю о других ошибках германских левых, раскритикованных в соответствующих статьях Ленина.

Не говорю также об ошибках, допущенных ими при оценке политики большевиков в период Октябрьского переворота.

О чем говорят эти ошибки германских левых, взятые из истории довоенного периода, как не о том, что левые с.-д., несмотря на свою левизну, не освободились еще от меньшевистского багажа?!

Конечно, у левых в Германии были не только серьезные ошибки. Они имеют за собой также большие и серьезные революционные дела. Я имею в виду целый ряд их заслуг и революционных выступлений по вопросам внутренней политики и, в частности, избирательной борьбы, по вопросам парламентской и внепарламентской борьбы, об общей забастовке, о войне, о революции 1905 года в России и т. д. Именно поэтому и считались с ними большевики как с левыми, и поддерживали их, толкали их вперед. Но это не уничтожает и не может уничтожить того факта, что левые с.-д. в Германии вместе с тем имели за собой целый ряд серьезнейших политических и теоретических ошибок, что они не освободились еще от меньшевистского груза и нуждались, в виду этого, в серьезнейшей критике со стороны большевиков». (И. Сталин. «Вопросы ленинизма», изд. IX, 607–609).

К этой общей оценке левых прибавлять нечего.,

*

Карл Либкнехт не всегда шел вместе с группой Люксембург и не во всем разделял ее теоретические ошибки. Но ошибки люксембургизма, тем не менее, накладывали свой отпечаток на деятельность Карла Либкнехта в очень решающие исторические моменты.

Сводя воедино все то, что рассказано о Карле Либкнехте в настоящей книжке, мы получим следующую картину.

Карл Либкнехт не сразу стал тем Карлом Либкнехтом, каким его знает ныне мировой пролетариат. В его политической деятельности был очень

продолжительный период, когда он немногим отличался от других левых деятелей германской социал-демократии. Ничто в ту отдаленную пору не предвещало той всемирно-исторической роли, которую во время войны выпало на долю сыграть Карлу Либкнехту. Достаточно сказать, что в течение десятилетия 1905–1915 Карл Либкнехт в «русском» споре направлений зачастую бывал ближе к меньшевикам, чем к большевикам.

«Перерастание» Либкнехта — с.-д. в Либкнехта — спартаковца и вождя повстанцев произошло лишь во время войны. Мировому пролетариату, воспитывающемуся в духе горячей любви к Либкнехту, нужно знать подлинного Либкнехта, со всеми слабыми и сильными сторонами его политической деятельности, тем более, что ошибки Либкнехта были не индивидуальными его ошибками, а ошибками целого крыла (и не худшего) в мировом рабочем движении. От этого величие фигуры Либкнехта нисколько не уменьшится. Ленин писал о Розе Люксембург, что она ошибалась в вопросе о независимости Польши, ошибалась в 1903 г. в оценке меньшевизма, ошибалась в теории накопления капитала, ошибалась в июле 1914 г., защищая объединение большевиков с меньшевиками (на т. н. Брюссельском совещании, созванном II Интернационалом), ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 г. по некоторым коренным вопросам русской революции. «Несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом» — говорил Ленин (XX, II, 490), цитируя известные строки из хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлам, не подняться.

Конечно, и Карл Либкнехт был и остается орлом. *Правда, вся правда* об его жизни и борьбе, об его ошибках и достижениях только еще больше, еще рельефнее оттенит подлинный героизм его действий во время первой всемирной империалистической войны.

Образ Карла Либкнехта, как он вошел в мировую историю, неразрывно связан именно с войной. Величие Карла Либкнехта заключается в том, что в годы войны ему удалось с необычайной силой выразить тот перелом к пролетарской революции, который совершился в рабочем классе Германии и других стран в связи с первой всемирной империалистической войной.

Что рабочий класс Европы вышел из первой всемирной империалистической бойни далеко не таким, каким он вошел в нее, — это ясно само собой. Каждый месяц империалистической войны приносил с собою величайшие уроки для мирового пролетариата. Каждым залпом на полях империалистской бойни расстреливались мирные реформистские иллюзии тех слоев европейских рабочих, которые вошли в первую

империалистскую войну с настроениями, воспитанными 25-летием мирного развития II Интернационала.

Кровь лилась рекой. Каждую неделю погибали десятки и сотни тысяч людей. Каждый день росли нищета, страдания, голод. С первых же месяцев войны раздумья и колебания стали захватывать даже тех патриотически настроенных рабочих, которые находились под влиянием с.-д. А скоро колебания и раздумье стали сменяться все большей и большей враждебностью к войне, которую с.-д. вожди называли «великой», «освободительной» войной. И вот Карлу Либкнехту, повторяем, довелось с наибольшей полнотой и глубиной отразить именно этот совершающийся в многомиллионных массах рабочих перелом, вместе с ними расти к революционным решениям, вместе с ними и от их имени протестовать против войны всей силой своего пламенного сердца. Ему, как никому другому в Германии, удалось выразить гнев и боль, мучение и протест, а затем и созревшую революционную решимость лучшей части европейских рабочих, ввергнутых в империалистическую бойню преступной рукой буржуазии и ее социал-демократии.

Карл Либкнехт не был ни глубоким теоретиком, ни общепризнанным вождем партии или даже фракции. Карл Либкнехт не всегда и не во всем был люксембургянцем. Но в области теории он иногда допускал ошибки куда более грубые, куда более элементарные, чем Роза Люксембург. Начиная с первых его писаний в «Neue zeitung» в 1902 г. и кончая некоторыми его теоретическими писаниями в тюрьме до 1918 г., Карл Либкнехт допускал большие теоретические ошибки. Он сам объявлял себя агностиком, он говорил о необходимости «нового синтеза между Марксом и Гегелем», он бросал неверные фразы о том, что политика, собственно говоря, является «искусством невозможного», на партийном съезде в Бремене (1912 г.) он говорил об империализме в духе каутскианства, он пытался выдвигать совершенно непродуманную «теорию параллелограмма сил» и т. п. Либкнехт не был теоретиком революционного марксизма. Но на практике он был революционером, а в годы мировой войны — великим революционером, одним из самых замечательных бойцов пролетарской революции.

Внутри германской социал-демократии Либкнехт стоял на левом марксистском фланге. Но сколько-нибудь законченной позиции, сколько-нибудь цельной платформы Либкнехт не имел и в «германских» вопросах. Он выступал за необходимость антимилитаристской пропаганды в тот момент, когда «отцы» германской социал-демократии считали «бестактным» об этом говорить. Он настаивал на том, что нужно уделить

больше внимания' организации молодежи в тот момент, когда те же «отцы» считали эту задачу почти забавой. В этом громадная заслуга Либкнехта. Настаивая на антимилитаристской пропаганде и поддержке организации молодежи, Карл Либкнехт как бы предчувствовал свою будущую роль во время империалистской войны.

Либкнехт стоял на левом фланге германской социал-демократии. Но эту партию он считал *своей* партией и единство германской социал-демократии было для него еще и в 1914 г. чем-то совершенно неприкосновенным. До самого начала войны и даже в начале ее Карл Либкнехт не решался и подумать об открытом неподчинении большинству германской с.-д. и тем более о расколе ее. Еще 4 августа 1914 г., когда произошло знаменитое голосование германской социал-демократии за военные кредиты, Либкнехт, горячо борясь внутри парламентской фракции против этого голосования, перед внешним! миром однако ограничился очень слабым протестом. Только 2 декабря 1914 г., при повторном голосовании за новые 5 миллиардов военных кредитов, Карл Либкнехт, голосуя открыто против, — один из 111 Слд. депутатов, — составил и свою декларацию. Политическая позиция Карла Либкнехта была еще настолько неопределенна, что большевики в своем центральном: органе сочли нужным подвергнуть ее открытой критике.

В эту стадию войны Либкнехт отразил пока только стихийную тягу рабочих к миру и первые проблески понимания с.-д. рабочими империалистического характера войны. Только летом 1915 г., во время работ первой Циммервальдской конференции, Либкнехт присоединился к ленинскому лозунгу превращения империалистической войны в гражданскую.

Тем временем образовалась группа «Спартак», сыгравшая такую большую роль в истории германской революции. Во главе этой группы стояли Либкнехт и Люксембург, — первый преимущественно как ее политический вождь и агитатор, вторая — как теоретик и идейный вдохновитель. Первые же выступления этой группы вызвали к вождям ее почетную для них ненависть буржуазии и социал-демократии. Историческое значение первых же выступлений спартаковцев бесспорно. И все же никогда нельзя обходить молчанием тот факт, что группа «Спартак» далеко еще не имела законченной большевистской программы. Члены этой группы, представлявшие ее в Циммервальде и Кинтале, зачастую шли с Мартовым против Ленина. Организационно эта группа была еще связана с более широким объединением оппозиционных германских социал-демократов, впоследствии образовавших независимую с.-д. партию.

Теоретические позиции Карла Либкнехта и в эту пору еще не были додуманы до конца. И тем не менее, фигура Либкнехта уже в это время росла не по дням, а по часам. Брошенный на военную службу, он продолжает и в армии свою антивоенную пропаганду. Ни осадное положение, ни моральные скорпионы со стороны вождей официальной социал-демократии не могли его утратить. Его «товарищи» по с.-д. партии не останавливаются перед тем, чтобы попытаться изобразить Либкнехта... сумасшедшим. Смертельная ненависть прусской военщины преследует его на каждом шагу. Но тем больше растет решительность Либкнехта, тем больше крепнет металл в его голосе, тем больше закаляется его революционная воля. Во главе авангарда берлинских рабочих он отправляется на Потсдамскую площадь, чтобы открыто поднять знамя борьбы против войны. Эта демонстрация берлинских рабочих, возглавленная Либкнехтом, войдет в историю мировой, революции как один из самых славных эпизодов, свидетельствующих о великой отваге борцов пролетариата в самую мрачную военную годину.

Карл Либкнехт бросает знаменитые лозунги: *«Враг находится в собственной стране!»* *«Поверните штыки против собственной буржуазии»*. Эти призывы разорвались, как бомба. Надо было пережить тогдашнее свинцовое время, чтобы понять, какое действие должны были произвести эти призывы Либкнехта. За эти смелые слова германская военщина при сочувственном улюлюкании официальной германской социал-демократии отправила Карла Либкнехта на каторгу. Но и на каторге Либкнехт остался знаменосцем германских рабочих. И именно здесь он «перерастал» в знаменосца *мировой* революции.

Чем дальше шла империалистическая бойня, чем больше росла гора трупов, чем убийственнее становилось положение рабочего класса, чем больше назревало недовольство трудящихся и росла революционная решимость пролетариев всех воюющих стран, тем больше имя Либкнехта светило рабочим в кровавой мгле империалистической войны.

Но вот грянула русская революция. Из каторжной тюрьмы Карл Либкнехт шлет русским рабочим слова ободрения и поддержки. К этому времени Либкнехт начинает убеждаться уже в полной правоте большевиков. Его прежние «друзья», русские меньшевики, вплоть до самых «левых», оказались такими же банальными социал-предателями, как и Шейдеманы и Эберты. Программу Карла Либкнехта, его лозунги, его имя понесли в разбухшую революцией многомиллионную массу русских рабочих и солдат только большевики. В июльские дни 1917 г. Ленина и его ближайших товарищей постигает участь, во многом похожая на участь

Карла Либкнехта, — их также пытаются оклеветать и забросать грязью, как Либкнехта, их также объявляют «агентами» иностранных держав, их также бросают в тюрьмы и казематы, как «врагов отечества». А их вчерашние товарищи по партии и по II Интернационалу — Либерданы, Церетелли и Черновы — также прикладывают руку к позорной травле большевиков.

Через глухие стены тюрьмы до Либкнехта доносятся сведения о происходящем в России. С захватывающим интересом Либкнехт ловит каждую вест, идущую из той первой страны, где революция прорвала огненное кольцо войны. Октябрьскую победу большевиков Либкнехт приветствует из тех же стен каторжной тюрьмы, хотя в общей принципиальной оценке ее он вначале допускает ошибки люксембургского характера. Большевики у власти... Они горды дружбой и полной безраздельной политической поддержкой со стороны таких борцов, как Карл Либкнехт.

Несколько месяцев пролетарская революция в России идет от победы к победе триумфальным маршем, по выражению Ленина. Но вот перед нею возникли первые большие международные трудности. Германский империализм оказался еще достаточно сильным, чтобы заставить русскую революцию пройти через полосу Бреста. В спорах внутри большевиков по поводу допустимости подписания Брестского мира имя Либкнехта играет не малую роль. В Германии явно поднимается революционная волна. Победы германской революции можно, ждать уже не только с месяца на месяц, но даже со дня на дань. Конечно, если Либкнехт победит, он избавит нас от всех трудностей и исправит все наши глупости, — говорит «левым» коммунистам Ленин, — но из этого не следует, что мы можем себе позволить делать чрезмерное количество глупостей и что мы, при данном соотношении сил, можем отказаться от подписания Брестского мира.

Русская революция Брестский мир подписала. Этот факт вызвал неслыханный взрыв ярости у всех социал-патриотических элементов России. Мелкобуржуазный «патриотизм» накалился докрасна. Вожди II Интернационала во всем мире и в том числе в Германии со своей стороны делали все возможное, чтобы оклеветать большевиков, заподозрить их мотивы, представить их в возможно более неблагоприятном свете в глазах западно-европейских рабочих. И опять Карл Либкнехт из стен каторжной тюрьмы подает сигнал лучшей части германских рабочих и европейскому пролетариату вообще. Он понял тактику большевиков не сразу. Но понявши ее, он ринулся на помощь большевикам со всей той энергией, которая была ему присуща. Он солидаризируется с большевиками. Он говорит западно-европейским рабочим: если первая пролетарская

революция вынуждена сейчас пройти через тяжелый Брестский мир, то в этом не вина большевиков, а в первую очередь вина и беда самих западно-европейских рабочих, которые не смогли еще должным образом прийти на помощь русской революции.

Тем временем силы германского империализма все более истощаются и подходят к своему полному исчерпанию. Революционный кризис в Германии назревает со все большей быстротой. Рабочие массы, измученные войной, рвутся на революцию. Официальная германская социал-демократия делает все возможное и невозможное, чтобы удержать эти массы в повиновении империализму. Но уже поздно. Военные поражения Гинденбурга и Людендорфа ускоряют развязку. Германские рабочие революционизируются не по дням, а по часам. Знаменосцем, вождем революционного авангарда является Либкнехт. Ореол Либкнехта сияет всем угнетенным, всем революционным рабочим мира.

Революционное движение германских рабочих и солдат раскрывает перед Либкнехтом двери тюрьмы. Освобождение Либкнехта из тюрьмы вызывает радость передовых пролетариев всего мира. В специальной телеграмме Ленин, Сталин, Свердлов приветствуют Либкнехта от имени всей коммунистической партии Советской страны. Прямо из каторжного каземата, во главе могучей рабочей демонстрации, Либкнехт отправляется к зданию советского посольства в Берлине, чтобы прежде всего послать приветствие русской пролетарской революции. Он обнажает голову перед красным знаменем Советской республики; первую свою речь в революционной Германии он произносит в честь русской революции и советской власти.

С этой минуты вся работа Либкнехта есть непрерывное горение на службе пролетарской революции. Вокруг спартаковцев группируется вся революционная часть германских рабочих. Имя Либкнехта — факел, освещающий дорогу растущим рядам германских революционных пролетариев. Влияние спартаковцев растет.

Но германская буржуазия и германская социал-демократия действуют несравненно более организованно и по-своему умно, чем русская буржуазия и русские эсеры и меньшевики. Они прежде всего учли опыт русской революции. Если Керенские, Церетелли, Черновы и Либерданы, получившие власть в свои руки, бросили лозунг, «продолжения войны до конца», то Шейдеманы, Носке и Эберты, получивши власть в свои руки, прежде всего бросают лозунг: «заключение мира во что бы то ни стало». Мир с империалистической Антантой — война против революционных рабочих! Мир с Клемансо и Ллойд-Джорджем — война против Карла

Либкнехта и спартаковцев, — вот пароль «социал-демократического» правительства, вышедшего из ноябрьской революции.

Немецкая и вся международная буржуазия, вожди немецкой и всей международной социал-демократии, обученные «русским опытом», озлобленные до бешенства против поднимающейся пролетарской революции, делали все, чтобы заманить в ловушку и пораньше перебить неокрепшие ряды плохо вооруженных революционных рабочих. А рабочие, измученные войной, рвались на восстание. «Ненависть толкала на преждевременное восстание» (Ленин). Через трупы спартаковских рабочих, через трупы Розы Люксембург и Карла Либкнехта социал-демократия вела — и на время привела — буржуазию к власти в «свободной» Германии, которую для издевки над рабочими первое «с.-д.» правительство наименовало «социалистической» республикой. Дорого заплатил германский пролетариат за опоздание с расколом с.-д. партии, за отсутствие прочной, сплоченной большевистской партии.

Героическое восстание спартаковцев потерпело поражение. Но оно посеяло семя грядущей победы. Это семя *взойдет*.

---

notes

Примечания

1

Выделение *р а з р я д к о й*, то есть выделение за счет увеличенного расстояния между буквами заменено курсивом. (не считая стихотворения).
— Примечание оцифровщика.

В «Шаге вперед» Ленин пишет: «Никто не относится иначе как с величайшим уважением к Вильгельму Либкнехту» (т. VI, 226).

Library по-английски: библиотека. В своих воспоминаниях о Марксе Либкнехт сообщает: «Library меня прозвали дочери Маркса».

Читателю необходимо иметь все время в виду следующее: и в письмах с фронта и в последующих письмах из тюрьмы Либкхнет старается рисовать свое личное положение в гораздо более розовых красках, чем оно было на самом деле. Он делал это систематически, дабы по возможности успокоить близких. В этом отношении его манера очень напоминает манеру писем Н. Г. Чернышевского в его долге летней переписке с родными из далекой Виллюйской ссылки.

5

Пусть себе!

6

Имя опущено Либкнехтом в интересах конспирации.

7

Действие определяется местом, где оно происходит.

8

С точки зрения вечности.

9

По-смейному.

Счастливое исключение в этом отношении составил Франц Меринг. На страницах «Leipziger Volkszeitung» он раньше других защищает «брестскую» тактику большевиков.

В заключительной части программы говорилось:

«Союз «Спартак» — отнюдь не партия, которая стремилась бы к власти над рабочей массой или через посредство рабочей массы.

Союз «Спартак» является лишь сознательной частью пролетариата, указывающей широким массам рабочих на каждом шагу их исторические задачи на каждой стадии революции — социалистическую конечную цель, — и представляющей во всех национальных вопросах интересы пролетарской мировой революции.

Союз «Спартак» отказывается делить власть с Шейдеманами — Эбеотами, приспешниками буржуазии, ибо в этом сотрудничестве он видит измену основным принципам социализма, усиление контрреволюции и задержку развития революции...

Победа союза «Спартак» не начинается, но завершает революцию: она равнозначна победе миллионных масс социалистического пролетариата. Вперед, пролетарии! На борьбу! Вам предстоит завоевать целый мир и бороться с целым миром. В этой последней в мировой истории классовой схватке во имя высших идеалов человечества нужно вбить осиновый кол в грудь врага».

Советское полпредство было выслано из Берлина за пропаганду в пользу германской революции.